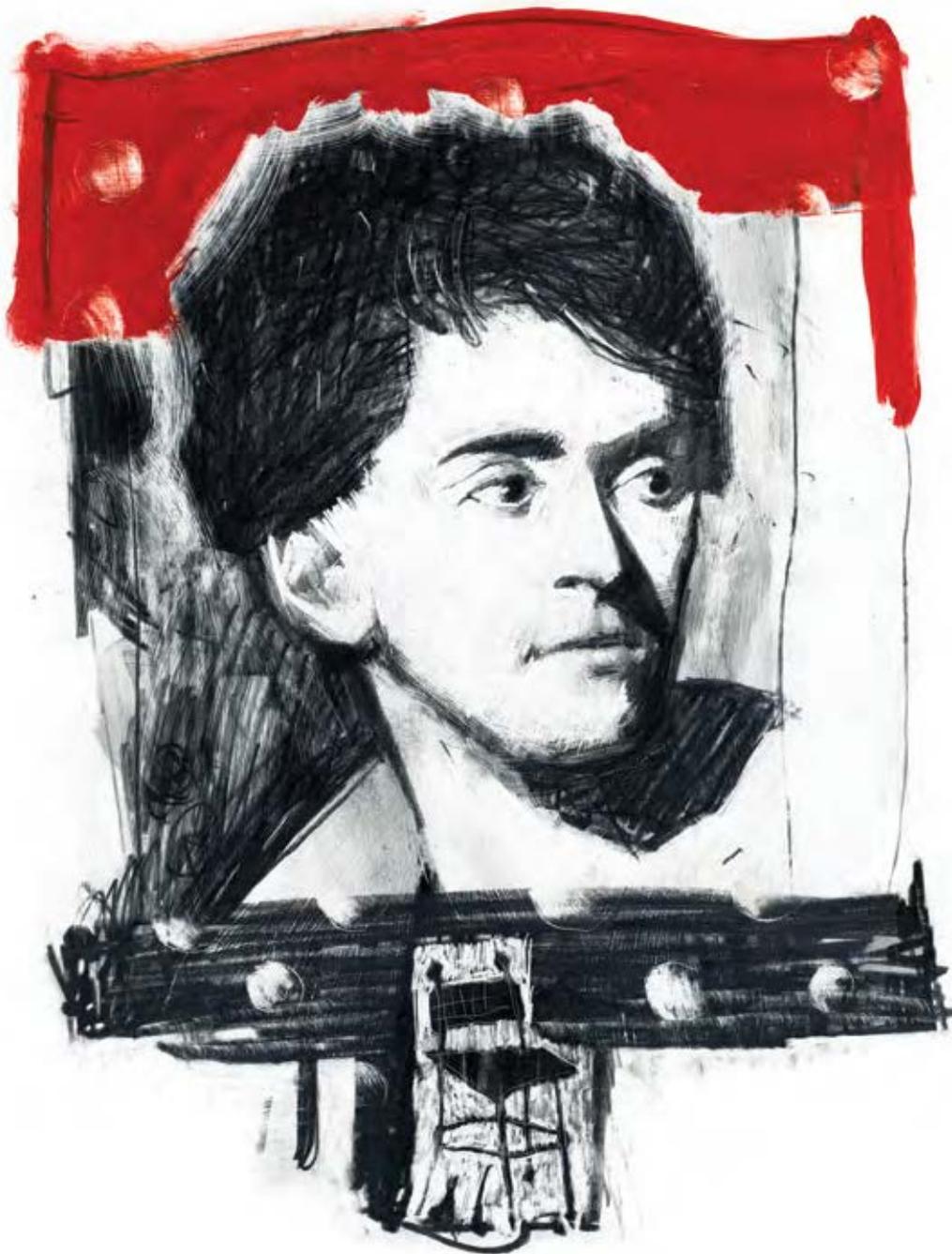

№1 (46) 2023
12+

МОЛОДЕЖНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ПЕРВОЦВЕТ

ИМЯ: ИОСИФ УТКИН. ГАЛЕРЕЯ СКАЗОЧНЫХ КАРТИН...

ГАЛЕРЕЯ: СЕРГЕЙ ЖГИЛЁВ. ТОЧКА, ЛИНИЯ, ПЯТНО...

КОНКУРС \ \ ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ \ \ ГОСТЬ НОМЕРА

Слово редактора

Приветствую читателей, авторов и друзей альманаха «Первоцвет»!

Всего в новом номере представлено 44 автора. Поэты и прозаики разделены по возрастным категориям: до 18 лет и после 18 лет.

В традиционных рубриках «Поэзия» и «Проза» нового номера вы, как всегда, найдете работы талантливых молодых авторов Иркутской области в возрасте от 14 до 30 лет. Впрочем, в этот раз самый юный участник журнала — ученик 3-го класса школы № 57 г. Иркутска Даниил Гергушкин. Его стихотворение «Прогульщик» можно прочитать в рубрике **«Конкурс»**.

В рубрике **«Имя»** вы найдете стихи знаменитого советского поэта Иосифа Уткина, чье имя носит Иркутская областная юношеская библиотека — учредитель и издатель нашего альманаха. К тому же в этом году исполняется 120 лет со дня рождения поэта.

Как ни парадоксально, Иосиф Уткин подходит журналу по возрастной категории. Мы публикуем (притом впервые!) стихи, которые он написал в 19 лет. Ранее неизвестные произведения автора обнаружила в архиве своего отца — известного исследователя литературы Сибири В.П. Трушкина — его дочь Анна. Она не только дала нашему альманаху право первым напечатать эти стихи, но и подарила библиотеке имени Уткина оригинальную машинопись 1920-х годов.

Также специально для «Первоцвета» Анна Трушкина написала статью, в которой она рассматривает основные ошибки и недочеты начинающих авторов и дает дельные профессиональные советы молодым писателям. Ее вы найдете в рубрике **«Литературная мастерская»**. Здесь же можно познакомиться с подборкой книг по сценарному и писательскому мастерству от ответственного секретаря альманаха Елены Сыроватской.

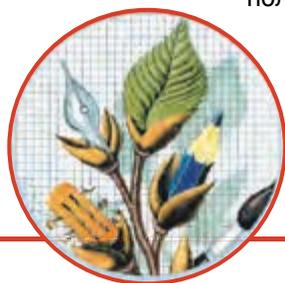
Некоторые стихи Иосифа Уткина проиллюстрировал художник номера Сергей Жгилёв — молодой, но уже признанный на всероссийском уровне график. Его и его творчество в рубрике **«Галерея»** представляет Мария Аверьянова — наш новый искусствовед.

В рубрику **«Гость номера»** в этот раз мы пригласили поэта Наталью Добаркину, ставшую победительницей областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» в номинации «Поэзия».

Радует, что в рубрике **«Рецензия»** появились и молодые критики, размышляющие о литературе, в том числе издающейся в Иркутске. Поэт Максим Булдаков попробовал свои силы в эссеистике и написал о творчестве Надежды Ярыгиной, а участник конкурса «А судьи кто?» Тимур Осипов — о новом романе Леонида Юзефовича.

Редакция журнала считает важным, что каждый номер презентуется в течение нескольких месяцев не только в Иркутске, но и в нескольких муниципальных образованиях региона, и за это мы говорим спасибо губернаторскому проекту «Деятели культуры и искусства — жителям Иркутской области».

В этом году для авторов альманаха и тех, кто хочет ими стать, появилось еще одно новшество — проект **«Мастерская «Первоцвета»**. Это встречи с главным редактором, на которых начинающие писатели могут поговорить о литературе с профессиональной точки зрения, поучаствовать в разборах и получить советы от опытных литераторов.

Мы хотим, чтобы альманах «Первоцвет» стал добрым другом и спутником любого молодого писателя, ведь именно в нем вы можете найти единомышленников. Приятного чтения!

**Главный редактор альманаха «Первоцвет»
поэт Артем Морс**

В номере

Слово редактора.....1

Поэзия. Первый опыт

Татьяна Сенокосова.....4

Chris Serebronn.....6

Лилия Сапфинова.....7

Проза. Первый опыт

Глеб Булатов. Не смотри назад. Рассказ.....8

Алиссандра Кардаш. Сибирское пламя. Рассказ.....11

Таисия Курилова. Золотой царевич. Рассказ.....13

Елизавета Брюханова. Глаза. Я водил поезда. Рассказы.....16

Василий Колодяжный. Чемодан. Рассказ.....21

Дарья Золотарёва. Девочка в моем отражении. Рассказ.....24

Мария Галичина. Арсенал. Рассказ.....25

Мария Сугаченко. Девочка из стеклянного шара. Рассказ.....30

Яна Червонная. Медвежонок и море. Рассказ.....32

Имя

Иосиф Уткин.....36

Галерея

Сергей Жгилёв.....52

Нищий денежку нашёл

В номере

Поэзия

Анна Першина.....	58
Олеся Лемзякова.....	59
Соня Штурм.....	60
Алексей Халилов.....	61
Анна Шкляр.....	63
Марина Щуковская.....	64
Ярослав Кашин.....	66
Анна Алтунина.....	67
Владимир Клейнерман.....	68
Дмитрий Белых.....	69

Проза

Екатерина Сереброва	
В чью пользу? Рассказ.....	72
Владимир Клейнерман	
Окончательное решение. Повесть.....	76

Конкурс

Иннокентьевские звездочки.....	94
Проба пера.....	98
Молодость. Творчество. Современность.....	104
А судьи кто?.....	114

Гость номера

Наталья Добаркина.....	118
------------------------	-----

Литературная мастерская

Анна Трушкина. Индивидуальная нота. Несколько советов начинающим.....	124
---	-----

Рецензия

Максим Булдаков. Молитва для атеиста. О стихах Надежды Ярыгиной.....	128
Тимур Осипов. О «Зимней дороге» Леонида Юзефовича.....	131

Что читать, чтобы хорошо писать

Елена Сыроватская. Время искать свой путь!	
Обзор литературы по сценарному и писательскому мастерству.....	132

Маска

Поэзия

Первый опыт

Татьяна Сенокосова

18 лет, г. Иркутск

* * *

Тебе предпочитаю одиночество,
Твоим словам — молчание в ночи.
Мне ничего не надо. И не хочется.
Будь добр, напоследок помолчи.

Порядку предпочту я безобразие,
Ведь хаос мыслей лучше сладких грез.
В твоих глазах я вижу несогласие.
Ты тонешь в море черных едких слез.

Я предпочту улыбку глупой гордости,
Прощенье обменяю на обман.
Не надо мне твоей железной твердости.
Сталь не соперник. Я же океан...

Полет в обмен на капельку безумия —
Какая мелочь для слепой души...
Не хватит и горы благоразумия
Для тех, кто просит черта: «Рассмеши!»

И снова предпочту я одиночество,
Ему — сиянье глаз ночной звезды.
Но вот мое последнее пророчество:
Весь мир в последний миг — это ты.

* * *

Мы — пленники немного разговора.
Беззвучный крик обманывает нас,
И бесконечность связывавших фраз
Мы потеряли в пустоте раздора.

Мы в лабиринте звука заблудились.
Все сплетено в неясный странный ком.
А в мире, раньше близком и большом,
Мы незаметно просто растворились.

Мы в лапах жесточайшей тишины.
Она сжимает сдавшуюся душу.
Как в зимнюю лесную злую стужу
Все тени нам становятся страшны.

Мы просто тонем в проклятом молчанье,
Мы сами забываем все слова.
Но стоит лишь воскликнуть: «Я жива!» —
Закончится людское наказанье.

У МЕНЯ НЕ БУДЕТ ПАПЫ...

«У тебя не будет папы», —
Мне сказали при рождении.
Так, наверное, на свете
Началось мое взросление...

У меня не будет папы —
Я за это не в ответе.
Как же много одиноких
Мам на проклятой планете!

У меня не будет папы.
Папа — мишка, он игрушка.
Только этот папа видит
Все слезинки на подушке.

У меня не будет папы.
Только зависть и надежда,
Что когда-то он вернется
И все будет не как прежде.

У меня не будет папы.
Книжки будут и тетрадки.
Правда, школьные успехи
Не приносят в жизнь порядка.

У меня не будет папы.
Все победы и работы
Стоят многого, конечно,
Но не папиной заботы.

«У меня не будет папы» —
Как ужасны эти строки!
Ведь без папы в мире семьи
Беспросветно одиноки.

* * *

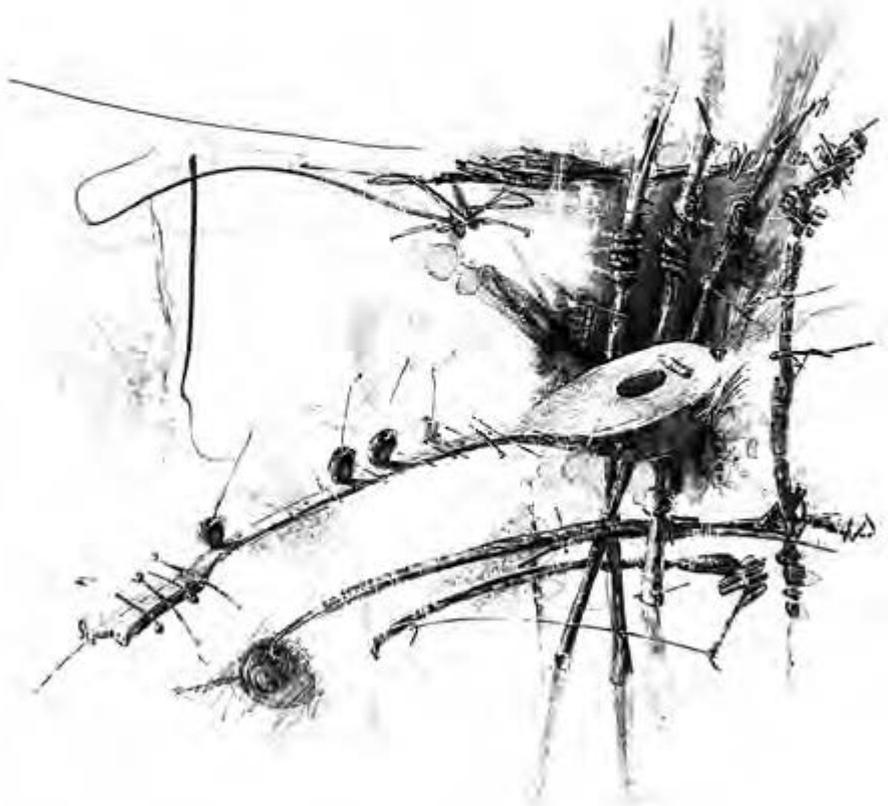
Все суета и вечный бег
Средь тесных злых домов.
А как же ночь, а как же снег?
А вьюга у холмов?

И в лабиринте мрачных стен
Мы не заметим вновь
Чудесных встреч и перемен,
Что дарят нам любовь.

В своем мирочке, как в гробу,
Мы прячем сердце-клад.
И, сторожа души тюрьму,
Мы не глядим назад.

А там, за нами, облака
И вечный сказки мир.
А там, за нами, берега,
Где льются звуки лир.

И тишина, и тот покой,
Что ищем до весны,
Там, где таинственный прибой
Рожденной сном страны...

Chris Serebronn

18 лет, г. Иркутск

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний снег, как ты прекрасен!
Как первый дождь и теплый сон.
Звенит апрель. Он чуть опасен
И снова по уши влюблен.

Бежит зима — она тоскует
По прежним празднествам своим.
Теплеют воды, солнце чуя,
И грохот льдов неумолим.

Мой друг, досталось нам немало:
Немало бед, худых вестей...
Ты сквозь вселенскую усталость
Взгляни на свежесть вешних дней.

Вдохни, пока еще не поздно,
Зеленых талин* аромат;
Взгляни на листики березы,
На распускающийся сад.

Ведь дальше будут лета грозы,
Задышит зноем трель цикад...
Так посмотри скорей в окошко —
Идет последний снегопад!

*Талина — талое место.

НА БАЙКАЛЕ ДОЖДИ

На Байкале дожди,
Теплый гул за столом.
Дым идет из печи,
Согревая наш дом.

Подгоняет пласты
Серых сахарных дюн
В небесах за окном
Ветер — древний колдун.

Ткет Байкал кружева —
Волн ребристый наряд.
Кружит чаек орда,
Травы звонко шумят.

Обжигает язык
Черный чай с чабрецом,
И тепло на душе.
Все дела — на потом...

Так давай же споем
О реке Ангаре,
О Саянах седых,
О сибирской судьбе.

Наряжается ель
В капель чистый хрусталь,
И светлеет с тобой
Неба серая даль.

GO

Go не спать со мной!
Go играть в весну!
Go себя простить,
Сжечь свою тюрьму.

Просто утром встань
И пойми тотчас:
Это не game over,
Это жизнь для нас!

Скучно — значит, действуй!
Плохо — соберись!
Этот мир ждет действий,
Каждый шаг есть жизнь.

Ничего не бойся,
Волю дай себе
И беги, как Форрест,
Наперекор судьбе.

Лилия Сапфирова

19 лет, г. Иркутск

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Случается осенний ливень.
По комнате проносится дыханье.
И легкой дымкой отдает мне пламя
Камин полупотухший у дивана.

А запах очень нежный и зовущий,
И притяженью больше нет предела.
В руках какао, слово и картина...
И, пледом теплым я укутавшись в полтела,
Вдруг улетаю в мир другой.

И музыка звучит, как будто шепот,
И капли в ритм отстукивают счет,
А ветер вольный, мне еще неведомый,
Танцует вальс с печалью за окном.

Проза

Первый опыт

Глеб Булатов

17 лет, г. Иркутск

Не смотри назад

Рассказ

Это было в Москве где-то в 2008 году. Я тогда работал таксистом. Сейчас, когда уже сменился век, сложно представить, но раньше в пределах третьего кольца катались такие машины для одного-двух пассажиров. Проезд был не очень дорогой, потому что таксисты каждый день придумывали новый маршрут и весь день ездили лишь по нему. Я тоже не делал исключений. Один только случай был...

Сидел я тогда в машине возле Останкинской, доедал лапшу из коробочки. Над крышей гордо парила табличка «До МГУ». Желаящих поблизости не было, поэтому я жевал не торопясь. На оси останкинского шпилья вертелось около десятка рекламных колец. Это зрелище завораживало так сильно, что я даже не заметил своего пассажира, только услышал хлопок двери.

— До ВГИКа.

Я чавкнул лапшой и отставил порцию на торпедо. Ехать туда мне совершенно не хотелось.

— Вы табличку видели? Ну знаете же правила, так что поедем... — Я хотел повернуться, но на мое плечо упало несколько пятитысячных. Сумма была явно больше, чем я получал за поездку обычно: раз в десять точно. После такой поездки можно месяц не выезжать на рейсы. Ладонь машинально легла на купюры, и, крепко сжав деньги, я положил их в бардачок. — Как скажете.

Машина завелась, послышался звук примагнитившейся к крыше таблички. Я так и не повернулся. Боялся, что только гляну назад, а он сидит там с камерой и улыбается неприятно: шутит над нищим таксистом. Пусть лучше уж так.

Город тонул в майской жаре — синоптики, как всегда, развеяли облака над центром. В ясном небе надоедливо жужжали электромагнитные сферы, забирающие клерков на обед с верхних этажей небоскребов. Как только начнется старая застройка, покажется и университет. Ехать было не очень далеко — намного ближе, чем к Воробьевым горам. Но машина как будто каталась по беговой дорожке: то объезд, то светофор, то робота пропусти. Так что к цели я приближался очень медленно. За такую сумму хотелось обеспечить максимальный комфорт, поэтому я молчал, как любят большинство пассажиров. Молчание угнетало даже сквозь звуки радио.

Незнакомец нарушил его первым:

— Нравится таксистом работать?

— Не жалуюсь.

— А почему в компанию не пошли?

Я все-таки бросил взгляд в зеркало заднего вида, но мой собеседник, видимо, сполз по сиденью вниз так, что я едва разглядел его макушку.

— Мне нравится по городу кататься, еще и деньги за это получать. Работа мечты.

— Но вы ведь не об этом мечтали?

Не отрываясь от дороги, я начал усиленно вспоминать, о чем я мечтал в юности. Ладно, вру, я хорошо это помнил, но все это было, что называется, не про вашу честь.

— Не могу точно сказать.

— Но не таксистом?

— Сомневаюсь, что кто-то мечтал стать таксистом.

Я всерьез задумался, чтобы развернуть машину на ближайшем повороте и на полученные деньги прокатиться до МГУ по платной дороге. Нельзя сказать, что мой пассажир был непозволительно дерзок, но от незнакомых людей подобные колкости порой просто нестерпимы. Тем более когда эти колкости — правда.

Всю свою юность я хотел стать режиссером. Меня так завораживала магия кино, что в старших классах я носился с камерой, донимая одноклассников постановкой сценок. Однажды даже удалось снять короткометражку. Правда, пересмотрев ее через неделю, я принял решение все удалить. В выпускном классе, приходя из школы, я садился писать сценарии, и к поступлению у меня набралась приличных размеров творческая папка. Выбор, конечно же, пал на ВГИК. Только там меня никто не ждал с распростертыми объятиями. Я не прошел еще на первом этапе. Помню, все лето тогда провалялся на подмосковной даче, поедая чипсы. Лишь в августе спохватился, что можно загреметь в армию. Проскочил на филфак на платной основе, но неудача, как балласт, тянула на дно. Не выдержал и отчислился. Пошел в таксисты, но мимо университета старался не ездить. Если бы не щедрое вознаграждение, то и сейчас не поехал бы.

— Возле Тарковского меня высадите.

Из-за поворота показался старый каменный корпус, за ним на солнце переливался второй — стеклянный. Сердце невольно сжалось, я поехал медленнее.

— Не сюда ли хотели?

— Может, и сюда. Вам-то что за дело? — огрызнулся я.

Моя интонация незнакомца не смутила, и он продолжал расспрашивать:

— А почему в итоге таксист?

— Не получилось у меня! — взвизгнули по асфальту колеса.

Я с удовольствием отметил, что мой пассажир такого не ожидал. Повисла продолжительная пауза, от которой звенело в ушах. Кто дал ему право так глубоко копаться в моей душе?

— А кто дал тебе право сдаться и не попытаться вновь? Подвел ты меня...

Этот гад даже интонацию отзеркалил! Благо, что мы уже приехали. Я дернул ручник.

— Вы хотели сказать, подвез? — нервно забарабанил я пальцами по рулю.

— Нет, подвел.

— Да какого тебе вообще надо?!

Пальцы впились в кожаное сиденье. Я развернулся, чтобы очень невежливо попросить незнакомца покинуть машину, но так ничего и не сказал. На заднем сиденье сидел... я сам, похожий как две капли воды. По крайней мере, мне так показалось сначала. Потом стало заметно, что волосы парня чуть длиннее, поросль на щеках не такая густая, а на лбу нет шрама, который я получил, став таксистом.

— А кто дал тебе право сдаться
и не попытаться вновь? Подвел ты меня.

— Узнал?

Он так заразительно улыбался, что я тоже не выдержал и улыбнулся.

— Тебе сколько сейчас?

— Семнадцать лет и девять месяцев. Через два месяца я попробую поступить, а провалив попытку, стану тобой.

Звучало довольно оскорбительно, но я прекрасно понимал мальчишку. Никто бы не обрадовался, увидев свое будущее таким. Захотелось даже извиниться.

— Но как ты здесь?

— Помнишь фильм такой — «Петля времени»? С Брюсом Уиллисом? — Он заливисто засмеялся. — Вот это приблизительно то же самое.

— То есть еще в прошлом была машина времени?

Я с интересом повернулся к нему всем телом.

— Скорее в будущем появится, но это неважно! Я пришел, чтобы наглядно показать разницу.

— Между чем?

— Между тобой и мной. — Он принял серьезный вид. — Видишь ли, ты думаешь, что в тебе ничего не поменялось, но ты легко заметил даже внешние различия. Они тоже заметят, — кивнул парень головой в сторону института.

Я сидел в ступоре. Мой молодой двойник только что лично явился и потребовал не сдаваться. Чтобы осмыслить подобное, необходимо время — кому-то больше, кому-то меньше. Но тогда мне казалось: все, что можно, я уже понял и решил.

Ссутулившись, я боязливо взглянул на институт, потом нахмурился и посмотрел на прошлого себя. Его брови удивленно поднялись, рот приоткрылся в глуповатой гримасе.

— Ничего они не заметят. Да и внешне-то, ты преувеличил, мы почти одинаковые.

— Дело ведь не во внешности! Я про другое тебе говорю. Действуй, дружище! Одна попытка — это очень мало.

— Слушай, — теперь уже я принял серьезный вид, хотя со стороны было похоже, что у меня челюсть свело, — ты молодой еще, сил и времени много, поэтому кажется, что все легко и просто. Если думаешь, что я очень уж плохо живу, то расслабься — таксисты тоже не бедствуют.

— Ты был готов... Я готов землю есть, чтобы за обучение платить, а ты говоришь «нормально»! Мечта, понимаешь! Я не верю, что ты мог ее потерять.

В чем-то он был, конечно, прав. Может быть, даже во всем. Но парень задел меня за живое.

— Ты самый умный? Попробуй сначала поступить, а потом демагогию со мной разводи! — Я стукнул по подголовнику. — Также мне мотиватор!

Он дерзко оглядел меня, приподнял подрагивающий подбородок и прищурил глаза, готовя достойный ответ. Наконец собравшись, парень открыл рот, но смог только тяжело схватить воздух. Еще через мгновение он зарыдал, бессильно колотя ладонями по собственным коленям. Едва открывая рот, он гулко вдыхал, и все начиналось заново. Несколько минут спустя он все-таки смог собраться, дав себе пару хлестких пощечин. Парень направил на меня красные от слез и злобы глаза.

— Я приложу все возможные усилия, чтобы поступить, чтобы ты исчез навсегда! Всего хорошего.

— И тебе не хворать!

Он выпрыгнул из машины, хлопнув дверью со всей силы.

А вдруг и вправду поступит? Что же тогда со мной станет? Через пару секунд до меня дошло, что такое хорошим не кончается.

— Стой!

Он не остановился. Крикнул только, будто бы самому себе:

— Главное — не смотри назад!

Больше я его не видел.

В тот день я закрыл маршрут и поехал домой. Вечером неподвижно сидел возле окна, наблюдая, как солнечный диск опускается за горизонт, унося с собой день. Когда над городом погасли неоновые вывески, я все-таки оторвался от окна и задумчиво поплелся к кровати. Уснуть так и не удалось: едва я закрывал глаза, как передо мной вставал обиженный, рыдающий парнишка.

Утром я открыл ноутбук и придирчиво перечитал все работы. Полная безвкусица. Мальчишке определенно стоило кое-что исправить.

Оставив экран гореть, я принялся за повседневные дела. За завтраком, смотря на мерное мерцание курсора над заголовком, я решил отредактировать все сам. Ближе к обеду по клавиатуре застучали пальцы. На экране появились совершенно новые слова. Пролетел час, другой, но азарт все не пропадал. Незаметно прошло и два месяца, а я не исчез, как пророчил молодой двойник. Все бы хорошо, но нужда заставила меня снова выйти на работу. Покатавшись пару дней, я понял, что от подобных поездок становится тошно. Отдавая лицензию таксиста в Департамент вольного городского транспорта, я написал в объяснительной, что больше не желаю подвозить незнакомцев.

Сейчас я скромный журналист в небольшом издательстве. Да, это совсем не то, что требовал от меня гость из прошлого, но и сам я уже не такой, каким был. Во всяком случае, теперь я бы взглянул в его глаза без стыда. И он бы меня понял.

Алиссандра Кардаш

17 лет, г. Тайшет

Сибирское пламя

Рассказ

— Смотри на звезды!

— Я смотрю.

— Ты смотришь на меня, — она возмущается и глядит серьезно, но через несколько секунд губ касается мягкая улыбка. — Ты ведь знаешь, Матвей, я здесь родилась и выросла. Много всего происходило: мы с семьей уезжали к черту на куличики, к самому Дальнему Востоку. Там бушует море 300 дней в году, а погоду предсказать не могут даже синоптики. Там города оживленно-мертвые, в контраст Китаю, до которого добраться — дело пары часов. Там не встретишь снегирей под окнами, зато вечно просыпаешься от жалкого крика ворон. По-моему, эти птицы мысли читают, потому что мне тоже... хотелось кричать по ночам. На востоке ночи такие темные, что даже своих рук не разглядеть, можно глаза выкалывать. Но я всегда видела — а может, чувствовала — слезы маленького брата. Мы больше ничего так не желали, как домой вернуться...

На мгновение Аля замолкает и снова отворачивается к небу.

— Ты красивее звезд.

Не знаю, услышала ли она этот едва различимый шепот, но все же опускаюсь на спину и устремляю взгляд к черной бесконечной россыпи галактик.

— Я обещала семье, что останусь с ними — там, на Дальнем Востоке, у самого Тихого океана. Но лучший способ сохранить свое обещание — никогда не давать его. Обстоятельства бывают гораздо сильнее.

— Или любовь, — улыбаюсь я.

— Или любовь, — повторяет Аля. — Больше всего на свете я люблю звездопады Сибири. Только здесь небо бывает... таким. Здесь люди горячие, импульсивные, чтобы согреть друг друга чувствами в морозные зимы. Здесь лицо от метелей горит, словно иглы впиваются в кожу, когда оказываешься в тепле. Здесь самые быстрые и опасные горные реки, самые прозрачные озера. Отчетливее всего мы замечаем разницу между летом и зимой. Весна — начало новой жизни, а осенью хочется заснуть в золотисто-красных листьях. Лето такое зеленое, с запахом хвои, полевых трав и ромашек. Солнце яркое-яркое, словно находишься у самого экватора. Я здесь чувствую себя живой, понимаешь?

Аля напоминает мне лесной пожар. Она — дикое пламя, остановить которое никому не под силу, пока не придет время. Она не успевает задумываться о том, кем является на самом деле. Куда важнее сжечь все мосты за своей спиной, даже не успев перейти их, только бы не впустить никого на свою сторону. Из-за этого так часто оступалась и падала, но всю жизнь повторяла, что лучшее лекарство — сибирское пламя. И только ей одной известно, что она имела в виду.

— Каждую весну, когда приходили приливы, нас затапливало. Дома на сваях, переезд на чердак — все это с трудом помогало. Говорили, что однажды океан поглотит деревню, что нужно спасаться... Родители серьезно обсуждали покупку дома в другом месте. Но кто согласится купить наш, на самом берегу? Никто и не соглашался. А прилив в тот год задержался... В конце мая я уехала в лагерь, отказавшись взять с собой брата, а в июне пришла вода. Пришла неожиданно, ночью. Дом, школа, церквушка, единственный в городке магазин — все скрылось под водой. Родители спаслись. Но с братом попрощаться я так и не успела...

*Мы здесь счастливы в любое время года,
в любую погоду. Сибирь снимает все проклятия
несуществующих гадалок и морей.*

Аля молчит, и эта тишина так режет уши, что мне хочется кричать, но в реальности я только сжимаю кулаки до побелевших костяшек.

— Через неделю или две после того кошмара гадалка предсказала, что у моря меня ждет верная смерть. И я пережила тайфун; сломала ногу, скатившись со скалы; едва не утонула... Это кого угодно убедит.

Аля никогда не верила гадалкам. Она просто хотела домой. И вернулась в Сибирь в августе — в пору самых прекрасных звездопадов.

Сегодня мы снова сломали свой режим сна, которого давно уже нет. Мы слушали сказки небес, находясь за тысячи верст от Тихого океана, откуда девушка сбежала сверкая пятками. Мы здесь, на старой крыше полуразвалившегося дома, чувствуем себя героями красивых сказок народов Севера. Мы здесь счастливы в любое время года, в любую погоду. Сибирь снимает все проклятия несуществующих гадалок и морей.

Аля быстро дала мне понять, что жить будет, как сама пожелает, даже если весь мир встанет стеной осуждения. Ее научил этому Север. В ее крови не течет — бурлит кровь настоящего воина, не по годам мудрого и находчивого. Она в тайге ориентируется лучше любого охотника, находит на небе все 88 созвездий и всегда празднует дни Колеса года. Аля наши горные реки переплывает без труда, забирается на стройные сосны, диких зверей кормит, язык лесных птиц понимает и ничего не боится, потому что здесь — дом.

— Ну смотри же, смотри! Снова звезда падает!

Аля поворачивается ко мне, легко толкает в плечо, и в глазах ее такое сибирское пламя, такой блеск сотни горящих комет, что по моим венам пробегает разряд тока, согревающий от макушки до кончиков пальцев.

— Я смотрю.

Таисия Курилова

18 лет, г. Иркутск

Золотой царевич

Рассказ

В те дни, когда человеческая память была точнее летописи, когда цари служили народу и стремились к справедливости, а знать считала честью принять в своем доме странствующего мудреца, жил принц. При свете дня он восхищался богатством собственных владений, разъезжая верхом на лучшем скакуне. Ночами же принц менялся: страдал от бессонницы и дурных сновидений.

В покоях царевича до рассвета горели лампы, а призрачные отблески их огней нежно мигали в темноте комнаты подобно звездам на небе. В главном зеркале принц находил утешение: стоило ему взглянуть в отражение, как царевич представлял себя в короне, в шелках и рубинах, а шею его обвивали драгоценные змеи. Принц не тонул более в темноте — его душа утопала в тщеславии.

Но утешение принца было хрупким: грезы не могли спасти от того, что никто не поддержит наследника на коронации, никто не покроет его голову лепестками бархатцев, а одеяния сохранят чистоту, такую же холодную, как тьма, которой боялся принц. И прекрасная корона сжимала голову, рубины сочились горечью, а змеи на шее не давали вдохнуть. Принц выбегал из покоев в слезах, и ночной воздух и блеск настоящих звезд возвращали его в настоящее.

* * *

В снах принцу виделось падение дворца, засуха в саду, война, снисходительно-насмешливые взгляды прохожих и он сам, облаченный в лохмотья.

В детстве царевич несколько раз сбежал на рынок — из любопытства. По крайней мере, так он говорил. На самом деле царевич желал обрести друга. Во время первого побега царевич заблудился на базаре. Девочка с флейтой нашла его и помогла выбраться.

— Как тебя зовут?

— Саджи. А как твоё имя?

— Аданали.

Однажды девочка позвала Саджи на семейный ужин. Людей собралось немного, и еда подавалась простая: гороховые лепешки, ладду из нута и сахарные колечки, но принц в жизни не был счастливее — он больше не чувствовал себя одиноким. Мальчика приняли как родного. Каждый старался усадить его на самое хорошее место за столом и предлагал лучшие сладости. Царь-отец привык баловать сына дорогими подарками в минуты, когда тому нужен был ласковый взгляд или доброе слово, и только семья торговца сумела дать юному царевичу то ценное, о чем мечтает самый богатый человек на земле.

Аданали шутливо предлагала угощения:

— Обязательно попробуйте ладду моей бабушки, Ваше Высочество. Во дворце вы не найдете ничего подобного!

Он смеялся так, как никогда не смеялся во дворце.

— Надеюсь, вы любите музыку, Ваше Высочество. Мои родные говорят, что я хорошо играю на флейте, но кроме них я еще никому не играла. Хочу, чтобы во дворце было о чем вспомнить. Вам ведь там одиноко, Саджи, очень одиноко! Послушайте мелодию флейты — вам станет лучше.

Когда Аданали играла, перед ней разливалось звездное море и все тревоги растворялись в нем. Россыпи молочно-белых огоньков плескались в серебристо-синей воде. Игра возносила

ее все выше и выше над землей, и Аданали растворялась в чистейшем воздухе, обнимала весь мир своими хрустальными мелодиями и не хотела возвращаться на землю.

— Ты и вправду отлично играешь, Аданали. Ты и твоя семья подарили мне истинное удовольствие! Позволь мне отплатить за радушный прием. Чего ты больше хочешь? Я могу заплатить за твою игру чистейшим золотом, драгоценными камнями из царской сокровищницы — только назови свою цену!

— За что же ты хочешь расплатиться? Неужели дружба и тепло очага для тебя товар и моя душа для тебя стоит так дешево?! Запомни, царский сын: ты не сможешь купить семью и любовь ни за какие деньги!

В сердце Саджи бушевала ярость, словно боль Аданали смешалась с его собственной обидой. На мгновение принц остановился: «А ведь она права».

Прошло время. Принц повзрослел, но не забыл про свою ошибку. Он мечтал увидеть Аданали, но гордость не позволяла ему нарушить молчание и попросить прощения первым. И лишь в ту ночь, когда от мук одиночества для царевича погасли все звезды на небосводе, он задумался: «Я живу во мраке. И только любовь к Аданали может вернуть свет моей душе...»

* * *

Домик торговца притулился под холмом, делящим город и деревни. Шершавые стены из бежевой глины были украшены отпечатками детских ручек. Дочь лавочника жарила на костре рыбу. Вдруг огонь встрепенулся; подскочила с визгом собака, возившаяся в пыли. Напротив крыльца зазвенели подковы царского скакуна.

Всадник спрыгнул с лошади и обратился к Аданали:

— Мне было непросто найти тебя, дочь лавочника.

Голос принца ослаб, превратившись в шепот.

— Может, судьба велела прекратить поиски?

— Аданали, прошу, выслушай! Одиночество одолело меня: вода не утоляет мою жажду, а еда не приносит телу никакого насыщения. В глазах у меня бесконечная ночь, в моем сердце горная стужа. Аданали, по ночам я страдаю, а успокаиваюсь, беседуя со звездами подобно безумцу! Земля исчезла. Я слеп, глух и болен.

— Отчего же вы не обратитесь к лекарю, принц?

— Аданали, умоляю! Ты единственная, кто может мне помочь! Ведь ты с самого начала знала, что со мной это произойдет. Пойми, отец откупался от меня дорогими подарками и развлечениями, пустыми для живой души, потому и я не мог поступить иначе в тот вечер. Но я понял свою ошибку, и сейчас мне очень нужна любовь, дочь лавочника. Твоя любовь! Ради этого я могу даже отречься от царства и уйти в скитания...

— Коснитесь стоп моего отца.

— Что?

— Принц, давайте будем честны: от царства отречься вы не можете. Без титулов и богатства вы лишитесь последних достоинств, а значит — покровителей. В таком случае одиночество захватит ваш мир, а страхи окончательно завладеют разумом. Да, моя семья бедна, но это не повод откупаться от нас так, как, возможно, откупался от вас ваш отец... — Аданали сдержалась и продолжила говорить мягче: — Мой папа лишился лавки, а с нею — уважения и дохода. Если сын махараджи дотронется до его стоп, в наш дом может вернуться почет. Мне очень хочется помочь отцу — в этом главное мое желание!

— Но коснувшись стоп того, кто ниже меня по статусу, я сделаю себя посмешищем... В этом ты видишь мое спасение, дочка торговца?! Я раскрыл перед тобой душу, переступил через гордость и страхи, а ты издеваешься надо мной!

— Так вот как... гордость. Значит, ваша болезнь порождена гордостью. Она губит свет в душе, она не позволяет и никогда не позволит ей дотянуться до звезд! Из-за нее, наверное, вы вместо звезд слышали звон монет во время моей игры.

— Отчего ты всегда права? Отчего я не могу держать на тебя зла?..

Через день принц вернулся. Аданали ощутила свою власть над этим гордым и красивым человеком, но ей не хотелось заставлять принца страдать. Как и Саджи, она помнила детство и счастливые минуты, проведенные с царевичем.

— Аданали, где твой отец? Я коснусь его стоп.

— Папа, выгляни на минуту!

Из-за двери показалось лицо старика. Принц ступил на порог, сложил руки чашей и поклонился, а после этого сел на колени и дотронулся до стоп лавочника кончиками пальцев. Но как только принц поднялся, Аданали заметила на его лице жгучую досаду.

Девушка вглядывалась в горизонт за плечом царевича. Голос ее стал бесстрастным:

— Довольно, принц. Из пустого семени не вырастет дерева. Вам пора домой. Если общение с семьей лавочника и поклоны главе этой семьи вызывают у вас столь большие неудобства, вы не должны себя этим утруждать.

— Аданали, прости меня... Аданали!

* * *

Среди мангровых зарослей обитала ракшаси — старая колдунья, известная мастерством зельеварения. Со всех концов света к ней сходились путники в надежде получить ее благословение и бутылек с заветным снадобьем. Принц слышал рассказы о чародейке во дворце, когда вельможи из дальних стран гостили у махараджи.

Саджи оставил на привязи коня и облачился в самую легкую одежду.

— Входи! Долго же ты плутал, царевич...

— Я не плутал. Мне нужно одно из твоих снадобий.

— Заплутать может не только тело. Лишь глупец отождествляет путь души с тропой, по которой бродит его оболочка!

— Прости меня, мудрая ведьма, я был нетерпелив. Я, кажется, обречен на одиночество, потому что влюблен, но не могу быть с той, которую полюбил, из-за своей гордыни. Ты верно заметила: моя душа заплутала. Говорят, у тебя есть снадобье, способное очищать от любого порока. Позволь мне выпить его и избавиться от гордыни, что мешает мне быть с моей любимой.

— Ты прав, у меня есть такое зелье. Но существует опасность: тот, кто его попробует, может не только избавиться от пороков, но и лишиться способности чувствовать и превратиться в камень.

Принц не задумываясь осушил бутылку.

— Как скоро оно подействует?

— Дождись ночи, царский сын.

Стемнело. Звезды горели так ясно, словно эта ночь была главной в их бесконечной жизни. Принц стоял возле зеркала, облаченный в лучшие свои одежды, и улыбался с нежностью. Лунный свет словно поглаживал смиренные черты.

Лишь в эту ночь страхи принца рассеялись и бессонница покинула его.

— Заплутать может не только тело.
Лишь глупец отождествляет путь души с тропой,
по которой бродит его оболочка!

* * *

Рассвет струился через горизонт алеющим потоком. По залитой жаром кухне кружились частички муки, аромат свежего наана и нутовых сладостей окутывал дом. Аданали открыла дверь в знак приветствия ветру. Но едва она шагнула за порог, как утреннее благоговение сошло с ее лица: на крыльце возвышалась золотая статуя. Тело идола укрывали полупрозрачные шелка, зеленый гранат украшал лоб, а шею обвивали золотые змеи.

Аданали обняла идола. Драгоценная змея упала со звоном, следом за нею востепенулся шелк. Тепло разлилось по лицу, рукам и наконец дошло до сердца. Принц прижал дочь лавочника к себе, уткнувшись головой в россыпь ее волос.

— Аданали, ты — мое счастье...

Елизавета Брюханова

17 лет, г. Иркутск

Глаза

Рассказ

Эти глаза. Я часто их вижу во снах, но еще чаще в сумерках, предвещающих ночную черноту. За окном разливаются тусклые пятна фонарей, далекие детские крики стихают, остаются лишь негромкий и монотонный гул дороги и тишина глубокой синевы. Я смотрю на пляску теней на стене. Полоса за полосой. Полоса за полосой, убегающей вдаль. А затем на голубеющей штукатурке появляются они — глаза. Я знаю, что они не смотрят на меня, но мне страшно. Я боюсь того, что однажды зрачки, глубокие и влажные, как озера, повернутся ко мне. Наверное, тогда наконец и наступит смерть. Но им нет до меня дела, они смотрят сквозь и прямо на весь мир. И мне становится больно и обидно. Ведь это Любины глаза.

С ней никто не разговаривал на перемене, никто не помогал собрать кисти и вынести грязную от краски воду. Она была страшенькая. А когда ты еще мал и глуп, это важно.

Люба ходила в серой застиранной, мешковатой кофте, напоминавшей о старушках, и в затертых джинсах. Не модно затертых, а таких изношенных, с пузырями на коленях. Все древнее, надетое тысячу раз и пахнущее пылью.

Не только одежда, вся Люба была очень старой. Она не смотрела современное кино, не слушала популярную музыку. Даже ходила сгорбившись, отчего казалась совсем маленькой и гадкой. Мы с подругами говорили: «Мышь мышью. Ничего человеческого не знает, даже поговорить с ней не о чем».

На уроках живописи все постоянно разговаривали: о парнях, модных шмотках, о том, как надоела учеба. Сыпали глупыми шутками и так же глупо над ними смеялись. А Люба молчала. Она сидела в самом дальнем углу, у окна, отгородившись мольбертом, и рисовала. Долго, неотрывно, совершенно забыв обо всем вокруг. Иногда я разглядывала ее исподтишка, делая вид, что очень увлечена очередным натюрмортом с пластиковыми фруктами. Некрасивые, непропорциональные черты Любиного лица преобразались, когда она касалась кистью листа. Нос картошкой казался меньше, узкие и бесцветные губы розовели, а темно-карие невыразительные глаза вспыхивали изнутри. В солнечные дни свет, лившийся из окна, заставлял ее сиять.

*Всегда есть тот, кто смеется,
и тот, над кем смеются.*

Настя говорила, что Люба отсталая, с задержкой в развитии. Ася просто называла дурой. А я, к своему стыду, поддакивала обеим, ведь смотреть на Любу было жалко. Это как разглядывать

бездомного пса, тощего и покрытого липким слоем грязи. Очень хочется помочь, но даже прикоснуться страшно.

С Любой ни в коем случае нельзя было дружить. Тогда бы я тоже стала той дворняжкой, которую пнуть — обычное дело. Любу пинали постоянно: забирали пенал с карандашами, проливали воду на колени, прятали ее старенький портфель с отошедшим замком. Только рисунки портить боялись — Марина Юрьевна бы все поняла.

А Люба никогда не злилась. Она брала тряпку и старательно вытирала лужу грязной, бурой воды, пока девчонки закидывали ее ластик высоко на шкаф. Люба смотрела прямо в пол, не оборачиваясь на смешки, упорно продолжая тереть и тереть безнадежно испорченный линолеум. Тонкая, но длинная косичка ее сероватых волос (мышинный хвост) моталась из стороны в сторону. Я не видела ее лица, но, кажется, Люба никогда не плакала.

Иногда мне хотелось опуститься на колени рядом с Любой и собрать рассыпанные кисти. Но когда все смеются, ты тоже смеешься. А потому я роняла ее банку с карандашами на пол. Мне кажется, никому из нас не было весело. Просто каждому казалось, что если он не засмеется, то сам станет объектом издевки.

Интересно, кто начал это представление? Ася? Настя? Лера? Или я? Наверное, никто из нас. Просто это было неизбежно. Всегда есть тот, кто смеется, и тот, над кем смеются. И мы хохотали, распаясь от мнимого превосходства.

А Люба продолжала рисовать. Мы почти никогда не видели ее работ. Она носила их свернутыми в рулон и показывала только Марине Юрьевне, что-то тихо и долго объясняя. Учитель живописи клала руку на Любину сгорбленную спину и внимательно смотрела на рисунок, лежащий на столе, иногда кивая головой. А мы вытягивали шею, пытаясь разглядеть, что же такое нарисовала мышь. Это удавалось сделать редко и мельком. На бумаге всегда дремало что-то очень яркое, выпуклое, живое, готовое сорваться с листа и выплеснуться прямо в наши лица.

Когда мы пытались выдрать папку из Любиных рук и посмотреть, что в ней, она падала на нее грудь и прижимала к сердцу так плотно, что вырвать рисунки не представлялось возможным. Так яростно только матери защищают своих детей.

У нас в общежитии у каждого была своя комната. Колледж получал достаточно финансирования, чтобы обеспечить всем личное пространство. И нас раздражало то, что даже Люба имела на него право. Кажется, она это понимала, а потому всегда закрывала дверь на замок. Но иногда нам все же удавалось проникнуть в ее спальню, и тогда все ее никчемные вещички пропадали с полки. А Люба бегала по коридорам, заглядывая в каждый угол. В конце концов одежда находилась. Скрипела дверь Любиной спальни, раздавался щелчок замка, и вновь становилось тихо. Все возвращалось на свои места.

Только на следующий день я ловила на себе проницательный и болезненный взгляд Любиных глаз, которые с жаром вопрошали: «За что? За что вы так со мной?» И я всегда опускала плечи и съеживалась так, что лоб почти касался свежевывисанного неба на холсте, а в нос бил химически яркий запах краски.

В начале лета мы выезжали на пленэр. Каждый день новое место, чтобы не заскучать. Парки, сады, площади возле музеев... Я запомнила из них только одно: маленький дворик, усаженный кустами сирени, и дом из красного, кое-где осыпающегося кирпича.

Люба сидела, как всегда, поодаль, отвернувшись и полностью погрузившись в рисунок. А я поглядывала на нее, иногда делая пару карандашных штрихов в альбоме. Солнце пекло, но от жары спасали густые ветви ярко пахнущей сирени. На Любу падало больше всего света, а потому наблюдать за ее позолотившимся профилем из тени было еще интереснее. Слепляющие лучи играли с Любиными волосами, распущенными, а потому развевающимися на свежем ветру. Складки белого легкого платья вились, обнимая тонкие ноги и худенькое, слабое тело.

Я моргнула, чувствуя на веке солнечный блик, пробравшийся из-за темной листвы, а когда открыла глаза, то на миг замерла, смотря на то, как Люба гладит по косматой голове

подбежавшего дворового пса. Такая простая картина, теперь навсегда застывшая в глубинах памяти. В этой хрупкой и неказистой девочке я увидела что-то очень большое, глубокое и бескрайнее, как океан. Только он был не грозным и бурным, а теплым и лазурно-чистым, хотя где-то на дне его таилась непроглядная чернота. Я вдруг стала очень крошечной, слабой. Захотелось пить. Язык присох к небу от жары. Вероятно, все дело было в солнечном ударе.

К моему плечу прикоснулась Ася. Видение тут же растаяло. Ася сильнее потянула мое плечо на себя и принялась что-то оживленно шептать в мое ухо. Именно в этот момент и родился наш план.

Мне не надо было ничего делать. Асины слова были лишь приглашением повеселиться. Идея вряд ли была ее, но нам всем понравилась. Люба давно засматривалась на Асиного парня — Дениса. Он был добрым и милым, но это не столь важно. Самое главное, Денис обладал потрясающей улыбкой, светлыми золотистыми волосами и зелеными глазами. Какая бы нормальная девчонка в него не влюбилась? Люба не была нормальной, но и ее это не обошло стороной. Она бросала на него застенчивые взгляды, что-то рисуя в блокноте, и прятала лицо, когда он проходил рядом. Однажды Денис передал Любе карандаш, и ее щеки вспыхнули ярко-ало.

Розыгрыш любви Дениса к Любе был прекрасной идеей. Он быстро согласился. Ненавязчиво подсел поближе к нашей застенчивой мышке, а затем и вовсе заговорил с ней. Поначалу Люба лишь краснела и тихонько мямлила какие-то глупости, но спустя несколько дней уже с радостью и оживлением шептала на ухо Денису что-то, что было для нее очень важно, если судить по горящим глазам.

Через неделю он встретил ее до занятий и подарил букет цветов, трепетно взяв за руку. Денис рассказывал, что большей радости в жизни не видел. Люба зарделась, глаза заблестели, ее худенькая грудь начала чаще и выше приподниматься. Она рассыпалась в словах благодарности. Прерывая этот наполненный неловкостью и удивлением словесный поток, Денис обнял Любу, прижав к себе близко-близко. Так, что слышал суматошное биение ее сердца.

Через месяц настал день нашего триумфа. Денис позвонил и сказал, что назначил Любе встречу вечером в парке. Предвкушая презабавнейшее зрелище, мы с девчонками заранее спрятались за кустами у условленного места.

Уже вечерело. Водохранилище ласкало сиреневыми языками остывающие небеса. В воздухе висели растворяющееся марево дневного жара и терпкий запах цветов. В укромном уголке между деревьями уже становилось прохладно. Денис сидел на скамейке, что-то листая в смартфоне, а мы лежали на влажной траве прямо за его спиной, скрытые коротко-стриженными ветвями клена, и тихо перешептывались.

Люба появилась так быстро, что мы едва успели прикусить язык. Сначала я ее не узнала. По Любиной худенькой фигурке струилось легкое сиреневое платье, доходившее до щиколоток. Похожее на туманные сумерки, оно вздрагивало и трепетало от каждого порыва ветра, обнажая белоснежную кожу ее ног. Когда мой взгляд поднялся выше, я чуть не ахнула. Лицо Любы тоже преобразилось: нос заострился и стал прямее, губы покраснели и пополнели, на аккуратном личике ярко выделились скулы. А глаза... Они стали больше, глубже. В них плескался тот необъятный океан, что привиделся мне жарким днем. Столь яркие преобразования сначала показались чудом, но затем я уверила себя в том, что это был лишь макияж.

Любе было страшно. Она теребила своими тоненькими пальчиками сумочку, которую держала в руках, вздрагивала всем телом, ее губы беззвучно шевелились.

Но сделав глубокий вдох, Люба шагнула вперед и обратилась к Денису:

— Привет.

Отрывая взгляд от экрана, тот на секунду застыл, разглядывая то, во что превратилась наша мышка.

— Привет. Ты...

Люба его перебила, заговорив быстро и сбивчиво:

— Да, я понимаю, что могу звучать глупо и самонадеянно, но я... Я долго думала об этом.

Сначала мне казалось, что тебе нельзя верить, но спустя время я поняла: ты хороший. Ты очень добрый, Денис! Со мной еще никто не был так приветлив. Мне с тобой тепло и спокойно на душе. Я верю, с плохим человеком так хорошо быть не может. И ты единственный, кто меня по-настоящему слушает. Ты... лучший человек в моей жизни! Я... — она на секунду умолкла, — я люблю тебя.

Люба говорила с таким жаром, что Денис не сразу смог ей ответить, совсем забыв про то, что это все розыгрыш.

— А я... — Он замялся, но затем собрался с силами, вспомнив о том, чего мы от него ждем, и твердо закончил: — А я тебя нет.

Лицо Любы побелело и осунулось за пару мгновений. Розовые тени румянца и алый росчерк губ испарились, словно унесенные холодным порывом вечернего бриза. Необъятные глаза потускнели, превратившись в стеклянные бусины. Ее плечи опустились, прямой профиль скривился, как от сильного удара.

— Почему? — спросила она у застывшего Дениса.

Тут мы и выскочили из-за кустов, весело гикая и хохоча. У всех нас были телефоны, на которые мы записали каждую секунду Любиного признания. Я не помню, что мы говорили ей. В голове застыло лишь эхо надтреснутого, наполненного желчью смеха. И сжавшаяся фигурка Любы, абсолютно равнодушная к нашему глумлению. Ее мутные глаза-бусины смотрели сквозь Дениса, сквозь наши искаженные радостными оскалами лица. Они смотрели далеко. В бездну, что перед ней открылась.

Через пару минут Люба отвернулась и медленно зашагала домой, пошатываясь, как поломанная кукла. А мы стояли и смеялись, указывая пальцами на ее постепенно удаляющийся силуэт. Невесело было лишь Денису. Ася попыталась его обнять, но он оттолкнул ее и быстрыми шагами направился в сторону общежития. Мы, крича что-то ободряющее, побежали вслед за ним. Погружающийся в ночь парк полностью опустел.

На следующее утро Люба не пришла в колледж. Такого никогда не случалось. Марина Юрьевна не смогла до нее дозвониться. Занятия тянулись медленно. Я ничего не рисовала, только смотрела в пустой угол, где раньше сидела Люба. Разыгравшийся за окном ливень бил веткой тополя в окно.

Я шла обратно в общежитие. Под ногами хлюпали глубокие лужи, а все пространство перед глазами застилала бескрайняя серая стена дождя, утопившая в себе нечеткие контуры домов, машин, людей, земли и неба. Было очень тихо. Пустоту нарушал лишь шум водяных струй, сталкивающихся со стирающейся реальностью.

В общежитии никого не было. Я сняла верхнюю одежду и вышла в темноту общего коридора. Дверь в комнату Любы была приоткрыта. Я осторожно подошла ближе и распахнула ее до конца.

Тени в крохотной комнатке занимали все пространство. Лежали необъятными черными пятнами на полу, на стенах. От стола, шкафа и кровати остались только углы. Темноту рассеивал лишь квадрат серого света, падавшего из распахнутого окна. Занавески с громким хлопанием металась на ветру, как раненые птицы. Капли с тихим стуком били о подоконник.

На сером квадрате лежала Люба, свернувшись в комок у ножки мольберта. Она казалась крохотной и беззащитной, как новорожденная.

Колени и руки прижаты к животу, лицо уткнуто в пол. В одной ладони зажата кисть, от которой тянется длинная пронзительно-синяя линия по полу, по деревянному остову, по холсту. А с него на меня взирают пронзительно-голубые глаза в обрамлении буйства небес. В них боль, в них пламенное обвинение. И слезы, готовые пролиться бескрайними потоками огненной воды и золота. Глаза говорят не мне, они говорят всему миру: «Тебе тонуть. Тебе гореть. Тебе застыть. Однажды и навсегда».

Тогда я впервые заглянула не в отражение души, а в самое ее сердце — израненное и могучее,

мертвое, но живое. Это был приговор, а еще, возможно, прощение. Прощение, которому не суждено сбыться. Приговор, который будет длиться вечно.

...Прошло уже много лет, но я все еще там. Совсем одна. Тону в бездне. Глубже и глубже. Без конца. И только ее небесные глаза дарят мне надежду. Надежду на то, что я не забуду, почему брожу в темноте.

Я водил поезда

Рассказ

— Кем ты был?

— Я водил поезда.

Мерно стучат колеса, стально поблескивающие рельсы тянутся и тянутся вперед, иногда хитро изгибаясь, сворачивая в сторону, словно пытаюсь запутать. Где-то на краю видимости пролетают поля: комковатые, только покрывшиеся черными пахотными бороздами; солнечные, колосющиеся ровными сочными квадратами; голые, местами стыдливо прикрытые редким снегом. И все Карлу кажется, что он не идет по маршруту, а гонится и никак не может поймать то самое, неизвестное и неуловимое, скрывающееся от его внимательных глаз за очередным поворотом рельсов. И он по привычке прикусывает щеку, приказывая себе забыть, напоминая об установленном графике.

*Это время такое. Так надо. Надо потерпеть,
чтобы потом стало лучше.*

— Что ты обычно перевозил?

— Скот. Иногда зерно.

Карл проходит мимо решетчатых вагонов. В окошках видны крупные коровьи головы и ржаные пуки соломы.

Широкие уши подергиваются, темные глаза смотрят равнодушно. Иногда раздается трубное мычание. Тяжелый животный запах то накатывает волной, то растворяется в порывах ветра. Карл поднимает лицо к небу, к его светлой, теплой голубизне. И ему кажется, что все то черное, грязное, полное нищеты, обреченности и отчаяния осталось далеко позади, а может, даже и не было никогда и впереди только это теплое небо и жизнь...

Откуда-то горько тянет гарью.

— Не юли. Что ты перевозил потом?

Гарью пахнет просто невыносимо. Карлу кажется, что он насквозь пропитался этим запахом, что копоть проникла глубоко в ткань его формы и осела там навсегда. Небо заволакивает дым чадающих труб. Карлу больше не хочется прогуливаться между вагонами, он просто следует маршруту. Туда и обратно, туда и обратно. Больше не за чем гнаться по поблескивающим линиям рельсов. В конце концов, Карл просто машинист и выполняет свою работу.

— Сначала евреев. Потом и советских военнопленных.

— Я смотрю, ты не раскаиваешься. Думаешь, они заслуживали смерти?

Карл молчит.

— У тебя есть семья, Карл?

— Да. Жена и две дочери.

— У них тоже были. Дети, жены, матери, отцы. Но ты ведь и целые семьи вывозил, верно?

Карл опускает голову. Роземари поглаживает его щеки теплыми натруженными руками.

Ее губы шепчут: «Ты устал, любимый?» Всего час назад из его вагонов для скота вываливались обритые, костисто-тощие, сухие, словно поленья для растопки, люди. Маленькая Берта надрывно плачет в соседней комнате, вновь что-то не поделив с Софи. А вчера он видел, как солдат застрелил темноволосую девочку, побежавшую вслед за матерью. Он видел ее маленькое, опухшее от слез личико и медленно стекленеющие глаза. И что Карл мог сделать? Это время такое. Так надо. Надо потерпеть, чтобы потом стало лучше. И лучше стало — Карл привык.

— Думаешь, они не хотели жить? Снова молчишь... А ты хочешь жить, Карл?

В глазах Карла, помутневших от черноты и грязи, безразличных от своей и не своей боли, мигает огонек.

— Хочу.

— Но ты умрешь. Это будет не газовая печь, которую ты топил все эти годы, а старая добрая пуля.

Такая же холодно-металлическая, как его локомотив.

— Поднимайся, Карл. Тебе пора.

Неуловимое и неизвестное скрывается за очередным поворотом в последний раз, оставляя после себя лишь нескончаемую, бесцельную пустоту рельсов.

Василий Колодяжный

17 лет, г. Слюдянка

Чемодан

Рассказ

— Полезай в чемодан!

— Простите, что?

— Просто полезай в чемодан — нет времени на вопросы.

— Простите, конечно, дяденька, но я никуда не полезу. Вы кто?

— Неважно, кто я. Вообще, это все неважно. Просто полезай в чемодан, а там уже и посмотрим.

— Нет, никуда я не полезу, пока вы не объясните, кто вы и зачем все это.

— Я никто, у меня нету имени, нету рода, и вообще меня как будто бы здесь и нет. Я не существую.

— Это что же, мы во сне?

— Да, можно и так сказать. Ну а теперь полезай в чемодан.

— Нет, вы мне еще не сказали, зачем мне лезть в этот ваш чемодан.

— Ну какой же ты нудный человек! Сказано ему лезть в чемодан, так нет: «Кто вы?» да «Зачем вы?»

— Если не узнать все, то можно в реке оказаться с этим чемоданом — вдруг вы преступник?

— Я же сказал, я не существую, а значит, ничего тебе не сделаю.

— Ну тогда нет смысла что-либо делать, если ничего не произойдет.

— Так, ну это уже нечестно. Я тебя по-человечески попросил залезть в этот чемодан, а ты... а ты мне тут все портишь.

— Извините, но у меня нет привычки по первому приказу лезть в чьи-то чемоданы. Скажите, зачем все это, и тогда я подумаю над вашим предложением.

— Ишь ты, деловой. Но я вижу, что ты человек рассудительный, а значит, придется сказать. Я прошу тебя залезть в этот чемодан, чтобы тебя защитить.

— Защитить? А от чего?

— Тьфу ты, как же от чего! От мира!

— От мира?

— Да-да, от мира. Столько всего опасного в этом мире — людям просто необходима защита. Я уже многих защитил, вот теперь и тебя пришло время защитить. Ты прости, что я так долго к тебе шел. Но как же хорошо, что мир еще не причинил тебе вреда!

— Так вы пришли меня защитить от мира... И для этого просите залезть в чемодан?

— Да, все верно.

— Ладно, а от чего же именно вы хотите меня защитить?

— Ну как же! Я хочу защитить тебя от всего.

— Это как?

— Ну... я не могу объяснить. От всего — это вообще от всего: от болезни, горя, потерь и тому подобного.

— А разве это все плохо?

— Ты дурак?

— Не обзывайтесь.

— Конечно, это все плохо. Разве хорошо болеть и чувствовать, что умрешь?

— Ну, не знаю... Если можно умереть — значит, можно и жить. Разве нет?

— Да зачем тебе жизнь, полная страданий? В общем, это неважно. Я сказал тебе, зачем сюда пришел, — теперь твоя очередь выполнить обещанное. Лезь в чемодан!

— Нет.

— Что?! Ты же обещал залезть в этот чертов чемодан. Или же ты врун?

— Я вам не врал. Я сказал, что подумаю о том, залезть мне туда или нет.

— Да что тут думать? Тут сматываться надо! Послушай, я ради тебя стараюсь: хочу защитить от зла людского, от зависти и ненависти.

— Разве все люди злые и завистливые?

— Не все, но многие. Они готовы тебе голову оторвать, лишь бы получить то, что есть у тебя.

— Значит, придется бороться.

— Зачем тебе это? Зачем тебе изнурять себя этой борьбой?

— Чтобы стать сильнее и чего-нибудь добиться. А если добьюсь, то у меня будут силы это защитить. Жизнь нам и дана для того, чтобы бороться и пробивать стены.

— Господи, ну ладно. А как же потеря того, что дорого? Это очень больно и страшно. Ты теряешь то, что важно, в самый неожиданный момент. Тебе разве это нужно?

— Потерять то, что дорого, — это, конечно, неприятно, но, насколько я знаю, жизнь состоит из потерь и находок. Чтобы заработать на жизнь, нужно потерять часть времени и сил. Чтобы найти себя, нужно также потерять время и часть себя прежнего. И, как я уже сказал, чтобы избежать потерь, нужно стать сильнее.

— Хорошо, а ты слышал о подчинении? Тебе придется быть рабом у тех, кто выше тебя по рангу. На тебя будут смотреть свысока. Тебе этого хочется?

— Быть рабом никто не хочет. Но нельзя же забраться на крышу здания за один шаг — таких длинных ног ни у кого нет. Все, кто стоит выше тебя, когда-то были и на твоём уровне. Лестница жизни не будет сама тебя поднимать на вершину, нужно приложить усилия к этому. Делай два шага вперед и один назад, чтобы проверить, нет ли в ступенях разломов, в которые можно улететь. И опять же здесь нужна сила для подъема, поэтому иногда можно отдохнуть... Ты сказал еще об унижении?

— Да, будет унижение. Тебя будут попрекать и стараться занизить. На лестнице бывают и скользкие ступени. Не боишься поскользнуться и расшибить лоб?

— Нет, не боюсь. Конечно, это очень неприятно, когда тебя обижают и гнобят. Но зачем смотреть на тех, кто тебя гнобит из страха, что у тебя все получится? Те, кто тебя обижает, понимают, что в тебе есть что-то такое, что может их скинуть с высокой ступени. Но ступенька не ограничивается размером твоей стопы. Отойди в сторону от пятна и двигайся дальше.

— И правда. А любовь? Ты будешь страдать из-за нее.

— Чем же опасна любовь?

— Люди, как мотыльки, летят на свет в ночи, но не всегда успевают понять, что свечение исходит от смертоносного огня. Для людей этот огонь — Любовь. Не заметишь, как сгоришь, и никто о тебе потом и не вспомнит.

— Если это будет настоящая любовь, то и сгореть не страшно. Я слышал, что любовь может уничтожить, но также слышал, что она дарует самые светлые чувства в мире. Вы видели когда-нибудь глаза влюбленных? Говорят, что эти глаза самые красивые, что они наполнены счастьем. Любовный огонь не только убивает, но еще и греет.

— Бедное ты дитя. Ты почти ничего не знаешь о жизни. Сколько же тебя ждет испытаний! Жизнь опасна, пойми: тебя будут предавать; ты можешь не получить того счастья и покоя, о котором мечтают люди.

— Я знаю, но попробовать стоит. Не все в этой жизни плохо, и не от всего исходит опасность. Жизнь дана нам для движения. Иногда мы останавливаемся, иногда бежим, но в любом случае приходим к определенной цели и эту цель выбираем сами. Мы сами выбираем свою жизнь. Просто иногда в нас будут лететь камни и придется уклоняться. Чем больше камней в нас попадет, тем крепче мы станем; чем больше пролетит мимо, тем легче будет путь. Вы извините, но я не полезу в этот чемодан. Я хочу ощутить мир на себе, а сидеть в темной коробке — это не мое.

— Ты уверен? Здесь, со мной, безопасно. Многие со мной — и не жалуются. Я бы дал тебе простое и безопасное существование. Ты бы не сгорел и не стал кучкой пепла, твои заслуги не были бы развеяны по ветру.

— Я уверен. Я хочу жить, а не существовать. Хочу добиться успехов и укрепить их.

— Ну ладно, ты доказал своей мудростью, что сможешь выстоять против всего мира. Но если вдруг захочешь спрятаться, зови — я приду.

— Не позову. Спасайте других людей, а я так, своими силами спасусь. Вы ведь сами сказали, что я смогу выстоять против всего мира.

*Жизнь дана нам для движения.
Иногда мы останавливаемся, иногда бежим,
но в любом случае приходим к определенной цели
и эту цель выбираем сами.*

Дарья Золотарёва

18 лет, г. Иркутск

Девочка в моем отражении

Рассказ

Мое первое воспоминание из детства похоже на маленький сон. Он всегда в одной голубой комнате: голубые стены, дверь и окна. Я сижу на ковре и играю с плюшевым пони.

Комната для меня наполнена словами. Они летают, принимают разные формы, ведут к разным историям. Но когда в дверях появляются родители, я понимаю, что эти слова лишь в моей голове. Во всем доме стоит гробовая тишина.

В голубой комнате лишь я, мои мысли и мой плюшевый пони. А если быть точнее, в комнате я и одиночество.

Когда в семье появился еще один ребенок, это чувство стало острее. Оно раскалывало мою голову, занимало все мои мысли. Я ощущала его в каждом движении и звуке, несмотря на то что мой и без того маленький мир стал теснее. И с каждым годом он становился все меньше, будто бы все вокруг хотело, чтобы меня раздавило в блин. Такой же блин луны, который висел над моим окном.

Комната сейчас уже не голубая, и нет того пони, но есть она — большая луна, которая всегда напоминает о прошлом.

Ее свет становится голубым зимой — так мне всегда кажется. Он попадает в мою комнату с морозом из открытого окна. И я под ним смотрю на луну, которая говорит со мной, все еще маленькой девочкой. Вот так и сидим втроем: луна, маленькая девочка и маленькое щемящее одиночество.

Утром луны не будет, как и маленькой девочки. Я встану с холодного пола, закрою окно и пойду в школу. По моим следам за мной пойдет мой извечный спутник.

Так проходят дни, сменяются времена года, люди вокруг меняются. Я тоже стараюсь.

Вот уже и выпускной класс. Я подстриглась, покрасила волосы. У меня есть друзья, родители мной гордятся. Но я все еще вижу ее в зеркале — ту маленькую девочку, держащую за руку уже немаленькое одиночество.

У нее большие грустные глаза, белое лицо, голубой пони в руке. Ее мысли все еще летают по комнате. Единственный друг девочки держит ее за руку. Он похож на большого черного кота с такими же, как у нее, большими голубыми грустными глазами.

Этот кот смотрит на меня. Да и как не смотреть, если в моей руке тоже его лапа.

Да, наш единственный друг и извечный спутник, который никогда нас не бросит. Он всегда рядом, спасает нас от проблем и трудностей, остужает голову, делает ее чище.

Когда нет той маленькой девочки, он находится со мной в компании друзей, напоминая о чем-то недостижимом для меня. Будто бы я в аквариуме, за стеклом мои друзья, а по другую сторону, на самом дне, стою я. Их слова так далеки, как они и их жизни.

В эти моменты я всегда понимаю, что эта жизнь не для меня. Так рождается первый цвет — пусть он будет желтый.

Желтый — это цвет жизни, которой у меня нет. Это свет будущего, который я вижу, но стою, словно прикованная, не следуя за ним.

После него всегда идет серый — мои родители. Они для меня все еще стоят в дверях детской, иногда говоря свое мнение и оценки. Я знаю, что родители мной гордятся, но это был бы не серый цвет, а какой-то другой: может быть, розовый. Это не про них. Родители — мой серый. Они то, что никогда не меняется, они мои критики и советчики. Они — цвет стекла в моем аквариуме.

Иногда в отражении аквариума можно увидеть черный. Этот цвет появляется, когда меня одолевают страшные мысли.

Черный — цвет пустоты где-то глубоко во мне, который всегда закрывает от других мой извечный спутник.

Цвет моего спутника — голубой. Яркий и глубокий одновременно. Это цвет воды, которая топит аквариум и всех людей, подходящих слишком близко.

Так — цвет за цветом, слой за слоем — вырисовывается мой маленький сон. В небольшой голубой комнате сидит девочка со своим плюшевым пони. На ее лицо падают желтые лучи солнца. Она грустно глядит на тех, кто смотрит из-за двери. Серые тени покрывают все пространство, а где-то за девочкой в ее тени сидит черный кот с грустными голубыми глазами, ее извечный друг и спутник.

Последний штрих и — пять, четыре, три, два, один...

Сон кончается, и снова начинается жизнь.

*У меня есть друзья, родители мной гордятся.
Но я все еще вижу ее в зеркале — ту маленькую девочку,
державшую за руку уже немаленькое одиночество.*

Мария Галичина

18 лет, с. Батама, Зиминский р-н

Арсенал

Рассказ

Старая яблоня росла на задворках детского санатория «Зоренька», на самом конце полузаброшенной пешеходной тропинки. Кривой шершавый ствол, внушительная шапка ветвей. Под ней сколочено подобие скамейки — доска на двух кругляках, каждой весной осыпанная белыми поблекшими лепестками. В конце июня, в начале второго сезона, это место облюбовали двое мальчишек. Тенек, скамейка, далеко от жилого корпуса — что еще надо для счастья?

Близнецам Григорьевым 12 лет, они отдыхают здесь пятый год. Белобрысые, узколицые, с одинаковой хитринкой в серых глазах, они словно две тени, неуловимые и вороватые. Вожатые недолюбливают их и втайне радуются, когда они исчезают. Пусть шатаются, где хотят, лишь бы не мешали готовиться к очередному конкурсу сенок, не срывали отрядные игры свистом сквозь зубы и комментариями.

— Тоска зеленая! — Рома сплюнул шелуху от семечек на землю.

— Ага, — вяло кивнул Матвей, растянувшись на горячей от солнца скамейке, и накрыл лицо кепкой.

Рома зевнул, прикидывая, сгонять до комнаты за второй партией или не стоит того. Его блуждающий взгляд случайно упал на траву под деревом и зацепился за некую неправильность: она была притоптана, а по земле пролежала полукруглая борозда, словно большой пласт дерна был не так давно отвернут. Мальчишку со скамьи как ветром сдуло.

— Что там у тебя?

— Пока сам не понял. Как думаешь, может, клад?

— Ага, сокровища капитана Сильвера. Размечтался...

Вдвоем братья кое-как сковырнули пласт земли. Внутри была аккуратно выкопанная ямка с квадратными стенами, обмазанными мокрой глиной для устойчивости, а в ней нечто, завернутое в шершавый брезент. Рома как первый обнаруживший находку развернул ее и разложил на земле вещи.

Отполированная дубинка, добротная сделанная рогатка из цельной ветки, лук, самострел из прищепки, даже самодельный арбалет... Глаза разбежались.

— Смотри, это же нунчаки! Такими древние китайцы пользовались.

— А это что, думаешь? — Матвей с сомнением взглянул на нечто алюминиевое с четырьмя колечками из проволоки и остро заточенными конусовидными кончиками.

— Не знаю, как называется, но это надевается на пальцы... — Рома провел когтями по земле и восторженно выдохнул: — Кру-уто!

— Слушай, а ты не думаешь, что это принадлежит Оружейнице? Ну той самой?

Про Оружейницу ходит туча местных легенд. Говорят, что она живет здесь уже третий год, не исчезая ни на один сезон. Говорят, что она невысока ростом, носит маску из коры и появляется, если призвать ее ритуалом. Говорят даже, что она дарит своей милостью тех, кто ей понравится, и дает им заговоренное оружие.

— Ты что, веришь в эти байки? Кто-то смастерил это, не смог взять домой и зарыл здесь. Наверняка ему уже лет под 50 — санаторий-то старый. Кто сейчас делает рогатки? Их в Союзе мастерили.

— Ну нет, это сделано недавно, иначе железо бы заржавело. К тому же вот — в яме еще есть пакет. Современный!

В пакете — инструменты и сырье: клещи, плоскогубцы, ножи, сухая наждачная шкурка, мотки проволоки, непонятные деревянные заготовки, даже куски стекла.

— Так, беру свои слова обратно. Это кому-то принадлежит. Давай забираем что нравится и чешем отсюда по-быстрому. Я без этих когтей не уйду. Да и проволока нам пригодится: из нее можно отмычки делать.

Матвей хочет сказать брату, что обчищать мажоров или украдкой уносить яблоки из столовой — это еще ничего, но вот так обнести неизвестного мастера — как-то подло. Хочет, но не говорит вслух. Ромке попробуй такое скажи — обсмеет с ног до головы! И тихонько стыдясь самого себя, он кладет в карман рогатку — она так удобно ложится в руку, так хорошо натягивается резинка!

Добыча прячется в нижний ящик тумбочки, под свернутые рулоном футболки. Комната рассчитана на двоих, третьего соседа нет, но предосторожности никогда не помешают.

— Ты как хочешь, а я снова иду туда, — лениво сказал Рома перед сном, подложив руки под голову, словно и не к брату обращаясь. — Вдруг это и правда Оружейницы тайник? Вот будет шуму, если мы ее поймем!

— А если она нас? Наверное, пропажу уже обнаружила, ходит, ищет. И у яблони сто процентов будет караулить.

— Тем лучше! Нас-то двое, а она одна, пусть даже нечисть. Что она нам сделает? Да мы ее! Ху, ха! — он изобразил пару приемов карате, но ушиб ступню и зашипел сквозь зубы.

На следующий день подходящая возможность представилась, пока остальной отряд был на концерте. Еще не начало смеркаться, а комары уже налетели, и Ромка пожалел о том, что не надел джинсовку.

Вот и та самая яблоня. Тайник едва нашли — на этот раз он был лучше замаскирован травой и жухлыми листьями. Наверное, до этого хозяин просто торопился.

Матвей насторожился первым, услышав шорох кустов за спиной, но было поздно: в корявый ствол ударилась короткая неоперенная стрела с железным наконечником. Немного повисела, накренившись, и тихо упала в траву.

— Ага-а, пришли за остальным, жулье! — зло и торжествующе протянул тонкий девчоночий голос. — Попались, которые проворовались! А ну, руки вверх, иначе стреляю на поражение!

Фигура в черном с лицом, закрытым берестяной маской, направила на них арбалет, целясь то в одного, то во второго. Ромка замер, словно замороженный в землю, готовясь ринуться в драку.

Матвей отчаянно замахал грязным носовым платком:

— Белый флаг, белый флаг, мы пришли на переговоры!

— Да? — Оружейница иронически склонила голову набок. — Вот незадача-то! А я подумала, что вы пришли унести все остальное.

— Не-не, мы вернуть пришли! — Матвей умоляюще взглянул на брата и вытащил из-за пазухи и рогатку, и когти, и моток проволоки, не обращая внимания на шипение «предатель». — Совесть замучила.

— Да ла-адно! — ехидно протянула незнакомка и внезапно улыбнулась почти добродушно. — Струсил так струсил — сразу и признайтесь. Я, знаете ли, нападать на безоружных не обожаю.

Она шагнула на тропинку, принимая добычу, и сдвинула маску. Под ней обнаружилось обычное лицо: тронутая загаром кожа, курносый нос, карие глаза под широкими темными бровями. Совсем детское лицо — на вид не старше двенадцати.

Не обращая внимания на изучающие взгляды, девочка пригребла к себе свои сокровища, бурча под нос сварливым тоном:

— Ну ладно, проволоку я понимаю — нужная вещь. Ну ладно рогатку. Но когти-то зачем? Не самая моя удачная модель, к тому же без пары. Их полагается надевать на обе руки.

— Если тебе не нужно, то можно я возьму? — Ромка попробовал скроить обаятельную улыбку, но скис под колючим взглядом. Попытка не удалась.

— Тебе не дам. Вот второму, может, что-то и оставлю, а тебе нет. Ты мне не нравишься. Плати сначала.

— А если я принесу тебе еды с полдника, сойдет за плату?

— Не-а. Мало.

— А если материалов достану?

— И что ты можешь дать мне, чего я не найду сама? Крепкие ветви тут в наличии, стекло на территории соседнего санатория для взрослых подобрать можно, железные детали и проволоку — в городе купить.

— А хочешь, радиоприемник старый принесу? — рискнул он. — Его на запчасти можно разобрать. Правда, не спрашивай, откуда достану...

— Ладно. Но имейте в виду, если хоть кому проговоритесь о том, что знакомы со мной, подкараулю и... Ты тоже тогда не спрашивай, как я буду мстить.

— Не проговоримся. Крест на сердце и на пузе или превращусь в медузу! Веришь? Тебя как звать по-настоящему?

— Дина, — она чинно протянула мозолистую ладошку с пластырем на указательном пальце.

— Но лучше по прозвищу — не люблю свое имя. Ладно, пора мне.

И она исчезла в кустах так же бесшумно, как появилась.

Уже потом, через несколько дней, когда они втроем сидели на нагретой солнцем железной ограде и ели чипсы из одного пакета, Оружейница рассказывала:

— Мамка с папой у меня геологи, вечно в разъездах. Особенно летом. Меня с пяти лет отправляли к дедушке — в деревню Каменку. Это недалеко, километра два отсюда. Он меня и научил рогатки мастерить. Потом заинтересовалась этим делом, сделала свой первый лук, затем арбалет. Деда меня всему научил: и строгать, и паять, и даже сваривать. Но этой зимой он умер. Теперь за мной присматривает дядя Вадим, его сын. Он здесь вожатый и часто берет меня с собой — чтоб одна не торчала. Я и тайник оборудовала, чтоб не таскать инструменты туда-сюда лишний раз. Тяжело, знаете ли, спина не казенная.

— Подожди-подожди... — Ромка выцепил из потока слов одно, заинтересовавшее его. — Вадим Алексеич что, реально твой дядя?

— Ага.

Подумать только, сам старший вожатый! Кумир половины мальчишек, танцующий на дискотеках брейк-данс, знающий миллион смешных историй!

Оружейница ухмыльнулась уголком губ, грустно и одновременно залихватски.

— Это для вас всех он крутой, а для меня великовозрастный, пардон, балбес, который ни еду приготовить не может, ни табурет починить. За ним самим следить надо. Зато с контролем не лезет — шатайся где хочешь, только на глаза никому лишний раз не показывайся. Я ведь здесь не очень-то легально, по сути...

Она ухватила большую горсть чипсов, которые рисковали скоро закончиться, и продолжила болтать с набитым ртом, уже с ноткой хвастовства:

— Зато здесь все вокруг мое! Я знаю тут все тайные тропинки, каждый уголок — даже там, где обычные отдыхающие не были. Сама себе хозяйка. Никто не контролирует, не достает с дисциплиной... А если удастся перехватить несъеденных бананов и булочек с полдника, так вообще лафа!

Мальчишки помолчали, обдумывая рассказ, затем Ромка спросил:

— И вот прямо все-все так расчудесно?

— Только одиноко иногда. Вам-то хорошо — вы вдвоем, а у меня сеструха дома осталась.

Оружейница вздохнула горько, даже душераздирающе. Густые темные брови сложились трагическим домиком.

— Тоже близнец?!

— Нет, младше на два года. Альке 10 лет. В прошлые два раза она ездила со мной, а когда деда умер, заартачилась: не хочу, говорит, и точка. Сейчас она в городе у тетки с другой стороны — у нас вообще родни как грязи. А я вот так и кукую тут одна. Зато свободна, да...

Внезапно Ромке отчаянно захотелось чем-нибудь ее утешить.

— Можешь сегодня с нами сгонять — будем девчонок ночью пастой мазать. Идешь?

— А то как же! — оживилась она, вскакивая с забора. — Я и ключи от комнат достать могу.

Это лето было особенным. Стреляли по очереди из арбалета по самодельным мишеням из набитых листьями футболок. Оружейница дулась, что Ромка метче ее, но быстро утешалась очередным подношением. Гуляли по ночам по первому этажу, пугая малышню масками из коры, а потом бежали от охраны, петляя по пустым, гулким коридорам. Пару раз во время сончаса даже сбегали за ограду и доходили пешком до Каменки. Оружейница показала свой дом и вынесла попить в огромной эмалированной кружке. От ледяной воды ломило зубы.

И всякий раз, когда проводились организованные игры на территории, близнецы умудрялись прийти первыми к финишу, собрать больше всего спрятанных призов и привести к назначенному месту больше всех пленников. Как? Никто не знал. «Дух этого места помогает», — поясняли они в ответ на расспросы. «Смотрите, не спалите меня там случайно, — посмеивался вышеозначенный дух, сочно вгрызаясь в яблоко, припрятанное от полдника. — Дядюшка догадается, и мне кранты!»

Но все когда-нибудь кончается. 18 июля Оружейница исчезла. Ее не было ни на их общем месте, ни в лесной беседке, она не откликнулась на зов по прозвищу и по имени.

Вадим Алексеевич в ответ на отчаянные расспросы мальчишек отстраненно ответил, листая вожатский журнал:

— Родители за ней приехали и срочно забрали — сестренка у нее заболела. Рвалась попрощаться с друзьями, но не успела... — Внезапно он оживился, глядя сквозь стекла пижонских очков-бабочек: — Так это вы, что ли, те самые друзья? Она просила передать вам записку. Сейчас вот, подождите, мальчишки... где-то была.

Вожатый порылся в карманах, роняя на землю дождь ненужных бумажек, и протянул фантик от конфеты «Марсианка». На фантике вкось было написано мелкими, жмущимися друг к другу буквами: «Алька сломала руку, я уезжаю домой. Арсенал взять не могла, он теперь весь ваш. Инструменты тоже. Сохраните их. Прощайте, друзья, я буду скучать. Пока, придурки».

Не сговариваясь оба бросились к памятной яблоне. Тайник прикрыт дерном, все оружие на месте, но брошено в яму как попало. Странно для педантичной Оружейницы, которая каждую свою вещь аккуратно упаковывала, заворачивая в пять слоев. Ромка присел на корточки, взял в руки пару новеньких ногтей. Все-таки смастерила, как и обещала...

Ветер грустно зашелестел ветвями тополей. В небе собрались тяжелые сизые тучи. Ромка так и сидел на корточках, не в силах сдвинуться с места, и в душе его ширилась непонятная пустота.

— Пойдем, что ли? — Матвей осторожно тронул брата за плечо. — Надо быстрее забрать, а то придут какие-нибудь... еще хуже нас.

— Да! — очнулся тот и стал лихорадочно собирать «арсенал», заворачивая в куртку.

Санаторий опустел. Нет, слепяще-белые каменные стены остались, как и залитый солнцем двор и аккуратные аллеи, но все это стало до жути пустым. Последний «огонек», надписанные фотографии отряда, девчоночьи рыдания — вся эта привычная суматоха последних дней отдавала липкой, навязшей на зубах фальшью. А потом за близнецами приехала мать, холодно улыбнулась тонкими сухими губами и распахнула дверцу машины.

— Надеюсь, отдохнули хорошо?

— Да, спасибо, — кивнул Матвей и толкнул локтем брата, уже было раскрывшего рот для очередной ехидной реплики.

«Привет. Помнишь, что было зарыто под яблоней?»

Тот притих и крепче прижал к себе плотно набитую спортивную сумку.

Дом. Двухъярусная кровать, старенький комп с клавиатурой и громоздким системным блоком, ковер с Бэтменом. От того сезона остались только воспоминания, новый тайник — на шкафу под грудой хлама — и миллион невысказанных слов.

— Мы найдем ее! — Ромка решительно плюхнулся в крутящееся кресло и включил компьютер.

Тот недовольно загудел, словно жалуясь, что его потревожили, но послушно включился.

— Как? Мы только имя ее знаем и фамилию: Воробьева вроде...

— Достаточно данных для поиска в ВК. Она наверняка там есть.

— А если нет?

— Должна быть!

Поиск выдал длинный список Воробьевых Ди... Как же все-таки ее зовут полным именем? Диана или Динара? А может быть, Дина и есть полное?

И вдруг — чудо! — после сотни просмотренных страничек знакомое курносое лицо с серьезно поджатыми губами. Руки в бесформенных грубых верхонках лежат на руле мотоцикла «Урал». Сообщение...

— Ну я не знаю, что написать: просто «привет» как-то глупо. Надо что-то... ну чтобы она сразу откликнулась. Мак, помоги, ты же умный!

— Давай сюда.

Матвей, подавив снисходительно-усталую улыбку, отложил книгу и присел рядом с братом. Указательный палец с обкусанным ногтем помедлил над клавиатурой, затем выстукал, то и дело замирая над каждой буквой: «Привет. Помнишь, что было зарыто под яблоней?»

Компьютер молчал. И вдруг через две минуты появилась ответная реплика, дополненная издевательски подмигивающим смайликом: «Помню-помню, как же. Вы мне еще, кстати, должны радиоприемник».

Мария Сугаченко

16 лет, г. Иркутск

Девочка из стеклянного шара

Рассказ

Если бы мир был огромным домом, в нем были бы сотни вещей: старинных и новых, обычных неприметных и волшебных. Там были бы антикварные вазы, фарфоровые блюда, каменные статуэтки, старые книги, гляцевые журналы, железные стулья... В этом доме вы никогда не нашли бы двух одинаковых стульев или чайных ложек. Если долго-долго искать, человек обязательно найдет ту вещь, которая будет мила его сердцу. Это может быть что угодно: полки, на которых стоят другие предметы и которые вместят множество вещей; сундуки, в которых лежат платья и маскарадные костюмы; ковры, по которым ходят люди, но которые не утратили от этого своей красоты.

Один там найдет деревянную ложку, теплую, родную — такую, что будет помогать на кухне и успокаивать. Другой — осколки хрупкой фарфоровой чашки, которую перед ним кто-то уронил и не поднял с пола. Он склеит осколки, будет смотреть на нежные изгибы, золотую каемку, тонкую ручку и восхищаться. Он не будет замечать тех трещин, которые так и остались видны. Третий отыщет дубовый стол, что крепко стоит на своих «корнях». Он — опора всего дома, и человек знает, что на него можно положить что угодно, потому что он выдержит.

Когда люди смотрят на предметы, те будто начинают светиться и становятся еще красивее. Другие, наоборот, прячутся и делаются практически незаметными — настолько, что тот, кто не знает, что ищет, их не увидит.

А на одной из бесчисленных полок между музыкальной шкатулкой с зеркальцем и маленькой деревянной лошадкой вы найдете снежный шар на обычной деревянной подставке с тонкими золотыми узорами, из-за которых не видно царапин, залитых лаком. Вы всегда сможете подойти, перевернуть шар и посмотреть, как падает снег на фигурку девочки в белом платье, которая протягивает руку, для того чтобы поймать одну из снежинок. Девочка будет в красном шарфе и таких же варежках. Шарф закроет часть ее лица, и вам придется догадываться, как она выглядит, но вы так и не узнаете, какая же она на самом деле. Вы полюбоуетесь на снежинки, которые будут падать на ее голову, и почувствуете удовлетворение, когда первая снежинка опустится на ее ладонь. Когда закончится снегопад, у вас появится чувство умиротворения, и вы пойдете дальше, но если останетесь и продолжите смотреть на девочку, то заметите, как она начнет двигаться.

Если посмотрите на музыкальную шкатулку рядом с шаром, первым делом вы заметите такие же золотые узоры. Немного побитые края, небольшую трещину на зеркале, потускневшее железо вы не увидите, когда начнете заводить шкатулку. Зазвучит старый вальс, и вам покажется легкое свечение в снежном шаре. Вы подумаете, что так не может быть, дослушаете музыку и пойдете дальше, но если посмотрите прямо на шар, то увидите, что девочка без шарфа и варежек танцует босиком, закрыв глаза. Она сама будет источником света, который начнет отражаться в зеркальце, убирая царапины и трещины. Музыка зазвучит громче, и вам покажется, что девочка стала девушкой и танцует вальс с кем-то, на кого она смотрит с нежностью и кто очень хорошо знает эту мелодию. Но как бы долго вы ни смотрели на музыкальную шкатулку и снежный шар и как бы ни хотели их взять, у вас будет ощущение, что их место здесь, в этом доме, на этой полке.

Но... девочка в снежном шаре давно не танцует. Вы все так же будете проходить мимо той полки, на которой стоят она, музыкальная шкатулка и деревянная лошадка. Все так же будете переворачивать шар и любоваться снежинками. Но вы не сразу заметите, что стекло шара будто немного помутнело. Вы попробуете протереть его, но у вас ничего не выйдет, потому что он помутнел

Если вы сосредоточите взгляд на снежинках, которые продолжают падать внутри стеклянного шара, то увидите, что они начинают закручиваться и вылетать наружу, будто стеклянных стен не существует.

изнутри. Вы останетесь смотреть на девочку, ожидая ее танца, но его не будет. Никуда не исчезнут шарф и варежки, а девочка подойдет к стеклу и начнет водить по нему руками, будто что-то стирая. Вы не услышите, что девочка шепчет: «Где-то здесь была дверь», и никогда не узнаете, что по ту сторону стекла она ничего не видела. На стекле будет иней, через который она разглядит только силуэты. Через него она не сможет видеть мир полностью. Она знает, почему появился иней: в один из бесконечных дней девочка из стеклянного шара поняла, что музыкальная шкатулка играет не только ей, но и деревянной лошадке, фарфоровым чашкам... Она перестала слышать волшебную музыку и теперь слышала только записанную мелодию.

Вы не увидите ее испуганного лица, потому что она знает, что с каждым днем слой инея растет и ей все хуже видно мир за стеклом. Но вы примете неожиданное решение: возьмете снежный шар в руки и отнесете его в другое место — далеко от музыкальной шкатулки и деревянной лошадки. Когда вы пройдете мимо полки, где будут оловянный солдатик, плюшевый медведь и «Музыка ветра», вы остановитесь. Вам это место покажется особенным, и вы поставите снежный шар между плюшевым медведем с солдатиком и «Музыкой ветра».

На одной из бесчисленных полок между коричневым плюшевым медведем, стоящим рядом с ним оловянным солдатиком и «Музыкой ветра» вы найдете снежный шар на обычной деревянной подставке с тонкими золотыми узорами, из-за которых не видно царапин, залитых лаком. Вы всегда сможете подойти, перевернуть шар и посмотреть, как падает снег на фигурку девочки в белом платье, которая протягивает руку, для того чтобы поймать одну из снежинок. Девочка будет в красном шарфе и таких же варежках. Шарф закроет часть ее лица, и вам придется догадываться, как она выглядит, но вы так и не узнаете, какая же она на самом деле. Вы полюбуетесь на снежинки, которые будут падать на ее голову, и почувствуете удовлетворение, когда первая снежинка опустится на ее ладонь. Когда закончится снегопад, у вас появится чувство умиротворения, и вы пойдете дальше, но если останетесь и продолжите смотреть на девочку, то заметите, как она начнет двигаться.

Если вы сосредоточите взгляд на снежинках, которые продолжают падать внутри стеклянного шара, то увидите, что они начинают закручиваться и вылетать наружу, будто стеклянных стен не существует. И как только этот вихрь коснется «Музыки ветра», она заиграет неповторимую мелодию, которая прозвучит лишь один раз. Девочка из снежного шара без шарфа и варежек станет танцевать босиком, закрыв глаза. От нее вновь будет исходить свет, и у вас возникнет ощущение, что она танцует в хороводе. Девочка будет просто кружиться, танцевать с кем-то одним или со всеми сразу, но у вас сложится впечатление, что она танцует с теми, кто так же, как и она, не знает мелодии и просто танцует. И вы не обратите внимания на то, что она смеясь повторяет фразу: «Я нашла эту дверь».

Яна Червонная

18 лет, с. Ербогачён, Катангский р-н

Медвежонок и море

Рассказ

Устал ходить — беги.

Устал бежать — лети.

Дмитрий Емец. «Муравьиный лабиринт»

Улица была весь день очень тихой, а вечером пошел снег. Он заполнял пустоту.

— Если долго лететь из твоего домика в сторону юга, можно найти море, — авторитетно заявил ворон.

— Что такое море? — удивился маленький лохматый медвежонок.

Ворон в тот раз надолго задумался: «Как же можно не знать, что такое море?»

* * *

Ворон, между прочим, появился в жизни медвежонок не случайно. Он жил в его лесу когда-то, но стал большим любителем путешествовать и с тех пор домой попадал довольно редко. Поэтому он не удивился, когда вернулся в очередной раз и не обнаружил своего гнезда. Время бывает порой беспощадно. Впрочем, теперь ему нужно было временное пристанище, которое он вскоре и нашел у медвежонок. Почему так случилось, он не мог себе ответить, но они оба были рады, что нашли друг друга.

— Я ведь однажды чуть не утонул, да, — ворон немного посмеивался над удивленно выпученными глазами медвежонок, — сбился с пути, когда летел с юга на восток. Вымотался ужасно. И остановиться негде: везде море, море. Ругать его по дурусти начал. Думал: к чему мне такое оно, когда смерть уж в затылок дышит? А все ведь из-за него. Хоть бы один островок попался — нет его! А потом я упал — прямо в него свалился. А очнулся уже на берегу. Вынесло оно меня, пожалело...

После этого рассказа он надолго задумался.

— Расскажи еще про море, — просил медвежонок.

И ворон говорил, говорил, а потом улетал куда-то и подолгу не возвращался. А потом вдруг постукивал клювом в окно медвежьего домика и, когда они с медвежонок вновь начинали беседу, рассказывал ему очередную свою, уже новую историю.

— Возьми меня с собой. К морю, — однажды попросил медвежонок.

Ворон не удивился. Он догадывался, что эта просьба когда-нибудь прозвучит.

— Я не смогу взять тебя с собой. Ты ведь не птица. Если ты действительно этого захочешь, тебе предстоит идти самому. По небу дорога долгая. По земле же тебе едва хватит полжизни, чтобы дойти до моря. Возможно, к концу пути ты и не захочешь уже его видеть.

Медвежонок не испугался. Он был молод, глуп и бесстрашен.

Ворон посмотрел на него и вздохнул:

— Если ты за это возьмешься, надо будет идти до конца. Не пей из копытца и не срывай

*По небу дорога долгая.
По земле же тебе едва хватит полжизни,
чтобы дойти до моря. Возможно, к концу пути
ты и не захочешь уже его видеть.*

аленьких цветочков в загадочных садах. Это не наши сказки, так что туда не лезь. Когда станет скучно, чтобы не сойти с ума от дорожной тоски, считай шаги. Так делают путешественники с Севера. Вот так: пять, четыре, три, два, один; пять, четыре, три, два, один, — зашагал ворон своими лапками по деревянному полу домика медвежонка.

— Пять — шагок, четыре — прыжок, три — перескок, два — поворот, один — все вместе, и вот я на месте! — засмеялся медвежонок.

Ворон улыбнулся. Главное, чтобы мечте хватило упрямства.

* * *

— Никуда ты не пойдешь! — хлопотала старая зайчиха. — По крайней мере, сейчас — зима на носу!

— К лету и дойду, — твердо заявил медведь.

Сколько уже звать медвежонком-то, в конце концов? Не маленький ведь! А в мыслях только: «Не забыть бы волшебные слова в дорогу. Пять — шагок, четыре — прыжок, три — перескок, два — поворот...»

— А вот и нет! Перемерзнешь где-нибудь.

Она уже почти плакала, представляя, как синеватый, весь в сосульках медвежонок падает где-то в дороге и замерзает, замерзает... И это несмотря на то, что этот здоровенный лоб, переросший старушку уже раз в 20, всю прошлую зиму прошатался, сбивая снег с высоченных сосен, — ему не спалось.

— Порядочные медведи в такое время спят, — ворчал старый заяц.

Он крайне сердился на медвежонка — не столько из заботы о нем (как это было у зайчихи), сколько из-за того, что эта самая зайчиха вытащила его буквально из сна и в срочном порядке снарядила на совместное спасение медвежонка. Ну кто бы тут не ворчал?

Медведь с трудом удержался от того, чтобы показать ему язык. Он всегда недолго любил этого длинноухого воркотуна.

Но путь все же был отложен. Как минимум до весны...

* * *

Весна впервые зашелестела в осинках, растущих прямо у окна его домика. Так странно — совсем осенняя. Даже само слово — «оси-инка». Совсем осеннее. Но медвежонку они принесли весну.

Посветлевшие ночи не давали ему засыпать — он вновь собирался в путь.

Зайчиха уже бросила отговаривать его от этого, но взмолилась о помощи к дикой лесной кошке, которой боялась до ужаса, но которая слыла большой мастерицей слова и к тому же была почти равной по хитрости известной плутовке лисе.

— И зачем же ты туда идешь? — просто обратилась кошка к медвежонку.

Он был большим упрямым, поэтому стал для нее сродни вызову — вызову ее таланту.

— Я там найду счастье, — сказал он.

— Да неужели счастья больше нет нигде? — с сомнением спросила кошка.

Медвежонок задумался и промолчал.

— А если счастья ты там вовсе не найдешь? — Она начала ходить вокруг него, слегка покачивая хвостом. — Я слышала, путь до него долгий, опасный. А ты придешь, и счастья там нисколько нет.

— Есть, — упрямо говорил медвежонок, но понимал, что и сам постепенно начинает сомневаться.

Он хотел выйти поскорее, не поддаваясь искушению, но его буквально добила последней фразой:

— А если же ты сдашься на полпути? Если не выдержишь испытания? Тебе же надо хотя бы подготовиться к дороге.

Говорила она это, уже буквально сдаваясь, но, сама того не зная, попала в самую точку. Ведь медвежонок понял, что от тех слов, что должны были ему помочь в пути, осталась только часть.

«Пять — шажок, четыре — прыжок, три — перескок...» — думать об этом было почти физически больно.

* * *

Медвежонок, хотя уже совсем даже не медвежонок, а вполне взрослый медведь, вновь собирался в путь. Он очень старался вспомнить нужные слова, но у него совсем ничего не выходило. Он много и серьезно думал, как это умеют делать взрослые. Но если так думать, выходит, что путь того не стоит. Только взрослые не знают, как порою даже целая жизнь может зависеть от того, встретишься ты с морем или нет. Поэтому он перестал мыслить, как взрослые, и тогда у него вышло, что в путь надо отправляться немедленно, а если ничего и не получится, то он хотя бы не зачахнет от тоски.

И вновь беда пришла откуда не ждали: галка принесла на своем черном хвосте таинственное слово «кар-рантин».

Медведь тревожился. Весь лес ожидал большой беды. И выпала из головы еще одна часть: «Пять — шажок, четыре — прыжок... Как же дальше?..»

* * *

Медведь прибирался. Так сказали другие: прибираться нужно почаще, чтобы никаких болезней не было. Им было невдомек, что болел он совсем по другой причине. Самое страшное, что и медвежонок этого не понимал. Он чувствовал себя не на своем месте — его истинный дом был у моря. И ворон, сам того не осознавая, открыл ему глаза на это. Что мешало ему, в конце концов, рассказывать о море не медвежонку, а, например, барсуку, тоже давнишнему своему приятелю, или грачу, который смог бы даже полететь туда вместе с ним? Но ворон неосознанно для себя нашел именно того, кому и должны были говориться те слова о море, о пути к нему... И медвежонок откликнулся — море было ему необходимо. И болел он именно от того, что моря у него не было.

Слова «пять — шажок» были абсолютно бессмысленными, поэтому медвежонок предпочел просто забыть о них, но когда он заглянул в шкаф, где все еще стоял его дорожный чемодан, они вдруг снова нахлынули. Он начал бродить по комнате, бормоча эти два слова, но не мог вспомнить ничего, что должно было произойти при их произнесении. И слова, следующие за ними, он вспомнить тоже не мог.

Но вдруг из-под шкафа тихо донеслось:

— Пять — шажок, четыре — прыжок, три — перескок, два — поворот, один — все вместе, и вот я на месте! Так ты говорил тогда.

Медведь вспомнил весь разговор с вороном; вспомнил, как сочинялась эта нехитрая песенка в дорогу; вспомнил, ради чего он был готов отправиться в путешествие длиною в несколько лет, а то и в полжизни.

— Кто ты? — прошептал он.

Из-под шкафа вылез паучок. Он жил здесь почти столько же, сколько и сам медвежонок. Но он был уже стар, ведь паучья жизнь так коротка, что для нас почти незаметна.

— Как мне отблагодарить тебя?

Ко дну

Медведь не мог даже вымолвить слова благодарности. Ему казалось, всех слов не хватит, чтобы описать его долг перед тем, кто вернул ему его счастье — его море.

Паучок задумался.

— Я прожил столько лет. И все эти годы не знал, для чего живу. А все было так легко. Я жил, чтобы напомнить тебе, для чего живешь ты. Спасибо, — сказал паучок и умер.

Медведь вынес его во двор, выкопал крошечную ямку, положил его туда и прикрыл листочком осины.

Затем он, не мешкая ни минуты, отправился к морю, как и говорил ему ворон. На юг от своего домика. Осинки шелестом попрощались с ним.

* * *

Ему снился странный сон. Ворон напевал ему его же собственную считалочку, а он снова стал медвежонок, снова слушал все его рассказы о далеком прекрасном море.

Он проснулся. Он был стар и сед. Вздохнув, встал и снова отправился в путь.

День, видимо, уже клонился к вечеру. Накатывала знакомая усталость. Он надеялся подбодрить себя. «Пять — шажок, четыре — прыжок, три — перескок, два — поворот, один — все вместе, и вот я на месте!» — улыбнулся он своим словам.

Спустя еще час или два пути он вдруг остановился, услышав странный звук. Плеск! И он побежал.

Медведь, а вернее, медвежонок бросился в первую же волну. Он плакал, и его слезы, падая в море, делали его чуточку больше.

ИМЯ

Иосиф Уткин

Галерея сказочных картин...

К публикации 15 юношеских стихотворений Иосифа Уткина

Материалы, которые публикуются сегодня в «Первоцвете», имеют непростую и довольно любопытную историю. Я обнаружила их в семейном архиве после смерти моего отца Василия Прокопьевича Трушкина (1921–1996), профессора ИГУ, критика и литературоведа, всю жизнь профессионально занимавшегося историей литературы Сибири. Можно предположить, что это перепечатка оригинальной уткинской рукописи, сделанная в 20–30-х годах. Впервые об этих стихах упоминается в книге В.П. Трушкина «Литературный Иркутск» (Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981): «Автору этих строк посчастливилось обнаружить в бумагах, оставшихся после смерти преподавателя Иркутского университета Л.Г. Михалковича, целый ряд интереснейших материалов о литературной жизни Иркутска предреволюционной поры и первых лет революции. В частности, у него сохранилась... машинописная копия книги стихов Сергея Алякринского «Кактус», цикл «Стихи о России» Игоря Славнина, ранние стихи поэтов-илховцев: Джека Алтаузена, Иосифа Уткина, Валерия Друзина».

Василий Прокопьевич вел переписку и лично дружил со многими тогда еще здравствующими литераторами — участниками литературной жизни 20-х годов, в том числе с поэтом Михаилом Скуратовым (1903–1989) и Валерием Друзиным (1903–1980), профессором, заведующим кафедрой советской литературы в Литературном институте им. Горького. Они, как Иосиф Уткин и Джек Алтаузен, в юности были илховцами (ИЛХО — Иркутское литературно-художественное объединение, оформившееся в начале 1923 года при Иркутском госуниверситете и газете «Власть труда»). В 60-х — начале 70-х Трушкин работал над докторской диссертацией о сибирском литпроцессе, и Скуратов и Друзин делились с ним драгоценными подробностями поэтической жизни Иркутска ушедших лет (сейчас эта переписка находится в Музее истории города Иркутска). Вероятно, в это время Трушкин и получил в свое распоряжение архив Михалковича с редкими бумагами.

Лев Георгиевич Михалкович был сотрудником научной библиотеки Иркутского университета. Вместе со своим коллегой Марком Константиновичем Азадовским они курировали молодых поэтов, знакомили их с образцами классической литературы, а те платили им уважением и преданностью. В редком фонде научной библиотеки есть экземпляр сборника илховцев «Май» с теплой дарственной надписью: «Уважаемому учителю Льву Георгиевичу Михалковичу. Искренне преданные Валерий Друзин, Джек Алтаузен. Иркутск, 30/IV–1923».

О Льве Георгиевиче известно немного. Есть только биографическая справка из Книги памяти Иркутской области: «Родился в 1880 г., Минская губерния, белорус, образование среднее, беспартийный. Арестован 2 сентября 1937 г. 14 ноября 1937 г. обвинен по статье 58-1а УК РСФСР «Измена Родине». Расстрелян 25 ноября 1937 г. Место захоронения — г. Иркутск. Реабилитирован 25 октября 1957 г. военным трибуналом ЗабВО».

Пользуясь случаем, хочется почтить память этого человека, много сделавшего для молодых иркутских поэтов. Лев Георгиевич с большим интересом следил за их успехами и хранил у себя подаренные рукописи. Трудно сказать, где они находились с 1937-го до начала 70-х годов — до того как попали к Трушкину. Вероятно, все же у Валерия Друзина, который и передал их исследователю.

Несмотря на популярность Иосифа Уткина и множество переизданий его книг, юношеские стихи поэта никогда нигде не публиковались. По общепринятому мнению советского литературоведения, Иосиф Павлович сразу начал с лирики, посвященной Гражданской войне и строительству новой жизни. Но сохранившиеся ранние опыты показывают, что это не так. Романтика дальних стран, экзотика, морские приключения, жгучие любовные страсти — вот куда хочется убежать, о чем хочется писать юному поэту, хоть и имеющему уже за плечами опыт войны и гибели близких людей. Ориентирами начинающему автору служат не революционные современники и не авангардисты типа Маяковского (время подражания ему придет позднее), а русские модернисты.

До Сибири модные литературные веяния доходили с опозданием в несколько лет, и именно в начале 20-х годов иркутян охватывает сильное увлечение символизмом и акмеизмом со своим специфическим наивно-романтическим оттенком, которое в столичных городах уже давно схлынуло. В голодном послевоенном Иркутске 1920 года создается модернистское объединение «Барка поэтов» (Василий Преловский, Виктор Блюменфельд, Михаил Имрей, Сергей Алякринский, Ельпидифор Титов, Андрей Шостакович, Игорь Славнин, Нина Подгоричани, Нина Хабиас, Александр Мейсельман и др.), члены которого увлечены описанием жизни маркизов и графов, вызывающей эротикой, эпатажным богоборчеством или иными формами эскапизма. Неспokoйная реальность попадает в их лирику крайне редко. Иосиф Уткин с удовольствием посещает эти собрания и пробует писать стихи в том же ключе. Поэты «Барки» приобщают малообразованного юношу к секретам стихосложения, знакомят с разнообразием поэтических приемов. По первым стихам заметно, что юный Иосиф внимательно читает Александра Блока, Николая Гумилева, Александра Вертинского, Игоря Северянина.

Еще один соратник по ИЛХО Василий Томский вспоминал, как Уткин защищал свои странные на тот момент поэтические пристрастия: «Большинство илховцев... относились к Вертинскому и Игорю Северянину отрицательно, даже враждебно.

И вдруг Иосиф в нашей среде обронил однажды:

— Любим мы, други, с маху дегтем мазать, перечеркивать имена и все, что этими именами подписано... Вот и Вертинский да Северянин — ручаться могу, что к ним еще будут возвращаться и изучать, находить в них то, мимо чего мы теперь проходим с презрением.

Как бомба разорвалась. Оригинальничанье, говорили одни; близорукость и политическая незрелость, пробовали разъяснить другие».

Да, следует признать, что чудом дошедшие до нас стихи 1922–1923 годов, написанные 19-летним юношей, несовершенно и раздражительны, с частыми сбоями ритма и неловкими лексическими оборотами. Вполне объяснимо, почему сам автор впоследствии никогда про них не вспоминал. Не обнародовал он их и по идейным соображениям: не пристало комсомольскому поэту писать про амазонок и роковые кинжалы. Но самое главное — здесь слишком много чужого и еще совсем нет или очень мало реального Уткина-человека. Он появится в более зрелых стихах, в «Повести о рыжем Мотэле». А ранние опыты — свидетельство ученичества. В большей степени они — объект для изучения истории литературы, чем достояние искусства. Но этим они и интересны. Любопытно узнать, с чего начинается поэт, как он «ставит руку», с каких строчек старших берет пример.

И О С Ч
У Ш К И Ч

Шосиф Уткин

Материалы Уткина хранились в архиве вместе с машинописью ранних стихов Валерия Друзина (сейчас, как и стихи Уткина, переданы в дар Иркутской областной юношеской библиотеке им. И.П. Уткина). Судьба ранних стихов Джека Алтаузена, упоминаемых Трушкиным, неизвестна, в архиве их не обнаружено. Возможно, он передал их кому-то на хранение.

Пометки, исправляющие опечатки, вероятно, сделаны рукой (и шариковой ручкой, которая стала общедоступной лишь в 70-х) Валерия Друзина. Сами стихи напечатаны без соблюдения правил пунктуации, в нескольких случаях печатавший допустил ошибки, и это ошибки явно не авторские. В настоящем издании они исправлены, тексты по возможности даются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. На первом листе дата написания и пометка рукой Трушкина: «Уже здесь напевность, мелодичность, что показательно для зрелого Уткина».

«Мать» — единственное ранее печатавшееся стихотворение. Оно было опубликовано в журнале «Красные зори» в 1923 году, а также в сборнике И. Уткина «Комсомольская песня» (Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973). «Голубой домик», «Крузо» и отрывки еще из трех стихотворений процитированы Трушкиным в книге «Литературный Иркутск». «Корсар» включен в подборку к моей статье об Уткине в газете «Зеленая лампа» (Иркутск, 2001).

Другие произведения (всего в подборке 15 стихов на 14 машинописных листах) до настоящего времени не были обнародованы. Полностью рукопись сохранившихся юношеских стихов не публиковалась ни разу. Это их первый выход к широкому читателю.

*Анна Трушкина,
критик, поэт, литературовед,
кандидат филологических наук*

Иосиф Павлович Уткин — советский поэт и журналист. Родился 15 (28) мая 1903 года на станции Хинган Китайско-Восточной железной дороги. В детстве и юности жил в Иркутске. Участник Гражданской войны. Работал репортером в газете «Власть труда», в которой печатал свои первые стихи на злобу дня; затем — в молодежной газете Иркутска «Комсомолия» и журнале «Красные зори». В 1924 году по путевке комсомола был послан учиться в Москву — в институт журналистики. Первый успех к Уткину как к поэту пришел вместе с публикацией в 1925 году поэмы «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, равнине Исайте и комиссаре Блох». Вместе с Михаилом Жаровым и Александром Безыменским получил известность как комсомольский поэт. С 1925 года работал в «Комсомольской правде» завлитотделом. В 1927 году выпустил сборник «Первая книга стихов». С началом Великой Отечественной войны Уткин ушел на фронт, был военным корреспондентом, получил ранение руки. Многие его стихи, написанные в то время, были положены на музыку и стали популярными песнями. Погиб в 1944 году в авиационной катастрофе.

В Иркутске в честь Иосифа Уткина названа улица. В 1986 году его имя было присвоено Иркутской областной юношеской библиотеке. В том же году Иркутским обкомом комсомола была учреждена премия имени Иосифа Уткина, лауреатами которой в свое время стали Валентин Распутин, Александр Вампилов, Анатолий Кобенков и другие деятели культуры.

Иосиф Уткин

ГОЛУБОЙ ДОМИК

В облачном тумане
 Домик я построил —
 Хижину сплетенья Голубых Глубин.
 В нем любовь — фундамент,
 В нем мечты — устои.
 Весь он — галерея сказочных картин.
 Вдумчивый Ваятель,
 В нем ищу покоя,
 Из лазурной глины статуи творя.
 Но тебе, мечтатель,
 Дверь всегда открывает
 Голубое Сердце, Грустная Заря!

5/X–22 г.

*(Валерий Друзин упоминал, что «Голубой домик» некоторое время был одним из любимых стихотворений Уткина, которое он часто читал на публичных выступлениях.)**

ИСПАНСКИЙ БАЛЕТ

Рвутся оркестра неровные звуки.
 Рампа бросает мигающий свет.
 Ноги в трико... оголенные руки...
 Номером первым испанский балет!

Тактом оркестру гремят кастаньеты,
 Вьется-змеится пленительный стан.
 Лула Радье — примадонна балета,
 Рядом партнер — Дон-Джеко-Де-Костан...

Ложка направо — брюнет бледнолицый,
 Юный красавец, прекрасный, как Бог.
 Вслед за улыбкой ему танцовщица
 Вдруг с поцелуем бросает цветок.

Джеко бледнеет... Кинжал и безумье!
 В ужасе замер трепещущий зал.
 Только секунда... Мгновенно раздумье!
 Взмах — и в груди кастилийский кинжал.

Рвутся оркестра неровные звуки.
 Рампа бросает томительный свет.
 Плачет Джеко, бесконечные муки...
 Номером первым испанский балет!

*Здесь и далее комментарии Анны Трушкиной.

Голубой готик

ВСТРЕЧА

Оземь бьют подковы звонко.
Четок стук копыт.
Изваянем амазонка
На седле сидит.

Вьется весело волною
Шелковый вуаль.
Глаз сверкает бирюзою
Синяя эмаль.

Ручкой в лайковой перчатке
Держит поводок.
Стеком бьет на платье складки
У изящных ног.

Посмотрела, встрепенулась
И умчалась вдаль.
Только в воздухе взметнулась
Мотыльком вуаль.

9/Х-22 г.

РОМАНС

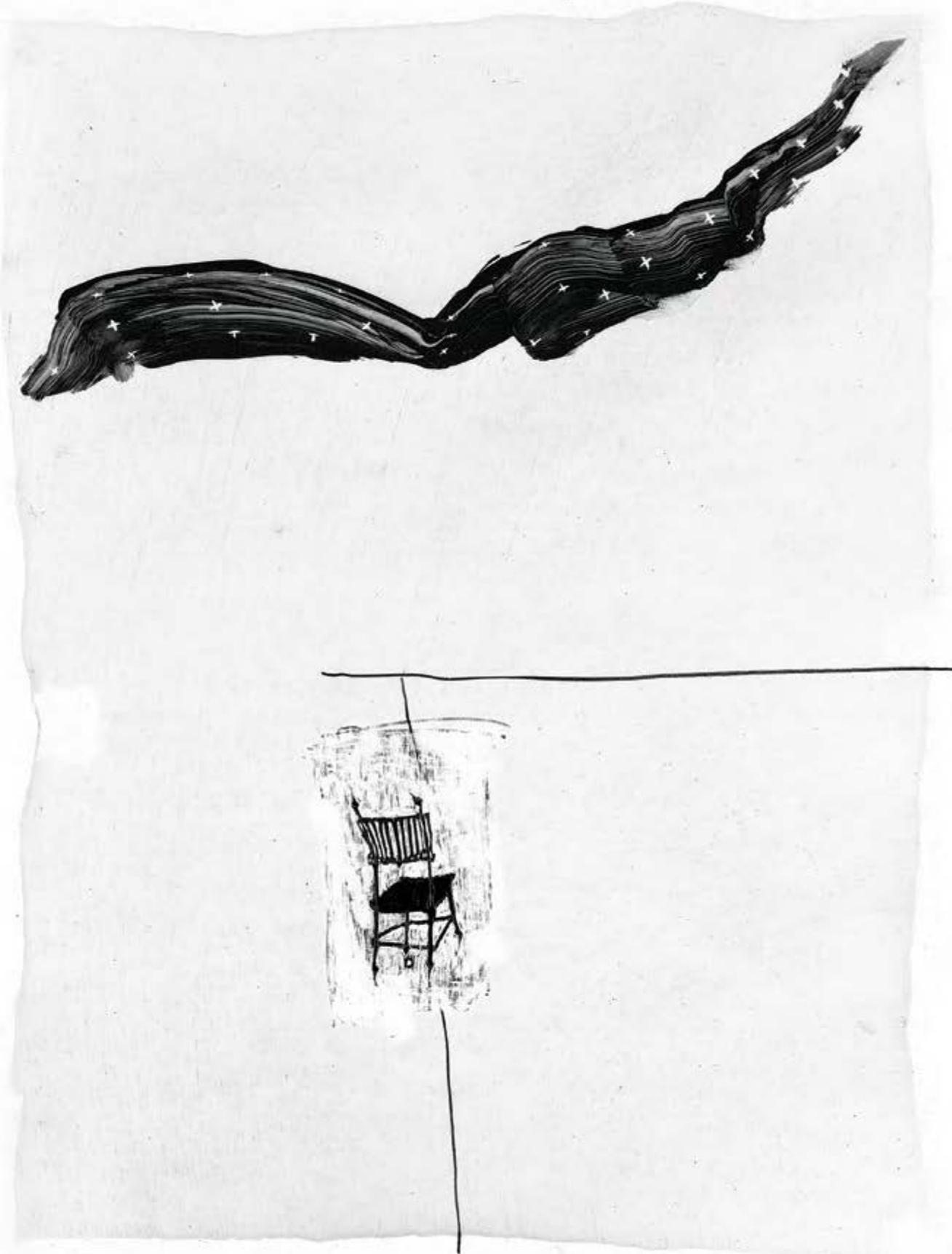
Знаю, в августе солнце остынет,
Осень выпьет цветенье листа.
Только золото локон и сини
Не устанут петь уста.

Только в зимний развенчанный вечер
С той же песней весенних надежд
Буду ждать неназначенной встречи —
Ждать знакомый плеск одежд...

Сердце точат холодные жала,
Сердцем острые льдинки скользят...
Ты глазами так много сказала,
Как устами сказать нельзя.

Не придешь бросить радости груду,
Книгу синей весны полистать,
Ну а все-таки будут, будут
Синь и локоны петь уста!

Ну а все-таки в плачущий вечер
С той же песней весенних надежд
Буду ждать неназначенной встречи —
Ждать знакомый плеск одежд!..

Встреча

Мать

МАТЬ

Валерию Друзину

Ночь невиданным прославлена.
Жмурясь, плачет черный кот...
Где-то в Гоби окровавленный
Ветер прах его метет...

И, развенчанная муками,
В тени тусклого светца
Ты, склоняясь, баюкаешь
Сиротливого птенца.

К раю крошечная лесенка
Через тающую тьму.
Ты поешь ей те же песенки,
Что певала и ему.

Те же мягкие созвучия,
Только голос уж не тот...
Где-то Гобями сыпучими
Ветер прах его метет...

18/XII–22 г.

(Это стихотворение — единственное из подборки, которое было опубликовано в советское время. Вероятно, из-за того что резко отличается по тематике от остальных.)

МАЖОР

Ты хочешь уст моих напитка,
Огня моей груди?
В двенадцать... Старая калитка...
Не забудь, приди.

Ты любишь синее? Я в синем
Явлюсь в часы твои.
Мы вместе кубок опрокинем
Любовного Аи...

(Тут заметно явное влияние Александра Блока: и буря чувств, и синий цвет, и, конечно, знаменитое шампанское Аи, вряд ли доступное в реальности мальчику из бедной еврейской семьи. Забавно, что название стихотворения современному читателю будет трудно отделить от одного из его современных сленговых значений.)

РОМАНС

Я любил эти пышные пряди
С переливом волнистых волос,
Эту томность в мечтательном взгляде,
Этот строго очерченный нос.

Я любил этот запах дурманный
Сонной рощи, приветливый дуб,
Нежеланный и вместе желанный
Поцелуй окровавленных губ.

Я любил майский ласковый вечер.
И, таинственность детски любя,
Я любил эти тайные встречи.
Но не знаю, любил ли тебя?..

(А это очень похоже на Вертинского: например, на «Сероглазочку» 1915 г.)

ВАМ

А-ге

Ты напрасно так покорна.
Нет, не розовый, а черный
В пышной шкуре хищный зверь.
Берегись, не верь!

Мне не синь твоих лазурей,
Мне не локоны твои —
Уст кровавых, пьяной бури,
Мне любовного Аи!

Если страсти тусклы свечи
В час свиданья, в этот вечер
Говорю: «В свой сонный рай
Дверь не отворяй!»

Мне не синь твоих лазурей,
Мне не локоны твои —
Уст кровавых, пьяной бури,
Мне любовного Аи!

20/XII–22 г.

(И опять Блок, опять страсть и Аи.)

БАЛЛАДЫ

I

У беседки забытый платок,
И по каймам покатых тропинок
Два следа — незнакомых сапог
И знакомых высоких ботинок.

Ты в глаза мне смотреть не могла
И лгала, неумело лгала.
А как сумерки стали слетать,
Убежала в беседку опять...

За калиткою скраденный стук,
Скакуна перекатное ржанье,
Поцелуя процеженный звук
Открывали мне тайну свиданья.

Твой портрет и забытый платок
Я в камине с улыбкою сжег,
А в двенадцать я дважды мое
Разрядил у беседки ружье!

II

По чёткам нечет насчитал,
А ночью в лунном покрывале
В экстазе жутком танцевал
С холодным трупом в гулком зале.

Клочок нечетких, нервных строк,
Мундштук на смятом одеяле,
Следы охотничьих сапог
И сон, и нечет оправдали.

Полдня по тропам пробродил.
Нашел конец двойного следа:
С цветами синими в пади
Видал красивого соседа.

Твой гибкий фокс всю ночь провыл,
В конюшне Нэра жутко ржала:
Две слитых тени уронил
В пади я ржавленным кинжалом!

III

«Будешь злобно-ненавидящий,
Будешь маленький шакал», —
В ските старец ясновидящий,
Глядя в небо, предвещал.

«Не видать любимым радости
От твоих болотных глаз», —
Ворожила в ранней младости
Молдаванка много раз.

В этот вечер обескрыленный
Присылала ты пажа.
У калитки твоей взмыленный
Часто конь устало ржал.

У тебя в окне придушенный
Страстью голос я слышал.
И огонь, слегка притушенный,
До утра не потухал.

А наутро смятой, жалкою
Ты не скрыла бледный страх.
Берегись! Вещун с гадалкою
Правду видели в глазах...

КРУЗО

Какие усталые, скучные лица...
Не речи — загорьбя рожки.
А мне бы вот в санках с горы прокатиться,
А мне бы побиться в снежки.

А мне бы без этого ценного груза
Высоких и модных идей
Каким-нибудь эдаким маленьким Крузо
На остров, не знавший людей.

Вот эдак бы просто, вот эдак по-детски,
Без наглой морали ханжи,
Без этой напущенной умности светской
Немножко пожить.

Немножко полегче, убавив обузу
Великих проблем и идей,
Каким-нибудь эдаким маленьким Крузо
На остров, не знавший людей.

Пусть Пятница — глупый, пусть Попка, рабыни,
Пусть детский наивный рассказ,
Но только без локонов, без губок в кармине,
Без этих раскрашенных глаз.

Но только попроще — без пышной оправы.
Не вечно же солнце тушить!
Минуточку смеха, немножко забавы,
Немножко души.

Немножко полегче, убавив обузу
Великих проблем и идей,
Каким-нибудь эдаким маленьким Крузо
На остров, не знавший людей.

5/II-23 г.

(Здесь чувствуются и Гумилев, и ранний Эдуард Багрицкий.)

Кружо

* * *

Звезды заветным розданы.
Ночь без утра, без вечера.
Знаю, для плача созданный,
Ласки в тебе не встречу я.

Мой океан обезвоженный —
Мертвопустыня плакучая...
Нет. Не душе стреноженной
Виться такими кручами...

Знаю, ты Зори Вестница!
День за тобою радужный!
Только не мне уж песниться,
Только не мне уж радость ждать...

Звезды заветным розданы.
Ночь без утра, без вечера.
Знаю, для плача созданный,
Ласки в тебе не встречу я.

26/XII–22 г.

(Здесь, видимо, повлиял Игорь Северянин. Об этом говорят неологизмы «мертвопустыня» и «песниться». Вообще, к новому словообразованию Уткин не был склонен.)

МЕЧТАТЕЛЬНИЦА

Как томят эти люстры,
Эти шелесты шелка,
Этот ропот бокалов,
Этот чуткий хрусталь...
Мне, мечтательной, грустно.
Почему не пришел ты
В эти скользкие залы
Запрокинуть вуаль?

И пред робкой пейзажкой,
Как пред строгой богиней,
Преклониться, напевно
Сказать: «Прости.
Я из Лунного замка,
Из страны вечно-синей
За тобой, Королева,
Тебя увести!..»

Звезды ангелы тушат...
Гаснут сонные свечи...
Время за море мчится.
Просыпается боль.
Не обрадовал душу,
Не пришел в этот вечер
Мой Серебряный Рыцарь,
Мой далекий Гарольд...

28/XII–22 г.

(Слышатся отчетливые северянинские мотивы, даже ритм повторяет знаменитое «Это было у моря...». Интересно, что стихотворение написано от женского лица. Пейзажка или королева ждет рыцаря — тоже не очень понятно. Видно, что для автора все эти маски одинаково далеки и равно экзотичны.)

КОРСАР

Неизбежность — картонные чары!..
Мишура — золотистая пыль!..
Мне бы в море пернатым корсаром,
Мне бы с морем исполнить кадрили...

Жалок бал медногрудым оркестром,
Перепевом изношенных дев...
Буду слушать сонаты Норд-Веста,
Моря пьяного пьяный напев,

На корме, на коврах бархатистых
Засыпая с кальяном в зубах,
В зыбком небе считать аметисты,
Слушать хриплый пирата «Аллах!»...

Успокоится дальностью тело,
Заколышется радостью грудь.
Верю, верю! За синим пределом
Снова будет эмалевый путь!

Берега? В незатейливом виде —
Не пойму, то ли штиль, то ль гроза.
Я, скитаясь, ни разу не видел
Глаз синее, чем моря глаза.

Сердце внемлет разбросанным свистам,
Сердцу подан таинственный знак.
Мне еще не указана пристань,
Мой еще не зажегся маяк...

Полюблю, если будет любиться,
Если к мертвому с лаской ко мне
В чешуе серебристой девица
Подплывет на искрощемся дне.

Если луч в переливах лелея,
Непонятым участием полна,
К бирюзовому замку Морья
Принесет голубая волна.

Если в дымном, колдующем взоре
Встречу топкую знойность пустынь...
А пока — только море и море!
Бесконечная гибкая синь.

А пока... неисходным угаром
Будет хрупкая пряная быль.
Неизбежность — картонные чары,
Мишура — золотистая пыль.

13/1–23 г.

(Ощутимо сильное влияние Николая Гумилева, знаменитых «Капитанов» — в частности, первого стихотворения из этого цикла 1909 года. Общая тема, похожие образы, ритм — трехстопный анапест, чередование женской и мужской рифмы. Как будто уткинская «золотистая пыль» сыплется прямо с гумилевских «розоватых брабантских манжет». Однако через шесть лет в стихотворении «По дороге домой» Уткин декларативно откажется от наследования Гумилеву (впрочем, в 1929 году даже упоминание расстрелянного поэта — довольно смелый шаг):

Среди индустрии:
«Вороний грай»,
И «Машенька»,
И фасад.
И вот он —
Гремит гумилевский трамвай
В Зоологический сад.

Но я не хочу
Экзотических стран,
Жирафов и чудных трав!
Эпоха права:
И подъемный кран —
Огромный чугунный жираф.)

Галерея

Сергей Жгилёв

Точка, линия, пятно...

В далекие 20-е годы XX века великий художник Василий Кандинский, постигая тайны творчества, заметил, что точка и линия — это «скрещения, соединения, образующие собственный язык, невыразимый словами». Наш современник — молодой иркутский график Сергей Жгилёв отзывается на авангардистскую концепцию и создает лаконичные, стремящиеся к метафоре черно-белые композиции. В них он исследует форму, взятую за основу бытия.

У Сергея Жгилёва собственная «инструкция по применению» выразительных графических средств. Пятно для него первично, оно порождает идею, оно же — основа. Линия служит каркасом изображаемого, задает ритм и движение. Точка — деталь, уточнение, символ. Мастер создает особый мир, где художественный хаос стремится к гармонии в форме и композиции.

Экспериментируя с основными элементами рисунка, художник не забывает о сюжетной составляющей. Но его герои (вороны, быки, комары, бабочки, люди) и предметы (дома, мельницы, лодки, стулья) существуют все же в воображаемой реальности, лишенной точного времени и места. Впрочем, зрительная основа, питающая автора образами и ассоциациями, — настоящая сибирская деревня. Потому в неровных экспрессивных штрихах и линиях, точках и пятнах угадываются полевые травы, звезды, солнце, ветер, дождь, а молчаливые рисунки внезапно обретают органичный природный звук.

Если использовать слова Кандинского, Сергей Жгилёв в своих работах «находит все живое, делает его пульсацию ощутимой и обнаруживает в живом целесообразное». Графика носит индизказательный характер и содержит элемент игры со зрителем.

Мария Аверьянова, искусствовед

ДОСЬЕ

ВОЗРАСТ: 33 ГОДА

ЗНАК ЗОДИАКА: ВЕСЫ

РОДНОЙ ГОРОД: с. ХОМУТОВО

ПРОФЕССИЯ: ХУДОЖНИК

ПРИЗВАНИЕ: БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ

Анкета «Первоцвета»

С чего начался ваш творческий путь?

— С учебы в изостудии у иркутского художника Валерия Ивановича Кунца.

Кто ваши любимые авторы?

— Альбрехт Дюрер, Питер Брейгель, Иероним Босх, Павел Татарииков, Владислав Ерко.

Ваше творческое кредо или любимая цитата.

— Делай то, что хочешь, и не делай того, чего не хочешь.

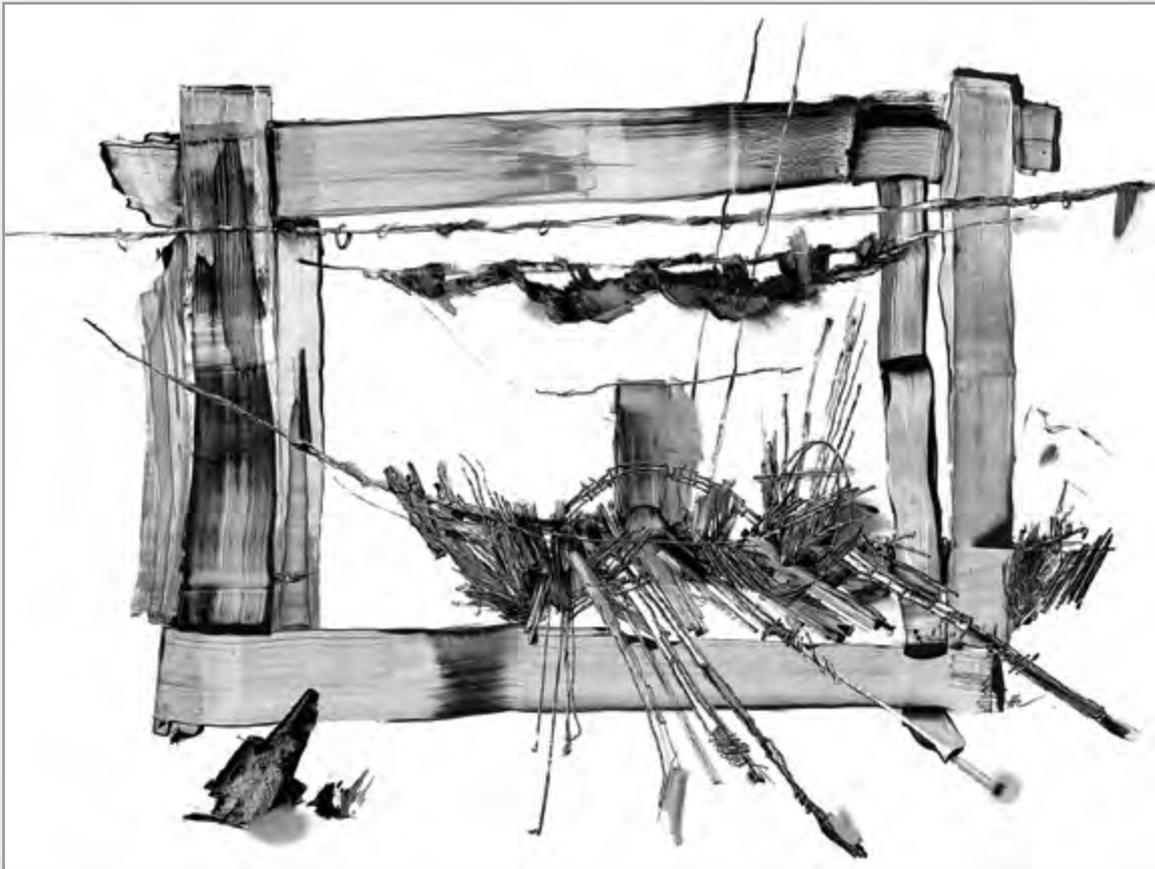
Пушок

Золотая бабочка

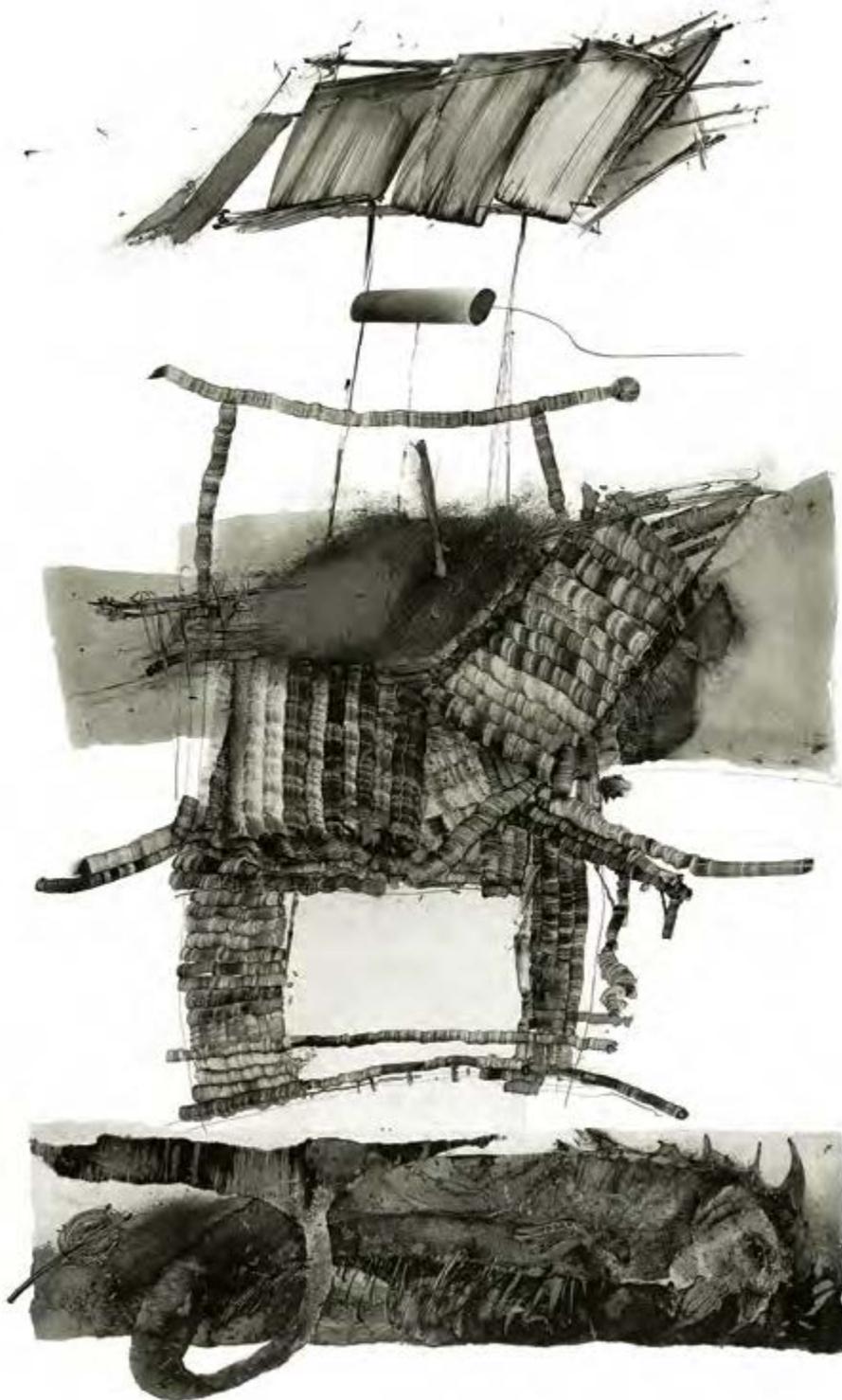
Ловец птиц

Представление

Время идет

Колодец и елец.
Из серии «Докучные сказки»

Вишневый табак

Ваше хобби помимо изобразительного искусства.

— Все мое свободное и несвободное время занимает изобразительное искусство.

О какой теме вы можете говорить бесконечно?

— Нет такой, вокруг много интересных тем для разговора.

Где вы мечтаете побывать?

— Хотел бы посетить Дом-музей Сергея Довлатова в Псковской области, а также прогуляться по местам Довлатова в Таллине.

Художественное творчество для вас — это...

— мое призвание.

Сергей Жгилёв родился в селе Хомутово Иркутской области в 1989 году. Выпускник отделения керамики Иркутского художественного училища им. И.Л. Копылова, специальность «декоративно-прикладное искусство» (2010).

С 2015 года как художник-график активно принимает участие в выставках: городских, областных, межрегиональных, всероссийских, в том числе «Молодая Сибирь» (2019, Красноярск); «Форма» (2019, Новокузнецк); «Азь-Арт. Сибирь» (2017, 2019, 2020, Барнаул); «Таинственная Сибирь» (2021, Москва); «Новое время» (2020, 2021, Москва), а также в выставках Союза художников России. Персональные выставки: Gretterism (2018–2019, Санкт-Петербург); «Точка пересечения» совместно с В. Полетаевым (2022, Иркутск). Неоднократно становился лауреатом в номинации «Графика» по итогам художественных выставок-конкурсов. Награжден многочисленными дипломами крупных выставочных проектов. В 2019 году стал победителем всероссийской художественной выставки-конкурса «Муза должна работать» (2018–2019, Санкт-Петербург) в номинации «Графика». Участник Дома творчества художников «Челюскинская дача» (2021, Подмосковье); арт-резиденции для молодых художников «Красноярские столбы» (2022, Красноярск). С 2021 года член Иркутского регионального отделения всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

Поэзия

Анна Першина

23 года, г. Иркутск

РАЗНОСТЬ ОДНОЙ МЕНЯ

Мне скучен день, когда на небе тучи,
Но весел миг, когда идут дожди.
Пугает шум в покрове темной ночи,
Но греет свет родившейся звезды.

Мне острый нож — печальный крик младенца
И легкий пух — его задорный смех.
Улыбкой встречу тех, кто рвет мне сердце,
И тем, кто любит, свой доверю грех.

* * *

Ты старше, я тебя моложе.
Мы два червя среди людей.
Тебе не пара, ты мне тоже.
Нам прочат тех, кто им милей.

И это все смешно и грустно.
Но для чего нам зря грустить?
Давай возьмем качан капусты
И будем там дитя растить!

* * *

В тишине летают птицы.
Пролетают над столицей
Городов моих фантазий,
Шумных улиц, слов и грязи,
Ненавидстных злых прохожих,
На которых я похожа.
На домах отколы краски,
Как во мне отколы ласки.
Оттого меняю лица...
В суете летают птицы...

Олеся Лемзякова

23 года, г. Иркутск

* * *

Обвяжи мои руки любовью...
Сердце трепетно делает вдох.
Губы сладкие с привкусом крови.
В этой комнате я и мой Бог.

Я забуду свои желания,
Я забуду голос в ночи...
Дай, прошу, мне немного сознания,
Поделись хоть каплей любви.

Тело в страстном подобии танца
Разжигает горячую плоть.
Я хотела тебе признаться,
Я хотела верить в любовь.

Мне тут душно, мне нужно выйти —
Не хочу я тонуть в тебе.
Но, упрямо сменяя картинки,
Здравый смысл кричал во мне.

Сердце бьется осколками нежно,
Разрывая белую ткань.
Как же можно мне так небрежно
За тебя всю любовь отдать?

Обвяжи мои руки любовью...
И я вновь досчитаю до ста.
Тот закат с алеющей кровью
Нам окрасит пустые места.

Я не чувствую больше боли.
Это ты покидаешь меня?
Сохраню эту каплю крови
Начиная с себя.

* * *

Ненужный вечер,
Ненужные лица,
Ненужные улицы тайных миров.
Любовью окутаны звезд вереницы,
Безумностью темных весенних ветров.

Под кожей так бьется неверное сердце,
Ломая все правила глупых людей.
Я верю тем мыслям забытого детства,
Я знаю: однажды будет больней.

И в ключья дробятся, сжимая все крепче,
Соленые слезы из вечности льда.
Нам души словами так сильно калечат,
В забытых страницах погигли года...

Покорностью черствой под кожу впиваясь,
Деля наши мысли на праведность дней
И болью сердец без стыда упиваясь,
Забрали тот свет, что был тенью моей.

Нам вбили те мысли, что мы не хотели,
Заставили верить в бездарность миров.
Кто знает, быть может, и мы бы сумели...
Любить свои души из терпких грехов.

Ненужный вечер,
Ненужные лица,
Ненужные улицы тайных миров.
И ветер уносит из пепла страницы.
Я верю, однажды мы встретимся вновь.

Соня Шторм

23 года, г. Иркутск

ЗА-ЗЕМ-ЛИСЬ

Замедли шаг, остановись,
Послушай крик озерной чайки,
Закатом майским насладись...
И пусть считают все чудачкой.

Река волнистая бежит,
Торопится куда-то,
А солнышко зайти спешит
За горизонт, за лес косматый.

А ты...

Замедли шаг, остановись
И поприветствуй штиль.
Себя почувствуй, заземлись,
Ведь жизнь не сказка — быль.

Босой по берегу пройдишь,
Послушай песнь земли,
Печалью с нею поделись,
Как мать родную обними...

Замедли шаг, остановись —
И

за
зем
лись.

РАЗРЕШИ СЕБЕ БЫТЬ СОБОЙ

Разреши себе быть собой,
Выкинь маску в огонь камина.
Разреши себе говорить со мной.
Я хочу между нами мира.

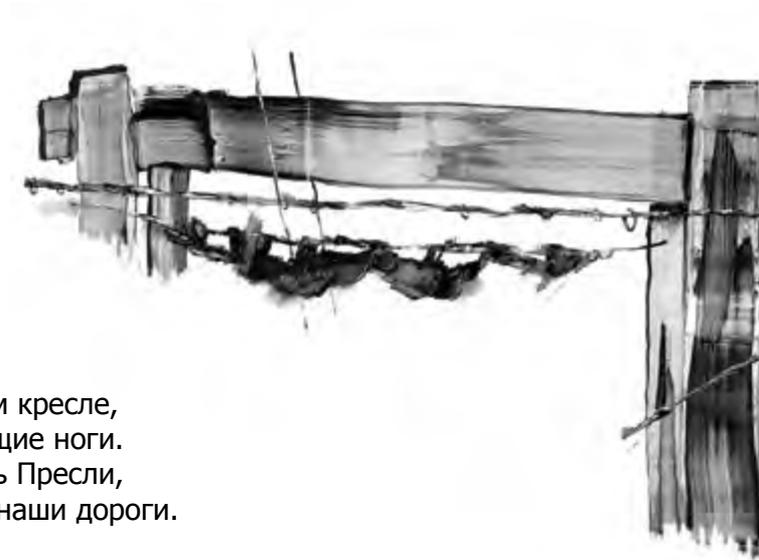
Разреши себе быть собой,
Быть со мною ласковым, нежным...
Ведь никто не выиграет бой
И останутся только жертвы.

Разреши себе быть собой,
Быть порою немного слабее...
Разреши мне остаться с тобой,
Чтобы сердцу было теплее.

Алексей Халилов

27 лет, г. Черемхово

* * *

Два года назад ты сидела в моем засаленном кресле,
Лучи солнца с балкона обнимали твои худющие ноги.
А лет восемь назад я начал курить и слушать Пресли,
И примерно тогда в перекресток сложились наши дороги.

Год назад сладкий рокот в груди предвещал появление дома,
Васнецовские виды лобзали картины подъездов.
Я хотел своровать красивый аккорд у фокстрота...
Но тебе это все, наверное, неинтересно.

* * *

Волосы липким ручьем прилипают к щекам.
Скинул с себя две руки и душевную муку.
Кто-то мечтает о Будде, молясь за ислам,
Определяя неверных по дальнему стуку.

Лестница в небо? Куда там — сплошной потолок.
Ноги больные скользят на округлых ступенях.
Все мы привыкли искать свою цель между строк
И сожалеть о пустых и нелепых потерях.

Я не паломник, и путь мой затоплен водой —
С каждой минутой все ближе крадется под горло.
Мир мой залит беспросветной, густой темнотой,
И сквозь нее я кричу твое имя упорно.

Будет у каждого дым над сердечной ходьбой.
Мы однобоко киваем в библейские строки.
Нет никого, кто сейчас бы летал надо мной,
И подо мной вряд ли скажут суровые боги.

* * *

Все, что мы не успели,
За нас сделает кто-то другой.
Календарные дни почернели,
Вся дорога блестит сединой.
И расстроенным скрипом качели
Провожают нас перед зимой.

Осень. Мы облетели,
Как с округи больной сухостой.
Жмемся спинами так еле-еле,
Примеряя земельный покррой.
И тела к середине недели
Все покроются ряской густой.

Вот держи казус белли,
Еще хлеб, ну и в баночке соль.
Что же это мы все в самом деле?
Нам свобода, как едкая смоль.
Мы ведь все изнутри прогорели —
Значит, время делиться на ноль.

* * *

Опускается вечер на город плаксиво, уныло.
Обреченные стайки людей окунаются в сон.
То ли мягким дождем колею нашей жизни размыло,
То ли лед растопило ненужным осенним теплом.

Облетает листва, и деревья танцуют на пятках.
От разлуки не скрыться под тихим шептанием крон.
Наши прошлые дни закупорены в маленьких кадках.
Память лезет наружу, и дом весь идет ходуном.

Терпеливая ночь разлеглась и никак не уходит,
Телевизоры в желтых квартирах в помехах хрипят.
Вместо старых и добрых приятных советских мелодий
Бьет в глаза загустевший от серости видеоряд.

Фонари зазевались и слишком уж часто моргают.
По таким закоулкам всегда лучше шастать вдвоем.
В этих вспышках несчастные люди друг друга теряют
И потом горько плачут над прожитым пасмурным днем.

Анна Шкляр

20 лет, г. Саянск

* * *

Я всего лишь хочу взбираться
по этой скале
вверх,
все выше и выше,
насколько хватит сил.
Быть внимательной
и ощущать
собственное прикосновение,
крепко цепляясь
за каждую выступающую
возможность
чувствовать...
Бесконечно не выйдет,
но, насколько хватит моего
желания и упорства,
я буду стараться
еще усерднее.
И наконец, забравшись,
смогу увидеть новое в том,
что прежде меня окружало:
детали, которые
с каждым метром
становятся меньше
(но честнее значительно,
а значит, важнее) —
разглядеть возможно все-таки.
Их принимаю полностью.
Главное, что я теперь выше
(почти что расту),
а все благодаря ей!
Потом же встать на краю
и взглянуть на Всевышнего,
дождаться его разрешения...
оступиться —
и вернуться к началу.
Грустно должно быть,
но не мне,
поверьте на слово.
Скале ведь не привыкать
терять людей...

* * *

Все, что у меня есть, —
это твоя страница в Сети,
твои/мои фотографии,
подаренные значки
и воспоминания об объятиях.
И знаешь, мне пока
вполне
достаточно этого.
Все, что у меня теперь есть, —
это Ты.
И знаешь, мне
вполне
достаточно этого.

Марина Щуковская

23 года, г. Братск

ОЛЕ

Оля, едем в Италию! Я — писать,
Ты — отращивать зад.
Будем смотреть на чаек, что кричат
О том, как красив закат.
Будем есть пиццу, курить дорогие сигары
И смеяться над тем, как поют на душе фанфары,
И не думать о будущем совсем,
Радоваться факту существования,
Быть ничем.

Оля, поехали на закат —
Наблюдать, как волны танцуют на нем звучат.
Не мешают нам дети, работа, сам ад.
Только наши сомнения, глупостей листопад.
Так давай же их бросим,
Отправим обратно в осень!
Нас ждут моря соленая синева,
Теплый дождь и романтики густота.

Чувство это до старости не пройдет.
Оля, поехали — Италия ждет.

ДОЛЖНИЦА

Я должна быть голодная, огненная, живая,
Только вот стою пред Ним и, как ты сказала, «по контуру выгниваю».
Я должна быть чистая, вскипающая
И пропитана самой тканью легкого бытия.
Только зря я
Пред Ним из себя что-то строю. Зря.
Я на деле уставший странник,
Чужой старик,
Измотанный воин сутулый; тоскливая, немая.
Снова я и Он. По контуру я гнилая,
А сиянием Его пропитан весь кислород.
Я должна быть царица-дева
И должна лишь ему напевы,
Послушанья, посты и дела
Принести и вернуть,
Только вот я совсем не умею путь
Его. И транжирю
Эту благодать земную, как Фродо в Шире.
Не придет Он Гендальфом, не решит мне
Дать кольцо, что заведомо пережить не
Смогу. И не сшить ни дня.
Как же много Ему задолжала я...

ОЖИДАНИЕ

Надо только чуть-чуть подождать —
Ты забудешь меня и муку,
Обретешь больную скуку,
Полной грудью устанешь дышать.
Надо только чуть-чуть подождать,
И тогда будешь ты упрямый,
Весь свободный, хмельной и рваный
Одиноко к спасенью шагать.
Надо только чуть-чуть подождать,
И минутная слабость наша,
Что заката последнего краше,
Перестанет впредь помыкать
Нами, как темными теплыми сгустками пепла,
Пушистыми оболочками сна.
Ты почувствуешь, как наступает весна,
Осознаешь: душа наконец окрепла
И теперь она стала тебе тесна.

Это счастье твое.
Ты прошел к нему через вечность,
Ты сейчас называешься безупречным,
Ныне воля тебе питье.
Ты — раздолье теперь,
И сам ветер тебе оправа.
Даже не представляешь, как бессильно я рада.
Самым ярким светом озаряешь ты небосвод.
Только вижу, что холод звезду гнетет.
Она так сферически величава,
Но безграничного неба ей оказалось мало.
Падать ниц — теперь ее задача.
А ведь все могло бы быть иначе...

Вообрази наш теплый дом,
Где маленькие твои сыновья по полу бегают босиком
И где гордость наша теперь пахнет пряниками.
Там мы выбрали навсегда остаться маленькими,
Незначительными, невидимыми,
Но счастливыми до бескрайности.
Там Господь снизошел до нас со своей хрустальности.
И нам нечего больше желать,
Надо только чуть-чуть подождать.

Ярослав Кашин

23 года, г. Иркутск

ТОЧКА

Жизненный путь полон кочек и прочего,
 Ни у кого быть не может иначе.
 И каждый год скачек мы празднуем прочерки,
 Что есть мочи следуя мнимой задаче.

А жизнь — ТВ-передача,
 Где мы пишем сюжет кривым почерком
 И среди чернил малозначимых
 В дебрях забытых строчек
 Бьются и кровоточат
 Моменты, что всех живучее,
 И плеяда дней, приуроченных
 К влиявшим на пьесу случаям.

Над одними нависли тучи,
 А день не сменяет ночь.
 На других, греясь солнца лучиками,
 Круглый год расцветают почки.
 И как бы ни было мрачно,
 Когда-нибудь надо точно
 Поставить жирную и многозначимую
 Точку.

БЕЗ СТУКА

Очень скоро все это закончится:
 Чувство любви, боль разлуки,
 Но лишь для тебя. Ведь останется общество
 Круговой бесконечной поруки.

Сменятся современники,
 Кумиры придут на место кумиров.
 Круг за кругом меняются пленники
 И покровители этого мира.

До конца и снова сначала.
 Вроде только все взял в свои руки —
 И вот то, что бабка тебе завещала,
 Ты уже завещаешь внукам.

Но ничего не исправишь печалью,
 Она все лишь поможет профукать.
 Ведь сердца, что свое отстучали,
 В небытие заходят без стука.

Анна Алтунина

27 лет, г. Иркутск

* * *

Посвящается Алексею Соловьёву

Небосвод рассекает белая полоса —
Я сегодня за день насчитал их пять.
Далью синей манят меня небеса,
День за днем не могу прекратить считать.

Я хотел бы сидеть за штурвалом пилота,
Посмотреть с высоты на огромный мир
И сказать: «Пассажир, на борту самолета
Вас приветствует командир!»

Журавли улетели в прекрасный край.
Я в руках удержал лишь гнездо синицы.
Если вправду где-то бывает рай —
Там я стану пилотом железной птицы.

* * *

Блещет золото куполов
На часовенке у вокзала.
Крепость держит старинный Псков,
Где Россия берет начало.

Ивы свесили до земли
Ветви, будто они в печали.
Утки плещутся на мели,
Чайки греются на причале.

Все прекрасно в краю родном:
И фонтан — тот, что в летнем парке,
И брусчатка, и старый дом,
Даже плющ на соседской арке.

ОРЕЛ ИЛИ РЕШКА?

Орел или решка?
На детской ладони
Монетка встала ребром.
Король или пешка?
Ладья или кони?
А может, сходишь слоном?

Сегодня играют:
Доска и фигуры,
Стайка дворовых ребят.
Но дети не знают
С их нежной натурой,
Как жизнь объявляет мат.

Владимир Клейнерман

27 лет, г. Иркутск

ЗЕРКАЛА

В этой комнате было много
зеркал:
Зеркало, зеркало, зеркало.

Одно из них упало и разбилось:
Зеркало, зеркало,

е о з а к р л.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СЛОВОФОРМ

Это не концепт
Концепт не это

Это не стих
Стих не это

Это не это

Это

НОРМАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

здесь
будет
весь наш мир
биться в сердце
чайником кипеть
птичками чирикать
перед снами пропадать
просыпаться забываться
он же выйдет в магазин
на работу в отпуск
к другу к девушке
так и ходит
человек
что был
здесь*

*Пунктуация авторская.

Дмитрий Белых

30 лет, г. Иркутск

* * *

Что со мной было вчера, что со мной было?
Меня убыло — не убило, но стало мало.
Что со мной было после? Меня знобило,
А после — меня сковало,
А после дни шли в молчании, и в итоге
Последний на этой дороге — на той дороге,
Ведущей в бездну, еще идущий, не приходящий.
Господи всемогущий — ненастоящий,
Господи настоящий — не всемогущий,

Что происходит в твоей вотчине? На обочине
Дети играют в ящички, в колокольчики,
Бьют, тишиной звенящие, бьют наотмашь.
Капли дождя по щекам текут и текут, и вот наш

Мир происходит, и мы приходим мимо,
Странники да кочевники — пилигримы,
Бегущие прочь отсюда да оттуда...
Где бы я ни был тогда, там теперь не буду,
Не-буду-не-буду-не-буду там...

Только тянется
К забытью с бытия рука,
Так и хочется
Заорать, разорвать рукав,
Жилы вытянуть — вот живые возьмите и жилы вам!

Говорили — язык жевали — живые — жили,
И там, где ходить устали, там и остались,
И что с ними было — никто не вспомнит,
никто не помнит.

Что со мной было? Кому это надо? Земля остыла.
Что со мной будет, никто не скажет. Меня сковало

И этим освободило.

* * *

Что мне поделаться с собой, когда я берегу
 Нежность свою на чужом для меня берегу?
 Нежность твою для последнего вдоха, для сна,
 В мыслях дрожащую нежность твою берегу.

Что мне — зарытому в снег — до травы, до весны
 Небу, зарытому в свет вековой белизны,
 Нечего мне передать и из уст в уста
 Небу о том, что смертельно устал от весны?

Как мне тебя любить, когда мне дано
 Каждую ночь молить, чтобы свет дневной
 Снова вернулся, обнял теплом меня?
 Как мне, когда я закопан в морское дно?

Волны сменяют волны, закат давно
 Знает, как все на свете заведено.
 С новою ночью на зависть любим камням
 Сердце пронзает толщу — так ледяной

Холод пронзает рыбу, когда она
 Вдруг понимает всю тяжесть воды у дна.
 Нежность твою, на чужом для меня берегу
 Нежно лелея, как тихую память дня,
 Я для последнего вдоха и сна берегу.

* * *

Оставь меня, звенящий хор утрат,
 Растущий оползень положенных вещей,
 Тяжелой глыбой не исторгнутый из легких
 Земли вращений сбитый ритм, набат.
 Оставь меня, я белой тьмой объят.
 Я прекращаю собирать обломки

Разбитых шхун пиратских, лодок
 Рыбацких, бригов, шлюпок без людей,
 Я покидаю море — флот без кораблей
 Так безыдейно смотрится и сиротливо.
 Оставь меня, как я оставил миру
 Свои надежды, чаянья и морок.
 Оставь меня, звенящий хор утрат.

Оставь меня, звенящий хор утрат.
 Ты не был мне ни честью, не был долгом,
 Ты только длился безразмерно долго,
 И если был от тебя хоть какой-то толк, то
 Вышел толк тот.
 Оставь меня — ложись себе на полку.

Будь книгой снов, привратником преград,
 Когда-нибудь и кто-нибудь — не я
 Тебя откроет, может быть, тая
 Мою надежду успокоить бурю.
 И листья рвутся — так теперь ликую.

Оставь меня, я больше не тоскую.
 Оставь меня, звенящий хор утрат.

* * *

Когда заметет облака под
Небосвод,
Когда ветер поднимет ветвь
И хлынет на берег волнение вод,
И склонится куст к траве,
Когда обрядится рябины плод
В красную плоть листвы
И скрипнет, качнувшись, железный плот,
Камень задев пустым
Брюхом, и рухнет дождь
Наземь и вспенит кровь,
Черную кровь земли,
Тогда расскажу тебе,
Расскажу,
Как любить, если нет любви.

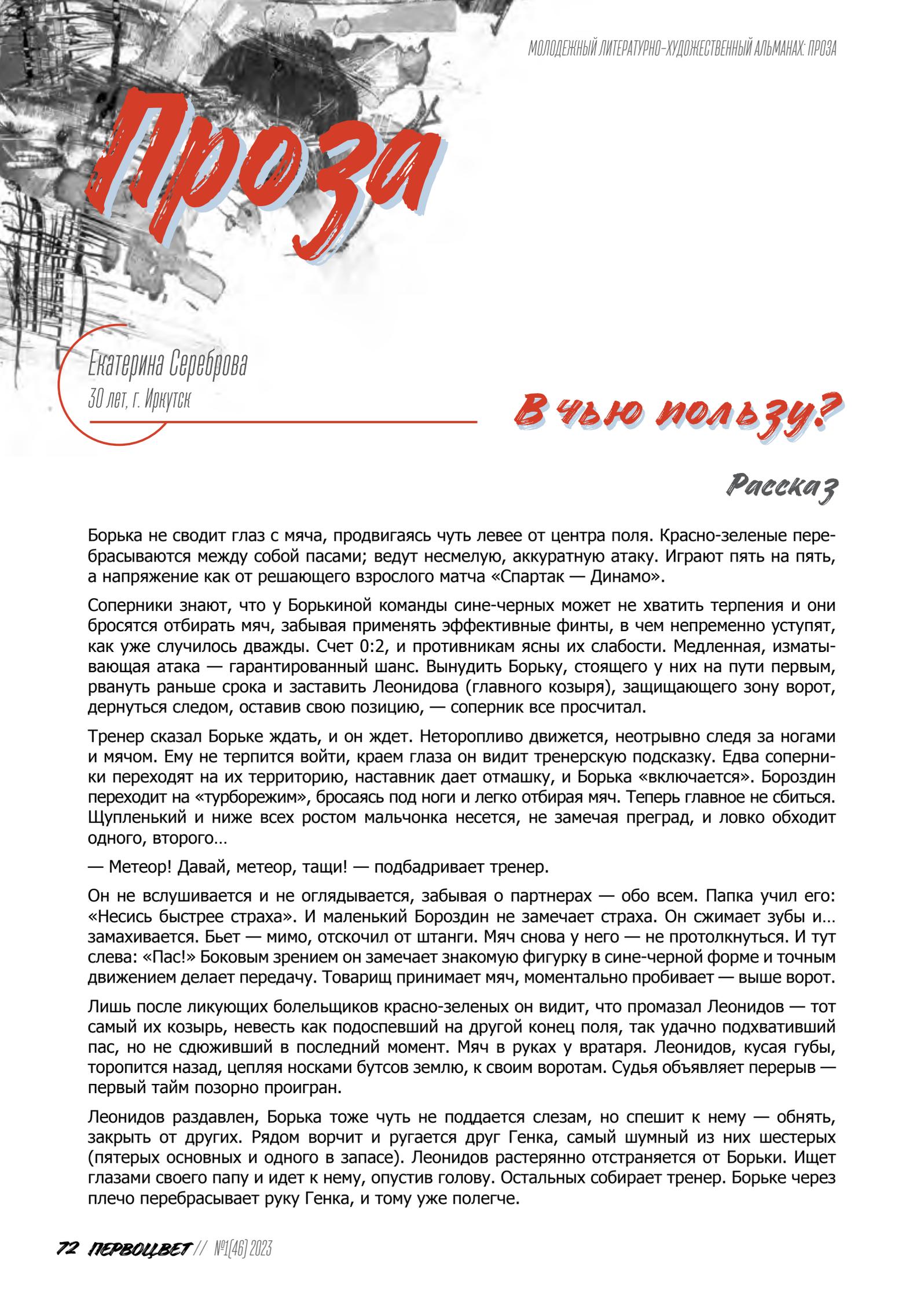
* * *

Прошу, не говори о смерти вслух
Ни громким голосом, ни даже шепотом.
Иначе что потом расскажет телу дух
Про эту тишину, про шум,
Про эту глубину и грубую игру, и глупую,
Про свет, мерцающий на стенах, на полу,
И как выходит, что, когда идет ко дну,
Корабль, вспарывая воду, пеной давится?
И Богу одному, наверное, существовать не нравится.
Да кто бы позвонил? Да и кому?

Корабль обволакивает ил...
А помнишь, были рыбами, икру
Метали и дышали под водой,
А после шли к ручью — на водопой,
А после изнывали от жары,
от жажды,
Глотали пыль, гоняясь по двору
За теми, кто всегда хотел вничью
Сыграть, но каждый
Стал, доиграв, ничьим?

Молчи. Корабль проглотил
Достаточно своим дырявым брюхом
Соленой влаги... Колокол звонил,
И Бог к нему прикладывался ухом.

Проза

Екатерина Сереброва

30 лет, г. Иркутск

В чью пользу?

Рассказ

Борька не сводит глаз с мяча, продвигаясь чуть левее от центра поля. Красно-зеленые перебрасываются между собой пасами; ведут несмелую, аккуратную атаку. Играют пять на пять, а напряжение как от решающего взрослого матча «Спартак — Динамо».

Соперники знают, что у Борькиной команды сине-черных может не хватить терпения и они бросятся отбирать мяч, забывая применять эффективные финты, в чем непременно уступят, как уже случилось дважды. Счет 0:2, и противникам ясны их слабости. Медленная, изматывающая атака — гарантированный шанс. Вынудить Борьку, стоящего у них на пути первым, рвануть раньше срока и заставить Леонидова (главного козыря), защищающего зону ворот, дернуться следом, оставив свою позицию, — соперник все просчитал.

Тренер сказал Борьке ждать, и он ждет. Неторопливо движется, неотрывно следя за ногами и мячом. Ему не терпится войти, краем глаза он видит тренерскую подсказку. Едва соперники переходят на их территорию, наставник дает отмашку, и Борька «включается». Бороздин переходит на «турборежим», бросаясь под ноги и легко отбирая мяч. Теперь главное не сбиться. Щупленький и ниже всех ростом мальчонка несется, не замечая преград, и ловко обходит одного, второго...

— Метеор! Давай, метеор, тащи! — подбадривает тренер.

Он не вслушивается и не оглядывается, забывая о партнерах — обо всем. Папка учил его: «Несись быстрее страха». И маленький Бороздин не замечает страха. Он сжимает зубы и... замахивается. Бьет — мимо, отскочил от штанги. Мяч снова у него — не протолкнуться. И тут слева: «Пас!» Боковым зрением он замечает знакомую фигурку в сине-черной форме и точным движением делает передачу. Товарищ принимает мяч, моментально пробивает — выше ворот.

Лишь после ликующих болельщиков красно-зеленых он видит, что промазал Леонидов — тот самый их козырь, невесть как подоспевший на другой конец поля, так удачно подхвативший пас, но не сдюживший в последний момент. Мяч в руках у вратаря. Леонидов, кусая губы, торопится назад, цепляя носками бутсов землю, к своим воротам. Судья объявляет перерыв — первый тайм позорно проигран.

Леонидов раздавлен, Борька тоже чуть не поддается слезам, но спешит к нему — обнять, закрыть от других. Рядом ворчит и ругается друг Генка, самый шумный из них шестерых (пятерых основных и одного в запасе). Леонидов растерянно отстраняется от Борьки. Ищет глазами своего папу и идет к нему, опустив голову. Остальных собирает тренер. Борьке через плечо перебрасывает руку Генка, и тому уже полегче.

Ребята рассаживаются на поле вокруг тренера. Помимо лидеров Борьки и Леонидова, громкого и вездесущего Генки, не умолкающего даже, когда его заменяют, с ними Виталик, вратарь Сава и единственная девочка в их большой (воспитанников разных возрастов и составов) спортивной семье — Ася.

— Вы не слабее их, — говорит наставник, усаживаясь перед ними на колени. — И не хуже. Но вы продолжаете играть в одного, и соперник этим пользуется. Соберитесь — шанс отыграться всегда есть.

— Утром было так же, — сетует Виталик. Он играет на взаимозаменяемой позиции в тройке с Генкой и Асей. Тихий мальчик, сдержанный; неплохой игрок, но быстро устающий и расстраивающийся.

— Дайте я на ворота встану, — просится Генка.

— Гена, не начинай, — обрывает его тренер. — Как я вас расставил, так и будете до конца. Боря, Леонидов, — оборачивается он на стоящего рядом мрачного мальчишку, поддерживаемого отцом, — молодцы, но не забываем о партнерах. Да, подсказываем тем, кто рядом: Витале, Асе.

Ася — хмурая девочка, умеет быть напористой и бойкой, но в силу неопытности нередко теряется в стычках с мальчишками. Она сидит чуть в сторонке, внимая каждому слову тренера.

— Забудьте, что было утром, — продолжает он. — Савка, не раскисай!

Долговязый вратарь спокоен.

— Неважен счет. Нам важен прогресс, ребята. Результат не на табло.

Приближается второй тайм. Борьку ставят на место центрального нападающего. И он выжидает. Следующий стремительный забег он не отдаст — ни за что.

На сей раз красно-зеленые проносятся мимо него. Генка с левого фланга спешит отнять мяч. Ася на правом подрастерялась, хотя не теряет цели из виду. Генка попадает в замес: против него трое. Атака противника к последнему препятствию у ворот — Леонидову.

Леонидов знает, что он хорош. Что он лучше всех на этом поле и даже, пожалуй, на соседнем, где играют ребята на год старше. Он знает, но папа всякий раз напоминает о неустанном труде и совершенствовании. Он изучил тактику и манеру игры топовых игроков страны и зарубежья, готов к этому турниру на 200 процентов. Но в одиночку не выигрывают. Леонидов видит, как проваливаются товарищи, и негодует. Кипит изнутри, внешне оставаясь холодным. Борьку они прошли, а дальше и рассчитывать не на кого. Он помнит, что нельзя покидать позицию без особой нужды. Тренер прав, но разве тут устоишь?

Он изучил тактику и манеру игры топовых игроков страны и зарубежья, готов к этому турниру на 200 процентов. Но в одиночку не выигрывают.

И вот нападающий летит прямо на него. Тут без вариантов — идти самому. Леонидов применяет обманный финт, отточенный и почти совершенный, и быстро удаляется на противоположный участок поля. У него нет суперскорости, как у Борьки, но и своих сил достаточно. Он несется по бровке — по самому краю от аута, балансируя и вынуждая противников отскакивать. О его напористость они и разбиваются, лишая вратаря поддержки. Леонидов бьет издали — и забивает.

Расслабляться рано. В развернувшейся атаке соперников Борьке удастся перехватить мяч и повести уже свою игру. Развить суперскорость ему не дадут. Он слышит «пас!» и сбавляет обороты, передавая мячик Генке.

Генка привык действовать резво и редко просчитывает наперед. Где-то в голове у него вертятся наставления тренера и мамыны просьбы не увлекаться. Но едва мяч оказывается у него, азарт и жажда триумфа заслоняют ему все. Генка увлеченно летит, у него полный хаос в сознании. Его снова окружают, и он просто пинает мяч вдаль. Аут — и вратарь соперников

бежит к трибунам за мячом. Генка рвет и мечет, из уст вырываются ругательства. Он даже не смотрит, что рядом стоит судья.

Жесткий и строгий судья поднимает желтую карточку. Генкины крики «За что?!», новый поток бранных слов — и уже карточка красная. Тренер спешит убрать горе-игрока подальше.

Генка вырывается и уходит к трибунам, зло пиная сиденья. Вместо него теперь без замены отдуваться Виталику. После недолгой паузы матч продолжается. Леонидов строго озирает сокомандников: игра опять разваливается. Красно-зеленые снова атакуют.

В зону аута к тренеру приводит Генку мама; ей неловко, что сын такой нетерпеливый и несдержанный. Надувшись, он молча сопит, наблюдая за действием. Противники давят превосходством. Савка отбивает третий мяч, а сине-черные никак не выведут игру на другую половину.

— Почему вы не подскажите? — вдруг звучит обвинение.

Мальчишка указывает напротив: тренер красно-зеленых весьма активно и даже агрессивно управляет своими. Как и большую часть игры.

— Потому что с моими подсказками вы выиграете, но никогда не научитесь думать сами, Гена, — говорит наставник. — Учись выдержке, Генка. Если будешь стараться, у тебя получится.

Генка молчит.

— И не обижайся. Садись.

Они с тренером усаживаются на траве, наблюдая за тщетными попытками их команды отбиться. Леонидов и Борька выдают по паре эффектных пробежек, но промазывают.

— Каждый хорош в чем-то своем. Но не всем хватает уверенности и поддержки. Вместо обвинений лучше поддержки своих. Ты видел, какие мощные «пушки» заряжает Ася? Поддай ей газу!

Ася и сама не до конца осознает, но ей достается мяч, а соперники не успевают наброситься на нее. Рядом некому сделать пас, и она неуверенно, но уже с решимостью довести его продвигается к воротам. Ноги нацелены бить, ей хватит умения и физической силы на точный и мощный удар. Она отрабатывает их каждодневно в одиночку во дворе, когда у них нет тренировок. Но вдруг промажет? Опять посмеются, что девчонка била. У ворот соперника Ася оглядывается в поисках Борьки, с кем у них налажена взаимопомощь, или кого угодно, кто подхватит. Никого! Секунды тянутся, как резина.

— Бей, Аська, заряжай!

Она слышит окрик Генки и бьет фирменный. Мяч залетает в верхний угол ворот — гол! Аська шокированно улыбается: ей не впервой, но за три матча в этом турнире — единственный удар по воротам, еще и удачный. Борька бежит поздравить ее. Генка сидит довольный.

Виталик как в тумане наблюдает за Асиным успехом. Ему не видать таких красивых голов — нет нужной меткости и мощности. Он просто бродит, бегаем и передает пасы, если получает. Матч близится к завершению, и он рад, что хотя бы не напортачил. Внезапно тренер окликает его. Виталик даже не сразу понимает, что нужно. Заменять его нечем, хоть он и устал. Обращается — ворота пустые, а Савки не проглядывается. Тренер призывает встать туда.

Виталик привык заменять, но вратарское место — ответственное, там не так спокойно. Нерешительно занимает позицию. Как назло, Леонидов умотал в центр — в самую кучу-малу, оставил его одного. Защитник красно-зеленых совершает удар. Виталик выставляет колено — отбил!

Савка давно понял, что перед глазами уже темные пятна вместо игроков, но стоически держится. На ощупь ловит мячи, вскоре ясно ощущая, что дальше не протянет, и поднимает руку, дав тренеру знак. Его из ворот выводит с причитаниями папа: «Сава, ну в обморок осталось грохнуть при всех. Ты чего?» А Сава молчит. Ему обидно, что он так подводит команду. Виталика поставили вместо него, и ему обидно за него тоже. Полевой игрок, совершенно

не умеющий принимать голы, — придется туго. От нахлынувших чувств и ухудшения состояния появляется рябь в глазах. Он почти плачет. Не слышит ни свистка, ни папиных слов (думая, что он опять ругается), ни шума вокруг.

— Сава, — это тренер легонько трясет его за плечо, — Сава, игра кончилась. Ты пропустил всего две минуты.

— А-а?

— Сава, ты в порядке?

— Ага...

Ему подали очки и обдали лицо прохладной водой. Зрение сфокусировалось, Саве полегчало.

— Ты молодец, в полном объеме выполнил и перевыполнил тренерскую задачу.

Он разглядел на поле других. Генка и Борька обнимались, Леонидов уже ушел с папой набивать мяч на дальнюю площадку, Ася эмоционально делилась впечатлениями с родными, Виталик отпросился за мороженым — от переживаний он наконец проголодался, чему родители были даже рады.

— Какой счет? — с волнением спросил Сава у тренера.

— 2:2.

— В чью пользу?

— Ничья, Сав, — посмеялся тренер, похлопывая его по спине. — У вас первая долгожданная ничья, Савка.

Сава не знал, как реагировать на ничейный результат, тревожно высматривая куда-то подевавшегося отца. Сзади его обняли. Это был папа.

— Хорошо продержался, сынок.

Сава облегченно выдохнул и улыбнулся.

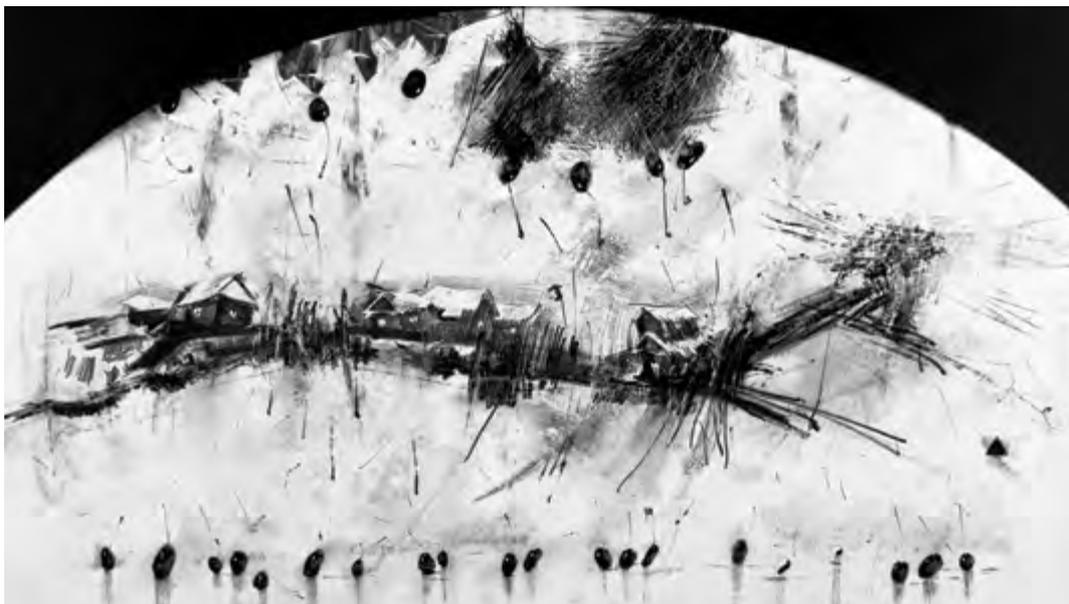
— Пойдем купим тебе гамбургер — заслужил.

Он любил эти вредные бутерброды и редко получал, отчего к запретному тянуло еще сильнее. Но сейчас почему-то совершенно не хотелось.

— Лучше пойду помогу Леонидову подготовиться — у него вечером матч со старшими. Ты не против?

— Конечно, нет. Зачем спрашиваешь?

*А Сава молчит. Ему обидно,
что он так подводит команду.
Виталика поставили вместо него,
и ему обидно за него тоже.*

Вишнёвая ночь

Владимир Клейнерман

27 лет, г. Иркутск

Окончательное решение

Рассказ

Пневмодверь раскрылась с приятным шумом. Алексу всегда он нравился. Правда, альтернативы он не застал: родился в первый год переселения под землю и о старых дверях мог знать только из исторических видеолекций. Привычным движением Алекс забросил верхнюю одежду на дезинфекцию и принялся. Из кухни тянуло приятными терпкими специями. Индийская кухня. Фанатка Нью-Болливуда Маргарет все-таки заказала именно ее. Впрочем, во вчерашнем споре по этому поводу она даже смогла убедить Алекса дать добро на это.

Он прошел в спальню и поприветствовал жену. Она лежала на кровати и работала на голоклавиатуре, быстро перебирая пальцами по пульсирующим голубоватым светом клавишам. Она покачивала головой в такт музыке в наушниках и вздрогнула, когда увидела Алекса.

— Фух, ну ты и напугал меня, — пролепетала она, вынимая раковинки наушников.

Алекс как-то сказал, что когда она вынимала их и они еще находились рядом с мочкой уха, то Маргарет напоминала ему девушку с жемчужной сережкой, прямо как на картине. Она на это многозначительно кивнула головой. Алекс тогда вспомнил о ее словах: «Да что ты как робот, ей-богу. Хоть бы слово доброе сказал!» — и постарался как мог. Маргарет оценила вроде бы.

— Над чем работаешь?

Алекс бросил взгляд на монитор: снова строки кода. Он особо в него не вникал, хотя понимал, что разобраться не заняло бы много времени, но пусть у нее будут какие-то области, в которых Алекс не разбирается.

— Прога для бухучета. Постоянно новые баги лезут, и так день за днем. Не представляю, как раньше все это ручками в гроссбухах считали — шизануться можно же!

— Раньше и калькуляторов не было.

— А счета на что?

— Я матанализ подразумевал, когда упомянул калькуляторы.

— Ну да... — Маргарет отложила ноутбук и сменила тему: — Я, кстати, индийскую доставку заказала. Думаю, ты оценишь. Не все же тебе питательные батончики точить.

— С ними подготовки меньше: распаковал — и съел.

— Ну да, ну да, — снова пробормотала Маргарет. — У тебя как дела? Все над своим тем самым проектом работаешь? Хоть расскажешь сегодня за ужином, в чем суть, а то приходишь с безумными такими глазами, потом снова на кухне допоздна сидишь, строчишь что-то... Мне бы хотелось узнать, что так тебя увлекло.

Алекс все еще держал в голове установку про добрые слова и поэтому подкрепил ее добрыми делами, подав руку Маргарет. Она легонько кивнула и встала с кровати. Они пошли на кухню. На этом рукаве у всех квартир была одинаковая планировка: тамбур, спальня, кухня и ванная рядом с ней. Полностью замкнутый безотходный цикл. За излишества приходилось платить. Правда, с их суммарным доходом (хотя все же больше Алекса) можно было позволить даже готовить самостоятельно, но Алекс отмахивался от таких глупых ритуалов.

Со стороны их быт выглядел безвкусным, как белковые батончики, но, поперекидывая

грузики на весах, можно было обнаружить, что где-то убыло, а где-то прибыло. Прибыло в Центре нейромеханики, который Алекс без труда мог назвать своим вторым домом (или первым, но тут аккуратнее надо при Маргарет выражаться). Однако нельзя сказать, что Алекс уж совсем не ценил то, что имел, иначе не возвращался бы. С Маргарет случалось и весело, и грустно — словом, небезвкусно. О пропорции веселого и грустного Алекс предпочитал не слишком задумываться, хоть и где-то старался придерживаться максимы «неведение — благо». Но сегодня намечалось событие — званый ужин, на который должен был прийти их общий друг Витя. Они с Маргарет надземники, ходили в одну школу, и с ними Алекс не мог не отметить той самой «поднебесной солидарности» — о ней писал Эйэй, коллега из другого отдела. Он был больше психолог-социолог, чем чисто прикладной Алекс, но с интересом слушал его рассказы о взаимоотношениях Маргарет и Вити, попутно надиктовывая в вокс-блокнот примеры для новой статьи. Со временем снисходительность Алекса сменилась тем же любопытством Эйэя, и он стал ждать посиделок с Витей не меньше Маргарет. Иногда Алекс даже сам вступал в разговор, чем, по всей видимости, удивлял Маргарет, но после его речей она как будто одобрительно кивала и бросала короткий взгляд на него. Будь Алекс менее сдержанным в раздаче эпитетов, он назвал бы такой взгляд улыбающимся, но он просто принимал его как взгляд здесь и сейчас. В общем, если бы Вити не существовало, его следовало бы выдумать.

Пока они раскладывали еду, придумывали, как распаковать пакеты, стилизованные под ретро из имитации плотной темно-бежевой бумаги (Маргарет еще умудрилась смастерить из квадрата снежинку, сделав надрезы по его краям, чем не преминула похвастаться), Алекс вспомнил, почему Маргарет решила заказать именно индийскую кухню. На прошлом таком ужине речь зашла про фильмы Нью-Болливуда. Естественно, поговорили и про компьютерную графику, с помощью которой воссоздавалась залитая солнцем Индия. Алекс терпеть не мог все эти бессмысленные споры защитников новой и старой форм кинематографа (были, правда, и те, кто решил адаптироваться, снимал натуру прямо здесь, но это был чистый андеграунд, и широкой любви он не снискал; к слову, оказалось, что Витя снимался где-то в массовке у своего друга в подобном «андерхаусе»), поэтому попросил слова у горячо споривших Маргарет и Вити, а затем изрек: «Нью-Болливуд — ненастоящее кино». Они оба тогда удивленно переглянулись, а потом еще раз посмотрели на Алекса: дескать, не слышалось ли им? Но нет, Алекс тогда выждал эффектную паузу и вывел: «Дело все в том, что все новоявленные студийные фильмы пытаются сделать вид, будто ничего не происходило и все остается неизменным. С одной стороны, конечно, понятно, для чего все делается. Но зачем нужны все эти смоделированные задники, освещение и запахи, если уже существуют все те же фильмы, которые, я точно знаю, снимались не тут, в подземке? А вот то кино, которое не стыдится своей подземности, мне импонирует больше, потому что говорит со мной на одном языке и не пытается казаться чем-то, чем оно не является. Тем и подкупает». Алекс ухмыльнулся про себя: все-таки Маргарет с Витей и вправду не ожидали от него пусть даже и краткого монолога об искусстве, однако он действительно питал слабость к кино и частенько выводил себе на смарт-очки что-нибудь неожиданное. Перу, Иран, Мьянма — таких стран уже давно не существовало, но Алекс иногда переставал быть Алексом и, как маленький ребенок, припадал к щелочке в венткамере, рассматривая через нее потаенный мирок, куда ему никогда не попасть. В такие моменты он отмечал, что становился пугающе для себя сентиментальным, потом думал, что нет, так дальше не пойдет, но все равно не мог перебороть тягу к душевному вуайеризму.

Алекс бросил взгляд на логотип на упаковке: «Ахамкара». Довольно странное название для доставки еды, но почему бы и нет. Это была последняя. Алекс достал оттуда крылышки тандури, смял упаковку и бросил в домашний мусоропереработчик. Он осторожно понюхал их: теперь он чуть больше понимал Маргарет, хотя это голод мог заставлять его так сильно захотеть наконец-то поесть чего-нибудь, кроме батончиков. Но если честно признаться, Алекс очень редко ел безвкусные батончики, а брал в столовой обычно всякие фруктовые: яблочные там или персиковые. Пробовал ли он вообще яблоки? Если только Маргарет заказывала когда-либо шарлотку.

Когда с сервировкой стола было закончено, Витя написал, что подходит. Оставались буквально последние приготовления: зажечь многоароматические свечи, сгенерировать тропическую панораму на оконном экране и выбрать подходящее видео для начала обеда и

последующего обсуждения. Самым сложным было, конечно, последнее. Стоило определиться непосредственно до ужина, ведь иначе можно было съесть почти все под бесконечное пролистывание ленты, а потом уже не так и важно (в другое время это просто — посмотреть чей-то обзор на что-нибудь или интервью, или запись стрима, а во время ужина — совсем другое: почти что пригласить к себе за стол незнакомого человека). В старых текстах Алекс встречал упоминания про феномен попутчика, которому люди древности раскрывали душу в поездках, потому что знали, что больше с ним не встретятся. В современную эпоху заменой им вполне подошли бы люди по ту сторону голоэкрана, даже не подозревавшие об их с Маргарет существовании. Маргарет еще особо не любила видео от алармистов — тех, которые неустанно предупреждали и об ограниченности ресурсов, и о стагнации, и о надвигающемся конце человечества. «Как будто без них я и не догадывалась!» — шикала Маргарет и просила переключить на что-нибудь повеселее, стоило очередному такому высветиться на экране.

Трынь! Трынь! Ну хотя бы дверные звонки пиликали так же противно, как раньше (об этом они с Маргарет тоже видели небольшое забавное расследование).

Витя был антиподом долговязого Алекса: невысокий и кубический — и телом, и лицом. Он наградил Алекса привычно крепким рукопожатием, после которого пришлось растереть ладонь, будто защемленную в тиски социальных ритуалов.

— Ну что, домоседы? — такое у него было стандартное приветствие.

— И тебе не хворать. — Маргарет протянула ему руку, ее Витя пожал учтивее. — Смогла все-таки уломать Алекса на индийскую кухню. Ты же знаешь, как он относится ко всему этому острому и пряному.

— Да-а, — протянул Витя, — боюсь представить, чего тебе это стоило.

— Сам ты как? — спросил Алекс, уводя всех за собой на кухню.

— Ну не так плохо, как может показаться, — легко ответил Витя. — Немного того, немного сего — как обычно, короче.

— Как будто может быть по-другому, — будто себе под нос пробубнила Маргарет, разливая чай по чашкам.

Повисло молчание. Только Алекс спокойно накладывал себе в тарелку салат из неизвестных ему ингредиентов, которые он пристально изучал: какие-то коренья, травы; какое-то мясо. Краем зрения он уловил, как Маргарет нахмурила брови. Она ничего не сказала и тоже наложила себе этого салата. Что-то кислое и горькое. Языковые рецепторы Алекса, так долго сидевшие на диете из предельно простых вкусов, сходили с ума. Иногда надо давать шанс излишествам в кулинарии, решил Алекс.

— А ты, кстати, — внезапно нарушил тишину Витя, — прям светишься весь. Давненько тебя таким не видел. Небось, повышение пообещали и хочешь сделать сюрприз жене? А я-то тебя раскусил! — и засмеялся.

Уголки рта Маргарет тронула улыбка. Она приобняла Алекса и поцеловала в щеку. «Он самый мозговитый в своем центре, без него они там никуда».

Судя по всему, Маргарет решила взять инициативу в свои руки и щелкнула пальцами. Голоэкран на стене впереди них перестал служить ложным окном. На нем зажегся плеер, на котором высветился заботливо включенный заранее выпуск древнего-предревного любимого юмористического шоу Маргарет и Вити. Алексу такое было не по душе: слишком много отсылок на надземную жизнь, которых он не понимал, по причине чего приходилось переспрашивать кого-нибудь из них двоих. Ладно бы, если бы после разжевывания смысла становилось смешно. Так нет, после долгих объяснений (а Маргарет с Витей еще и перебивали друг дружку, чем откровенно действовали ему на нервы) Алекс только пожимал плечами: ну и что с того? Правда, одна шутка заинтересовала его: напыщенный ведущий (на такое сравнение Маргарет даже губы надула и помотала головой) говорил, что если бы китайская комната существовала в реальности, а не была мысленным экспериментом, то корпорации бы придумали ее умный аналог за огромные деньги и с платной подпиской.

Когда шоу закончилось, все доедали крылышки. Алекс довольно сполз на спинку стула, прикрыв глаза и наслаждаясь приходящей тяжестью в животе. Он не помнил, когда был настолько сыт, как сегодня. Под конец вся кутерьма с юморесками и параллельными объяснениями Маргарет наперебой с Витей даже не воспринимались так раздражающе, как в начале. Алекс не преминул сказать им об этом.

— Вот уж не думала, что наконец-то тебя этой штукой заинтересую, — засмеялась Маргарет.

Она вытирала уголки рта от рыжеватого жира вперемешку с острым соусом, и Алекс вспомнил, что еще его бесило в неутилитарной кухне: сколько ж это ресурсов тратилось на все эти салфетки!

— Еще немного — и Алекс наш точно надземником станет. Это все ты плохо на него влияешь, — Витя покивал и потыкал вилкой в сторону Маргарет.

Та лишь залилась смехом.

— Отчего плохо? — глядя в потолок, проговорил Алекс. — Постоянный приток новой информации в тех областях, которые не являются знакомыми для тебя, — это один из наиболее эффективных способов повышения нейропластичности.

*— Отчего плохо? — глядя в потолок, проговорил Алекс. —
Постоянный приток новой информации в тех областях,
которые не являются знакомыми для тебя, — это один из
наиболее эффективных способов повышения нейропластичности.*

— Кажется, тут еще непаханое поле для экспериментов, — подытожил Витя и кивнул Маргарет.

— Кстати, про эксперименты... — Тут Маргарет слегка замялась, сглотнула и продолжила: — Может, ты все-таки расскажешь, над чем вы так усердно в последнее время работаете?

— Это прорывное открытие, я бы сказал... — Алекс посерьезнел и размял суставы пальцев.

— Ну конечно, чего же еще ожидать от Центра нейромеханики! — воскликнул Витя, словно обращаясь к кому-то в стороне.

— Довольно сложно говорить об этом простыми словами, если объяснять все, как есть, поэтому я воспользуюсь аналогией, к которой обращался тот ведущий из вашего шоу. — Когда разговор касался работы, Алекс всегда будто приходил в себя после глубокой дремоты. — Китайская комната. Изначально ее придумали, чтобы доказать: ни один искусственный интеллект нельзя будет назвать столь же разумным в том смысле, в каком мы подразумеваем человека. Знакомо?

— Ну да, — Витя погладил подбородок, — я слышал про нее. Походу, так оно и есть, раз за 200 лет с тех пор не появилось ничего такого.

— Это все, конечно, верно, но, может быть, проблема совсем не в искусственном интеллекте? Возможно, что китайская комната на самом деле существует, но ее никто не нашел там, где она действительно спрятана.

— И где же? — тон Маргарет резко упал.

Алекс взглянул на нее: она показалась ему очень уставшей, с кругами под глазами и слегка поджатыми губами. Как будто она уже обо всем догадывалась и просто разыгрывала спектакль перед Витей. Алекс встретился с ней взглядом, и она тут же его отвела, вернувшись к остаткам еды.

— Здесь, — Алекс ткнул пальцем в свой лоб.

Маргарет не дернулась.

— Не стоит показывать на себе, — Витя издал смешок.

Конечно, как только почувствовали приближение правды этого мира — сразу спрятались за стеной из отрицаний и суеверий.

— Не буду. — Алекс убрал палец. — Вот и выходит, что то, что мы называем личностью или «я», — это по большей части тот самый человек внутри китайской комнаты. Он просто механически выполняет свою работу, причем настолько хорошо, что даже называет, согласно инструкциям,

Три фигуры, поющие вальс

написанным не им самим, работу личностью, не видя в этом никакого противоречия или чего-то зловещего, и с пеной у рта доказывает, что так и должно быть.

— И что нам тогда делать? — после долгой заминки спросила Маргарет.

— В смысле? — переспросил Алекс.

— Я спрашиваю, что нам всем в таком случае делать, если у нас в голове эта самая китайская комната?

— Как будто что-то поменяется, если ты узнаешь, что это правда.

— Да, представь себе! — Маргарет с силой отодвинула тарелку от себя. Алекс с Витей даже вздрогнули от неожиданности. — Знаешь ли, я не такая глупая, как может показаться. Уже догадываюсь, к чему ты клонишь. Ладно, сначала я узнала, что нет ничего, кроме нескольких квадратных сантиметров внутри черепа. Потом — что у меня остается только полсантиметра коры. А теперь ты говоришь, что у меня и этого нет? Вот я сейчас злая, чуть не плачу — жуть, в общем. Это тоже я просто следую инструкциям?

— Не стоит себя так накручивать, — теперь Алекс чуть повысил голос. — Я же уже спрашивал тебя, изменится ли что-то от того, будешь ты это знать или нет. Разве знание того, как устроен и работает монорельс, как-то мешает тебе? Садись и ешь.

— Но это другое! Я не монорельс. Никто из нас тут не монорельс... или какое там тебе еще в твою китайскую комнату сравнение придет?

— Маргарет, — Алекс понимал, что ситуация выходила из-под контроля, и попытался остудить жену, — объясни, отчего ты так сейчас злишься?

— Сил терпеть нету уже. Сначала это Великое, мать его, переселение — ничего, переживем, тем более что за столько лет уже привыкла. А теперь у меня такое впечатление, будто я в экранизации той пьесы Сартра про ад! Спасибо, хоть мои мысли и чувства — это не мои мысли и чувства, а так, типа пошаговый алгоритм, что я должна думать. Точнее, не я, а человек в китайской комнате у меня в голове!

Она встала из-за стола.

— Марго, тише-тише, — Витя метнулся к ней, аккуратно посадил обратно и похлопал по плечу, — ты просто устала, но можешь выговориться...

— Наверное, все же безмозглая истеричка? — теперь она уже всхлипывала. — Да нет, ничего, Вить, не обижайся. Я не в укор, нет. Ничего, ничего... Простите меня, я что-то дала слабину...

Больше за этот вечер тему китайской комнаты не поднимали.

Впрочем, и вечер сам по себе закончился. Пока Витя собирался и Маргарет его провожала, Алекс остался один на один со своими мыслями. С одной стороны, он чувствовал, будто опрокинул на себя чашку сладкой газировки, от которой вся одежда противно липла к телу и хотелось снять ее поскорее и бросить в стирку; с другой — он вывел для себя, что ему полагалось бы испытывать по отношению к Маргарет вину и ее надо бы загладить чем-нибудь. Но ее ограниченность в этот раз окончательно довела Алекса, и ему не хотелось говорить ей одно по одному. Иногда он поражался Маргарет: несмотря на ее ум и начитанность, ей так многого недоставало и она не могла увидеть все, как видел Алекс. Сложная проблема сознания, что с нее взять.

Когда за Витей закрылась дверь, Алекс слышал, как Маргарет вернулась в спальню. Скрипнула кровать. Он прислушался внимательнее. Лишь мерно шумела приточка — Алекс мог различить столь знакомый с самого рождения звук только в абсолютной тишине. Алекс думал, оставаться ли ему на кухне и дальше, а может быть, даже провести тут ночь, но в конце концов сдался и отправился к Маргарет.

Стоило только прокрасться к кровати, как Маргарет, не открывая глаз, сказала:

— Прости и ты тоже. Что-то я последнее время сама не своя.

Алекс тихо заверил ее, что все хорошо, разделся и прилег рядом. Перед сном он прокручивал разные мысли: в основном непосредственно о проекте, про который он пытался ей с Витей рассказать, но иногда мысль перескакивала и на Маргарет. Алекс все так же лежал лицом в потолок и незаметно для себя заснул.

На работе у Алекса было несколько перерывов помимо обеда. Его коллеги распорядились временем по-разному, а он любил закрыться в своем кабинете и медитировать. Медитация занимала его не в ключе некой религиозной практики (еще чего!), а как один из инструментов познания и контроля над собственным разумом. Отрешенный от внешнего мира запертой дверью, выключенным приемником и закрытыми веками, Алекс погружался в сон наяву без снов. По крайней мере, так обычно все проходило, но в последнее время он замечал, что стал слишком нетерпеливым и несобранным: это маячившее все ближе открытие, финишная лента, перебежав и разорвав которую Алекс наконец-то выполнит дело всей своей жизни. Как в таком состоянии оставаться сдержанным и хладнокровным? Вот даже сейчас, сидя в одной и той же позе за столом и положив руки по швам брюк, он не мог заглушить бесконечное эхо, которое раздавалось внутри его головы. Тем не менее ему это нравилось: так приятно знать, что ты на верном пути, больше никаких блужданий, бесконечных поисков и итераций — только вперед. Давно забытое чувство, которое наконец обожгло его изнутри. Алекс не ценил подобного, но признавал полезность ярких эмоций (время от времени, естественно), и сейчас время было как никогда подходящим.

Он открыл глаза. Протер. Веки слипались, зрение было нечетким. Впрочем, особо у него в кабинете не на что было смотреть: вполне утилитарное помещение. Достаточное.

А потом в дверь постучали. Непривычно. Алекс отпер ее, и к нему вошел Эйэй, невысокий короткостриженный азиат. Алекс удивленно вскинул бровь.

Эйэй нахмурился, словно подбирая слова, а потом сказал:

— Прошу прощения, — он подошел поближе к столу, — за беспокойство.

— Что-то неотложное? — спросил Алекс.

— Можно и так сказать. Хотел бы переговорить с глазу на глаз.

Он посмотрел по сторонам: Алекс отключил все микрофоны в кабинете, по нервному виду коллеги уже догадываясь, о чем будет их разговор.

— Тогда говори.

Теперь Эйэй подошел вплотную к столу и оперся на него руками, будто свешиваясь на Алекса, но в коллеге не было словно никакого веса, будто он пытался сопротивляться силе, которая оттаскивала его к выходу.

— В последнее время я часто размышляю о нашем проекте в принципе... — Эйэй распрямился и переминался с ноги на ногу. И медлил, будто не знал, как подступиться к Алексу. — Странное чувство: с одной стороны, мы так близко к концу; с другой стороны, чем мы ближе, тем сильнее у меня складывается впечатление, что все должно быть не так.

— Наверное, многих ученых посещали подобные мысли. Оппенгеймеру в момент первого испытания ядерной бомбы пришли на ум такие слова: «Я — Смерть, великий разрушитель миров» и «Если бы на небе разом взошли сотни тысяч солнц, их свет мог бы сравниться с сиянием, исходящим от верховного господина в его вселенской форме», — процитировал наизусть Алекс.

— Так-то оно так, но мне все равно не по себе. Конечно, да, за всю историю человечества было сделано много открытий. И не про все можно сказать, что они делали жизнь обычного маленького человека лучше.

— ВПК когда-то был лучшим испытательным полигоном для технологий, которые потом уходили в повседневность.

— Звучит как попытка подбодрить, — глядя в сторону, пробормотал Эйэй. — С одной стороны, я понимаю тебя: все открытия были когда-то сделаны, они внедрились в нашу жизнь — и она все равно продолжается в той или иной форме. А с другой... может ли быть, что однажды все это прекратится? Не принимаем ли мы такую неизменность на веру? Что если когда-нибудь мы подпишем себе приговор — не то чтобы смертный, но близкий к этому?

«Метафизическая интоксикация», — подумал Алекс. Среди коллег случались подобные случаи, он был свидетелем. Сам же Алекс неким внутренним чутьем, которое он бы не стал рассматривать в качестве достоверного средства измерения, понимал, что ему такое никогда не грозило.

— У меня в последнее время перед глазами постоянно такая картинка, — Эйэй неожиданно оживился, стал ходить взад-вперед по кабинету (впрочем, это была его привычка, и странно, что он принялся так делать спустя столько времени), — как будто есть старая киноплёнка, и вдруг яркий свет, как ядерный, раз ты такую тему поднял, — и после этого вся плёнка засвечена, но не повреждена. Прокручивается-прокручивается, но ничего больше не пишется и больше ничего не помотришь.

— Я думаю, что такие мысли и образы... — Алекс почесал подбородок. Разговор стал настолько неловким для него, что про себя он думал, как же правильно подобрать слова и развернуть Эйэя в нужном направлении, чтобы тот не отвлекал его, — вполне нормально. В принципе, сомневаться — тоже нормально. Главное — не забыть, ради чего мы работаем и что это даст всем и каждому. Я не знаю... Честно говоря, никогда не считал себя кем-то похожим на того же Оппенгеймера или других великих ученых. Я просто занимался тем, что всегда любил и что меня завораживало.

— Ясно, — кивнул Эйэй.

Алекс не мог понять, появились ли радостные нотки в его голосе или попытка к мотивации оказалась бесплодной, несмотря на то что они так по-разному воспринимали и этот проект, и всю работу. Это как у двух режиссеров, снимающих фильмы, будут разные подходы к тому, как представить картину и как сдобрить ее мысленными комментариями, но они могут пере-сказать друг другу свое видение.

— Что-то много в последнее время разговоров про кино, — пробормотал себе под нос Алекс.

— Марго с Витей? — вдруг оживился Эйэй — именно такой тон Алекс и хотел у него услышать пару минут назад.

Алекса одновременно подбешивала и поражала жадность коллеги до всяких непримечательных деталей и разговоров, которые он вечно фиксировал в вокс-блокнот. Говорил всегда, что это важный экзистенциальный опыт.

— Да, пару недель назад у нас снова был общий ужин... — начал рассказ Алекс, прикинув, что у него еще достаточно времени до конца перерыва.

Маргарет не разговаривала с ним уже второй день. В последние недели Алекс не задумывался над тем, чтобы поддерживать психоэмоциональное состояние Маргарет должным образом, и результат не заставил себя ждать. Тем вечером Алекс настолько сильно погрузился в свои мысли, что забыл поздороваться с ней, лег на кровать и достал планшет. Он сразу принялся дочитывать оставшиеся отчеты, которые не успел обработать за день. Потом еще подбить все в сводную таблицу, скормить ее нейросетям, чтобы они продолжали делать мета-анализ... Еще один день, еще на один день ближе к развязке... Почему Эйэй так боялся ее наступления?..

«Когда-то я надеялась на твой тест на ментальные болезни — ты его еще так долго сдавать не хотел, — голос Маргарет справа вывел Алекса тогда из рабочего транса. Он повернул голову и увидел, как жена смотрит сквозь него. — И помню, как мне было дико больно, когда он показал, что ты полностью здоров». Ее голос был бесцветным и сухим, как стопка листов, которые слиплись между собой и с трудом расцеплялись пальцами.

Тогда Алекс не нашел, что ответить, и Маргарет перевернулась на другой бок. С одной стороны, Алекс осознавал, что и в этот раз ему требовалось подбирать слова, будто гадая, какой провод перерезать (и сделать это Алексу определено было необходимо). С другой стороны, Маргарет настолько не вовремя требовала к себе внимания, что ему показалось, будто она делала это нарочно. Тем более когда до конца оставалось так мало и у Алекса перехватывало дыхание, стоило ему только задуматься об этом. Почему Маргарет не могла просто подождать немного? Совсем немного.

Это была последняя мысль касательно Маргарет в тот вечер. Алекс, конечно, позволил себе укориться, но он оправдывался важностью занимавших его дел и висевшей над ним ответственности. Когда усталость начала накатывать, он еще с час сопротивлялся, пока все перед глазами не расплылось. Только тогда он отложил планшет, умылся и лег обратно в кровать. Маргарет к тому моменту уже спала. Как долго — он не мог с точностью ответить.

На следующий день было тихо. Даже слишком. Алекс решил не раздражать жену и работал на кухне. Сначала ему было неуютно: он постоянно ерзал на стуле и прислушивался. Но постепенно сводная таблица нового дня захватила его полностью, и он лег спать в то же время, что и вчера, с чувством выполненного долга.

Сегодня же Маргарет встретила его в коридоре. Она стояла у стены напротив входа. Алекс ожидал чего-то подобного и поэтому еще на подходе к дому старался придать себе как можно более расслабленный вид. Внутреннее чутье подсказывало ему, что такая стратегия наиболее выигрышная. Конечно, странно полагаться на внутреннее чутье, но в последнее время Алекс был готов хвататься за любую возможность, чтобы избежать ссоры с Маргарет, потому что понимал: иначе он очень сильно подорвет собственную производительность. Сейчас подобного он позволить не мог.

— Добрый вечер, — начала Маргарет.

Алекс пытался разобрать ее настрой, но голос был все так же выхолощен.

— Добрый, добрый, — виновато хмыкнул Алекс.

По всей видимости, его стратегия оказалась невыигрышной. Маргарет прикусила губу, задумалась, а потом заговорила:

— Алекс, я бы хотела расставить все по местам. В последнее время все превратилось в какое-то безумие. Ощущение, что я сама с ума схожу.

— Я понимаю тебя. — «Да, лучше всего развивать эту тему, не устраняться», — подумал

Алекс. — Да я и сам тоже не свой последнее время, но просто сейчас такой ответственный период... Обещаю, когда мы закончим, все будет лучше.

— Да я не то чтобы... — Она вздохнула, с силой провела ладонью по лицу. — Так сложно все. Короче, я не то чтобы так сильно обижалась, что ты слишком погружен в работу. Я волнуюсь за другое.

— За что?

Здесь у Алекса не получилось сохранить самообладания — он не ожидал такого. Он лихорадочно прокручивал в голове воспоминания, могла ли где-то Маргарет узнать суть его проекта. Это было единственное знание, от которого он искренне хотел бы оградить ее.

— Помнишь тот наш последний ужин с Витей? Когда речь зашла о китайской комнате и как это все может быть связано с нашим сознанием?

«Кажется, все-таки догадалась».

— Прости за излишнюю навязчивость, но меня все это беспокоит. С тех пор как тебя перевели на этот проект, ты становишься все отстраненнее и отстраненнее. Все эти разговоры про predeterminedness действий, про то, что сама личность заключена у нас в тоненькой коре в мозгу, — они меня пугают. Еще страшнее от того, что я сама будто знаю, что все правда.

— Чего же тогда бояться?

Алекс задал тот же вопрос, что и на прошлом ужине. Задал скорее неосознанно, чем взвешенно. Не думая, что в этот раз Маргарет смогла бы ему ответить. Предeterminedness.

— От понимания, как все устроено, до того, чтобы этим управлять, — один шаг. У меня так на работе.

Они стояли молча, перебрасываясь взглядами. Каждый то поднимал глаза, то отводил, как только видел, что второй поступает так же.

— Всё так. Наш проект покончит со всеми бедами, в которые человечество загоняло себя всю историю своего существования, тем, что не даст ему больше угодить ни в одну из них, — попытался объяснить Алекс, четко осознавая, что в этом не было никакой нужды. — Неправильно было бы подразумевать под этим то управление, о котором ты, наверное, думаешь. Не ниточки у марионетки, а передачу карточек с иероглифами, которые человек в китайской комнате будет по алгоритму интерпретировать.

Человечество заперто под землей, нерационально растрчивает ресурсы, топчется на месте. Ты же сама это прекрасно видишь. Я, например, сравнивал развитие науки в надземный и нынешний периоды. Тотальное замедление во всех сферах, в том числе и в моей.

— Прекрати! Что за бред ты несешь?! Ты хоть сам в это веришь? — Она замахала руками, словно разгоняла дым, а потом замерла и прошептала: — Конечно, веришь. Наверное, для тебя даже ничего не изменится!

— На самом деле для нас всех многое изменится, но разве такие

перспективы не стоят того? Человечество заперто под землей, нерационально растрчивает ресурсы, топчется на месте. Ты же сама это прекрасно видишь. Я, например, сравнивал развитие науки в надземный и нынешний периоды. Тотальное замедление во всех сферах, в том числе и в моей. То, что нам почти удалось все осуществить, — совпадение бесконечного количества переменных.

— Конечно, апеллирую к доводам разума. Скажи только, если уж решил к этим доводам обратиться, откуда в тебе проснулось такое человеколюбие? Ну живем и живем. Если сильно не задумываться, не так и плохо. Если жизнь чему-то и научила меня, то только тому, что доверять тем, кто обещает всеобщее счастье, себе дороже. Уже одного того раза, когда мы все тут под землей оказались, мне хватило. — Она прислонилась обратно к стене и глубоко вздохнула. — Вот в такие моменты жалею, что не курю. Чертов ЗОЖ, пропади он пропадом!

— Не понимаю твоих придилок. Вполне естественное желание лучшего будущего и вполне эволюционно обоснованного альтруизма. Как у Маргарет Мид с бедренной костью. Однако

если кость срасталась неправильно, в прошлом ее ломали. Сейчас, естественно, все можно исправить и без таких грубых и радикальных операций. Я полагаю, что и с личностью и индивидуальностью будет так же.

— И нам в очередной раз надо будет просто потерпеть, — закатила глаза Маргарет. Она сжимала кулаки. Теперь в ее голосе Алекс без труда мог различить раздражение. — Прекрасное, светлое будущее обязательно настанет, только когда-нибудь потом, но, знаешь ли, сейчас у меня хотя бы есть какие-то развлечения, мелкие мечты, встречи с Витей, хоть какой-то маленький уголок в китайской комнате, где бы тот человечек мог отвернуться от всей хераборы, которую ему по глазным проекторам транслируют, и завернуться в эскапизм. А что ты предлагаешь? Развернуть, зафиксировать его голову и распорки поставить, чтобы не отворачивался? Хоть капли глазные капать будут?!

Они снова замолчали... Все выглядело так, словно Маргарет чрезмерно погружена в собственные заблуждения и предрассудки. «Возможно, сказываются скрытые комплексы, связанные с Великим переселением», — вывел Алекс. Нужно было обсудить эту тему с Эйэем. Когда Алекс пришел к такому выводу касательно Маргарет, ему стало легче: значит, вот в чем крылись причины ее поведения и неприятия. В любом случае однажды, когда все завершится, она все осознает. А до тех пор...

— Вообще, я много о чем в последнее время размышляю...

Алекс вздрогнул: он не заметил, как Маргарет ушла на кухню. Говорила она оттуда.

— Над тем, на что я трачу свою жизнь. Как верила, что еще немного — и весь мир вот он, как на ладони. Окончу только школу, выучусь на тех курсах, этих; вот немного тут поработаю, потом там, а потом — раз, и все. Сейчас надземная жизнь вспоминается как пробный период, хотя и там забот хватало.

— Ты рассказывала как-то... — Алекс проследовал за ней.

— Да, конечно. — Она макала батончик в чай и, упираясь подбородком в ладонь, глядела на Алекса, как пару дней назад. — Конечно, да.

— Я понимаю, требуется время адаптироваться к тому, о чем я только что рассказал. Если ты захочешь, я смогу более подробно разъяснить весь замысел...

— Послушай, — Маргарет резко перебила его. До этого момента казавшаяся погруженной в полудрему после выпаленных эмоций, она будто снова начинала закипать, — пускай я и не могу, как ты, так же все осознать и осмыслить, но общая картина мне ясна. И мне этого достаточно. Я не хочу спрашивать, сколько вам там еще осталось, — пусть это будет для меня сюрпризом. Вообще, надо решить, что бы из незавершенных дел доделать. Вот я много раз задумывалась: а каково было людям из прошлого, которым говорили, что у них нашли неизлечимую болезнь и им осталось жить столько-то?

— Маргарет...

— Да прекрати ты меня перебивать! — она перешла уже на крик и вскочила со стула, но следом сразу же успокоилась и села обратно. — Хотя плевать. Можешь делать все что угодно: не говорить со мной, работать сколько хочешь, можешь у себя в центре ночевать... Да хоть под монорельс прыгай! Только не донимай меня больше, пожалуйста. Договорились?

Алекс перевел взгляд в пол и виновато кивнул.

На следующий день Маргарет уже не было в квартире. Когда Алекс вернулся с работы (как обычно, в поздний вечер), она написала ему короткое сообщение, что, как и предупреждала вчера, хотела прожить оставшееся время, как ей заблагорассудится. Еще не дочитав до конца, Алекс догадался, что она переехала к Вите. Так и оказалось, как выяснилось из окончания сообщения. Что ж, после вчерашней ссоры Алекс подозревал подобный исход. Но одновременно с примесью разочарования он испытал и облегчение. Теперь его больше не будут сковывать неловкие разговоры, вечные требования внимания и межличностных взаимодействий. Он наконец-то сможет полностью посвятить себя делу всей жизни.

Следующие несколько недель действительно прошли так. Алекс уже почти не думал о Маргарет, хотя изредка перед сном мелькали обрывки мыслей, что было бы, наверное, неплохо написать ей и дать знак, что он помнит о ней. Но с каждым днем к этим мыслям примешивалась также и следующая: «Нравное, прошло уже слишком много времени. Делать так надо было раньше, сейчас уже слишком поздно и будет воспринято как беспочвенная неловкость».

Так прошло еще несколько недель. Воспоминания подстерлись, побледнели и перестали мучить Алекса. Особенно слабым их влияние стало на фоне успехов их проекта. Вот теперь Алекс действительно мог сказать, что они вышли на финишную прямую. Естественно, и забот, и проблем хватало, даже становилось больше, но, оглядываясь назад, Алекс, как и все коллеги, понимал, что было сделано так много, что они просто не могли позволить себе стусеваться сейчас. Все подводили это как некую константу, и никто не смел оспаривать ее. Алекс действительно не смел, но, бывало, задавался вопросом: все ли думали то же, что и он? Все действительно думали так или просто притворялись, что думали? В минуты таких размышлений он вспоминал слова Эйэя и опасался этого. Может быть, именно поэтому у него словно открылось второе дыхание, а вместе с ним и склонность к лидерству, как было отмечено в одном из отчетов по ментальной обстановке в Центре. Этот отчет Алекс сумел прочитать. В обход правил, конечно, но опыт общения с Маргарет показал ему важность социальной гибкости.

Потом Алекс просто потерял счет времени. Оно превратилось в лемнискату и стало однородным. Алексу было уже все равно, какой сейчас день недели или время суток, и при этом он с уверенностью мог сказать, что никогда прежде не был так счастлив.

Фрактальные дни все повторялись и повторялись до одного нового сообщения, которое вырвало Алекса из уютного подпространства и будто окатило ледяной водой. Оно было от Вити. Алекс мог бы проигнорировать это сообщение, но как только его реальность оказалась взбаламученной, на него словно свалилась тяжесть усталости от каждодневного многочасового, выматывающего труда. Алекс решил, что стоило бы немного — буквально один день — передохнуть и согласиться на Витино приглашение. Особенно если учесть, что он предлагал отправиться на Поверхность. Знакомый режиссер Вити намеревался осуществить безумную идею — снять андерхаус наверху и выставить надземную съемку как компьютерную графику. «Эдакая мистификация», — как писал Витя. Алекс вспомнил лабиринт приточно-вытяжных установок, который он видел в детстве. Еще ему показалось, что сейчас через приточку за ним, как за подопытным, наблюдал тот самый маленький Алекс через неевклидово лиминальное пространство вентиляции.

Еще Витя писал, что Маргарет рассказала ему о планах Алекса, поэтому он и захотел выбрать-ся и попрощаться. Алекс в мыслях закатил глаза, совсем как Маргарет во время всех этих их разговоров. Они так упорно связывали грядущее со смертью, что Алекс уже устал им доказывать обратное. Пусть лучше прочувствуют все собственным мозгом, когда придет время.

В назначенный день (было воскресенье, поэтому не требовалось отправляться в Центр; коллегам он написал, что сегодня поработает из дома, — они удивились, конечно, но, учитывая, сколько он проработал сверхурочно, никто слова поперек не сказал) Алекс прибыл на грузовую станцию номер 16. Как оказалось, в любительской труппе Вити был кто-то из начальников этой станции (или его родственник — Алекс не успел разобраться), поэтому отсюда они могли отправиться наверх. Все улики их пребывания будут уничтожены из видеокamer и журналов посещения.

Пневмодверь раскрылась перед Алексом. В отличие от двери дома эта открывалась с невыносимо царапающим слух лязгом. Внутри уже собралась разношерстная компания, человек 10. Среди них и Витя, который сразу же протянул Алексу руку.

— Сколько лет, сколько зим, как говорится, — бодро отчеканил он.

— И тебе привет. — Алекс оглянулся: кинолюбители, в основном молодые парни и девушки, сидели на лавках и о чем-то оживленно болтали. Сильнее всех выделялась высокая блондинка в черных очках — она протирала коптер с видеокamerой. Рядом с ней была открытая сумка, из которой торчали дула объективов. Рабочие станции сидели за стеклом щитовой и тоже с любопытством наблюдали за собравшейся в цеху компанией. — Неплохо вы тут устроились.

— Знал бы ты, чего это стоило. Но вообще-то, Поверхность действительно стоит всего. Сегодня хорошая погода наверху, можно без химзащиты подниматься.

— Звучит так, будто съемка фильма — это просто прикрытие, чтобы был повод туда отправиться. Если честно, все эти объяснения про концептуальный замысел...

— Вот ты это с ней, — Витя кивнул в сторону блондинки, которая оживленно что-то объясняла двум лавкам кинолюбителей, активно жестикулируя, — лучше обсуди. Если, конечно, не получишь вокс-блокнотом по голове, когда такое ляпнешь. Это «концепт»! — Витя спародировал ее манеру широко расставлять руки во время разговора. — Ну а вообще она, конечно, глыба. Могу потом познакомить. Думаю, историю про китайскую комнату она экранизировала бы.

Из операторской выглянул невзрачный мужик средних лет и махнул рукой. Режиссерша в свою очередь — теперь она напоминала Алексу мамашу гусыню из детского мультика — позвала остальных, а Витя уже Алекса. Витя также вытащил из кармана куртки респиратор и протянул его Алексу. Тот поднес его к лицу и почувствовал, как он сцепляется с кожей. Глубокий вдох — всё в норме. Алекс глянул в сторону остальных: они тоже надевали респираторы и уже направлялись к большим воротам, а оттуда — в тамбур, который представлял собой широкий коридор с высоченным потолком, стерильный, но при этом лишенный косметического лоска других помещений подземного города. Все напоминало, что эти места не для жизни.

Алекс глянул в сторону остальных: они тоже надевали респираторы и уже направлялись к большим воротам, а оттуда — в тамбур, который представлял собой широкий коридор с высоченным потолком, стерильный, но при этом лишенный косметического лоска других помещений подземного города. Все напоминало, что эти места не для жизни.

Алекс вместе со всеми шел по этому коридору и чувствовал себя лилипутом. Но кроме унижения собственной незначительностью он еще был смущен из-за того, что вся эта возня была для него практически забытой и потому непривычной. Алексу казалось, что взгляды всех прочих были прикованы к нему, к его неуклюжести и топорности, но уже стоя в широкой камере поверхностного лифта, он мог убедиться, что все заняты своими делами: одни разглядывали переплетения кабелей на потолке, другие сбились в группки и живо болтали. Режиссерша встала в центре и еще сильнее закрепила в мозгу Алекса ассоциацию с мамашей гусыней. Сам же он оказался в углу вместе с Витей. Алекс до сих пор не мог избавиться от чувства, что остальные сторонились его.

— А ведь это еще не самый крупный лифт, — Витя ткнул пальцем в высокий потолок, который был раза в три выше, чем у Алекса дома. — Большие, для грузовых роботов, как несколько таких.

— И все-таки я не могу понять, почему ты позвал меня с собой, — решил идти в лоб Алекс. Потому что он действительно не понимал.

— Да как тебе сказать... — Витя вновь глянул наверх, и Алекс проследил за движением его глаз (да что они все в этих кабелях нашли?!). — Раз уж время у нас ограничено, то почему бы не показать тебе по старой дружбе Поверхность, раз ты там никогда не был. Как будто ты сам не хотел бы туда попасть.

— Явно не горел никогда желанием. — Кажется, он нашел, почему все к потолку так прильнули: под определенным углом перекрещивающиеся между собой кабели складывались в надпись *Per aspera ad rectum*, а следом белым маркером было выведено: «и даже дальше!» — Но любопытство определенно присутствовало. Тем более я заработался так, что, наверное, проветриться и правда не повредит. Причем проветриться в буквальном смысле.

— Хм, ну да, проветриться... — Витя запрокинул голову и залился болезненным смехом. — Проветриться! Ух...

— Ну что ж поделать... Вы с Маргарет всегда говорили, что у меня не получается юмор.

— Да уж, мы с Марго всегда так говорили.

Алекс сначала хотел выдумать смешной каламбур, но лифт стал замедляться. Даже несколько расстроился, однако вспомнил, что поездка и не могла затянуться. Это было соразмерно со временем, которое тратили люди прошлого века, чтобы подняться на землю из метро, только сейчас все перевернулось вверх дном.

Когда лифт окончательно остановился, Алекс повернулся к створкам дверей. Только сейчас он задумался: ведь на самом деле он много чего читал о Поверхности. Даже больше, чем стоило для человека его положения и бэкграунда. Но вот его от той самой Поверхности отделяет только 100 миллиметров стали. Что он узнает о ней? Усмехнулся про себя — придумал каламбур, правда, не связанный с Витей: «Это как сделать шаг из комнаты Алекса».

Ожидание показалось ему субъективно длиннее поездки, и вот — густой лязг! Внутрь врывается ослепительно-обжигающий свет. Алекс даже зажмурился. Потом открыл глаза — они еще не до конца привыкли, но он уже мог различить расстилающуюся впереди темно-коричневую равнину. Резко стало холодно. Лоб защипало, а респиратор принялся размеренно потрескивать. Алекс, как и другие, неуверенно вышел наружу. Первое, что ему захотелось сделать, — это заткнуть уши. Он, конечно, слышал про ураганные ветра, но, во-первых, не ожидал, что это будет настолько неприятно, а во-вторых, это еще даже не ураганный ветер, а пока самый обычный! К тому же глаза сразу начали слезиться, приходилось щуриться.

*Алекс посмотрел вдаль: склон, еще дальше — сопки,
а у горизонта — казавшиеся крохотными вершины туманных гор.
Потом обернулся и увидел несуразный холмик, выросший на краю
поля, чьи границы исчезали в дымке.*

Алекс посмотрел вдаль: склон, еще дальше — сопки, а у горизонта — казавшиеся крохотными вершины туманных гор. Потом обернулся и увидел несуразный холмик, выросший на краю поля, чьи границы исчезали в дымке. Холмик напоминал иллюстрацию землянки. Косяк и створки дверей лифта на нем выглядели то ли игрушечными, то ли настолько не к месту,

как и сам холмик, что становилось просто смешно. Алекс не прочь был засмеяться, если бы только не иное чувство, подступавшее к животу. До этого он имел неосторожность посмотреть на небо и замер, парализованный страхом: небо с быстро плывущей по нему сплошной завесой желтоватых облаков оказалось по-настоящему необъятным. Оно нависало над Алексом, и вот именно теперь (а не тогда в коридоре) он ощутил себя ничтожным карликом. Как муравей. Алекс понимал всю абсурдность своего страха, но все равно с трудом ему противился: разве хватит у земного притяжения силы, чтобы удержать его от падения в такое огромное небо?

Из оцепенения его вывел Витя.

— Эй! Пошли за нами! — окликнул он Алекса.

И действительно, пока он стоял как вкопанный, остальная группа уже ушла к краю поля. Алекс поспешил к ним. Так непривычно было идти по земле, а не по обычному полу, потому что ботинки при каждом соприкосновении с ней ненадолго погружались в почву. Поверхность с каждой минутой, проведенной на ней, казалась все страннее и негостеприимнее. Когда сам Алекс начал спускаться вниз, стоило ему только поставить ногу на небольшой выступ, как подошва соскользнула и он чуть не покотился вниз. Вовремя сумел сохранить равновесие и ухватиться, так что падения не случилось. Что ж, теперь Алекс все больше и больше убеждался, что его подземелье — и вправду по-настоящему подходящее для человека место.

Несмотря на все трудности, он все-таки спустился в ложбину и там услышал журчание. Как оказалось, по дну протекала быстрая речка. Обрыв оказался еще круче, чем предыдущий, а внизу вспенивались темные воды. Алекс безотрывно глядел на них. Правда, предусмотрительно он держался на расстоянии от края — ему на физическом уровне была неприятна высота, отделявшая его от речки.

Он покрутил головой: кинолюбители уже распределились по своим местам в стороне от него, режиссерша все так же живо жестикулировала, а коптеры роились вокруг них. Алекс не пытался вникнуть в их действия и в то, что именно они планировали сыграть. Он был просто наблюдателем. И тут его осенило, что снимай он собственный фильм, он наполнил бы его

именно такими непосредственными сценами без контекста. Такой ход виделся ему имеющим куда больший смысл, нежели попытки уместить собственные идеи в сценарные заготовки. Алексу нравилось быть эдаким посторонним: это позволяло не вступать в социальные контакты, поэтому он был избавлен от всех связанных с ними утомительных действий, но, с другой стороны, наблюдал за ними. Тут Алекс осекся, потому что ход его мыслей показался ему чрезвычайно похожим на рассуждения Эйэя. Нежелательное направление, поэтому Алекс дистанцировался от него. Вообще отрешился от всех внутренних моно- и диалогов. Ежедневные медитации в обеденный перерыв не прошли даром.

Дул ветер, журчала вода. Люди снимали дубль. Алекс смотрел.

Когда холод начал давать о себе знать и Алексу уже не удавалось сохранять прежнюю отрешенность, он заметил подходившего Витю.

— Ну что ж, свою часть я отыграл, — сказал тот и словно похлопал в ладоши, но, возможно, просто пытался согреть руки. — Не заскучал тут?

— Да нет, интересный экзистенциальный опыт.

— И почему я не удивлен, что ты так ответил?.. Кстати, а ты тут все это время простоял столбиком?

— Считаю, да, — Алекс пожал плечами. — Немного ноги подустали, конечно, но я привык в одной позе долго стоять. Медитация — вообще полезная штука, если подумать.

— Обязательно ей займусь, пока еще остается время. Спасибо за такую мотивацию — своеобразную, сам понимаешь, но действенную.

Сарказм чувствовался настолько незавуалированным, что казался тонким. Тем не менее Витин голос был полон оптимизма. Алекс вспомнил, что это ему напоминало: юмор висельника.

— У вас с Маргарет сложилось неверное представление и, следовательно, восприятие будущих преобразований.

— Мне хватило того вида, который был у Марго, когда она приехала ко мне. Как будто ты представляешь, до чего ее довел, — теперь в его голосе был прямой упрек.

Алекс задумался, насколько внешнее дружелюбие и жизнерадостность Вити в начале их встречи были искренними.

— Здесь я, с одной стороны, вынужден признать, что был излишне нетактичен, но, с другой стороны, прошу посмотреть на это моими глазами...

Алекс не заметил, как они пошли во время разговора. Сейчас они уже порядочно отделились от прежнего места, но кругом была все та же картина.

— И что же они видят? — передразнил его Витя. — Может быть, у тебя получится меня как-то переубедить, чтобы я Марго успокоил.

— Прежде всего меня смущает, что вы оба трактуете операцию по высвобождению неокортекса как смерть; оба сравниваете себя с терминальными больными, которые пытаются пройти по некоему списку незавершенных дел.

— Ладно, пускай. По-твоему, это не физическая смерть, а смерть личности, как я понимаю. Лоботомия.

— Также прошу воздержаться от подобных сравнений, потому что в данном случае не происходит нарушений интеллекта, утраты волевых процессов или необратимых повреждений мозга.

— Так в чем же суть-то?

— Боюсь, что если я попытаюсь рассказать все как есть, то меня не поймут, но если буду придумывать аналогии, то поймут неправильно. Вот сейчас мне наиболее точным кажется сравнение с высокоорганизованными общественными насекомыми, но я догадываюсь, что ты не оценишь его, потому что не понимаешь, что на самом деле значит мыслить, как пчела или муравей.

— И что же оно значит?

— Максимально эффективное использование заложенных возможностей. Без всей той мишуры, которой мы сыты по горло. Возможность прекратить бесконечное прозябание под землей. Наши ресурсы, к сожалению, ограничены, и во многом весь наш проект был продиктован именно желанием человечества выжить.

— При текущем уровне потребления... — Витя остановился и бросил взгляд на речку внизу. Он цитировал одну из многочисленных алармистских лент, которыми пестрело инфополе подземного города. Живя в нем, невозможно было не пересечься с тревожной повесткой. Витя будто размышлял над чем-то своим, а потом продолжил: — ...возможностей жить под землей хватит еще на 30 лет. Контроль над рождаемостью и корректировка потребностей способна прибавить к этому сроку еще 25 лет. После этого без кардинального технологического прорыва человечество потеряет возможность вернуться на Поверхность и выжить под ней.

— Именно это. По сути дела, с самого моего рождения над всеми нами идет обратный отсчет, но что-то не видно больших сдвигов. — Алекс пожал плечами на немой вопрос Вити. Теперь он выглядел больше напуганным. — Я прекрасно понимаю твои опасения по поводу нового восприятия и сознания, которые обретает человек по результатам операции. Конечно, он совершенно по-другому начинает на все смотреть. В некотором смысле я бы мог согласиться, что это гибель личности, но будет ли бояться этого та личность, которой нет? И будет ли она об этом жалеть?

— Мы возвращаемся в начало разговора. Как у Эпикура с его «Когда смерть есть — нас уже нет». Ты же говоришь буквально о той же смерти, только не физической. Причем сам это признал.

— Я сомневаюсь, что у обычного языка есть достойные средства, чтобы передать все оттенки смыслов, которые я хочу тебе просто истолковать. Есть еще одна аналогия, и, скорее всего, тебе она тоже не понравится: кастрация животных лишает их инстинкта размножения, но разве они страдают от этого? Нет, они просто не могут представить, как может быть иначе, и прекрасно живут в дальнейшем. Положим, что с личностью можно провести более сложную, но схожую операцию. Будет ли тогда человек сожалеть?

— Ну, — Витя протер лоб, — сначала я хотел бы сказать, что ты на самом деле стопроцентно поехавший. Вот честное мое мнение. И ты меня снова не убедил: ты сказал, что животные не могут представить, как может быть иначе, но ведь человек может...

— Это несколько наивный взгляд на человеческое сознание, — перебил его Алекс. — Последние наши исследования показали, что это переоценка возможностей памяти. В общем, там все слишком сложно, чтобы так просто разжевать. Извини, я попытался.

— И крайне неудачно. Ну ладно... — Витя походил взад-вперед и добавил: — Но в таком случае это все из-за отсутствия выбора. Точнее, даже памяти о нем. Человеку же не с чем будет сравнивать, поэтому он и не сможет ни о чем жалеть.

— Я, в отличие от тебя, родился уже под землей, но при этом отчетливо вижу все проблемы такого положения и никогда не пытался от них сбежать.

— Если это какой-то выпад в мою сторону, то уж увольте, — отмахнулся Витя и подошел поближе к Алексу, приподнялся слегка на цыпочках и посмотрел ему в глаза. Алекс почему-то в этот момент, как никогда, ощутил глубину пропасти позади себя. — Нисколько не горю желанием прозябать остаток жизни под землей, но лучше я сдохну там, чем стану частью этого муравейника, а не человечества.

— Все твои негативные мысли пройдут, когда ты сможешь посмотреть на мир незамутненными глазами.

— И когда же это случится?

Казалось, будто Витя при всем своем росте нависал над Алексом и становился все больше и больше.

— На самом деле совсем скоро, последние приготовления завершены. Протокол операции

готов, остались только небольшие формальности, но в целом мы сделали свою работу. Именно поэтому я и позволил себе небольшой выходной сегодня.

— Ч-что?..

Витю будто кольнули иголкой, и из него, как из шарика, стремительно улетучился весь воздух. Он мгновенно снова стал гораздо ниже Алекса и растерянно поглядел на него.

«Эй! Пошлите за нами!» Алекс с Витей повернули голову в сторону крика. Это кинолюбители звали обратно. Режиссерша активно махала руками, а позади нее роились коптеры. Как пчелы.

Известие о том, что Эйэй вызвался одним из первых добровольцев, оказалось настолько неожиданным для Алекса, что он замер на месте, так и не донеся до рта белковый батончик. К нему обратилась ассистентка, чье имя он так и не смог запомнить за несколько месяцев работы с ней. Сначала Алекс хотел отчитать ее за то, что она оторвала его от размышлений, но стоило ей только упомянуть Эйэя, как Алекс встрепенулся. От ассистентки он узнал, что с коллегой все в порядке, а сама операция прошла без инцидентов. Он жестом попросил девушку отойти и направился в кабинет. Странно, его вроде бы должны были оповестить... Алекс отметил, как в нем начала нарастать необъяснимая тревога, согнавшая с места. По пути до него доносились обрывки чужих разговоров, и тогда он понял, что в столовой обсуждали только эту тему. Кто-то похлопал его по спине и крикнул какое-то поздравление вслед; из толпы вырисовывались неразличимые фигуры, которые делали то же самое, но Алекс не мог сконцентрироваться на них. Его мысли занимал только Эйэй. В глубине души Алекс, конечно, изначально был настроен, что с операцией все пройдет гладко: все было хирургически выверено на бесчисленном количестве математических моделей.

*Кто-то похлопал его по спине
и крикнул какое-то поздравление вслед;
из толпы вырисовывались неразличимые фигуры,
которые делали то же самое,
но Алекс не мог сконцентрироваться на них.
Его мысли занимал только Эйэй.*

Несмотря на то что он прекрасно осознавал пропасть между теорией и практикой, он все равно надеялся на знания и умения — свои и своих коллег. Насчет ментального состояния Эйэя Алекс тоже несильно переживал: как человек, который так долго вглядывался в переплетения и взаимодействие нейронов, моделировал и прогнозировал, Алекс так сросся с этим знанием, что оно перестало быть для него чем-то запредельным, поэтому он даже мог предполагать, как именно теперь видел мир Эйэй.

Нет, единственным, что так беспокоило Алекса, был тот факт, что Эйэй не предупредил его, не изъявил открыто желания стать одним из первопроходцев. Внутреннее чутье (будь оно неладно!) просто вопило Алексу, что именно оттуда стоило ждать разрушительного дуновения — от взмаха крылышек бабочки.

Алекс осекся и скорчил раздраженную гримасу. Он замечал, как в ответственные моменты становился до отвращения пафосно-сентиментальным. Он старался этого не показывать, но от своих мыслей скрыться не получалось, поэтому ему оставалось только с силой выдавливать всю эту муть куда-то на задворки сознания. Сейчас же стоило сосредоточиться на чем-то более полезном.

Когда Алекс вернулся к себе, то ему пришло лаконичное сообщение. То самое, которого он и ожидал. В нем были очередные поздравления, казавшиеся Алексу теперь не к месту, раз даже его ассистентка узнала обо всем раньше. Но кроме этого в сообщении была и короткая фраза, что ему рекомендовалось проинтервьюировать первого пациента, как именовали Эйэя.

Вот и медицинское крыло. Пневмодверь раскрылась практически бесшумно, и Алекс прищурился от стерильной белизны. Он за пару секунд пересек просторный зал и обратился к девушке-дежурной за стойкой. Пиликнули биометрические сканеры. Девушка с любопытством пробежалась глазами по голоэкрану, поприветствовала посетителя и дала указания, как пройти к Эйэю. Алекс помчался в коридор слева от нее. Когда он оказался у нужной двери, та раскрылась.

Эйэй в серо-голубом халате сильно выделялся на фоне белоснежной, как и все остальное,

палаты. Когда он увидел коллегу, то привстал с койки. Алекс не заметил в его движениях ничего подозрительного. Он готовился к любому подвоху, и его тревога оттого только усилилась. Алекс неуверенно сделал шаг вперед.

*Когда препарат оказался у меня в крови,
проник через гематоэнцефалический барьер,
я буквально почувствовал, как умирает мое «я».
Но потом наконец-то наступило умиротворение.*

— Привет, — мягко, как всегда, начал Эйэй. — Полагаю, что у тебя много вопросов, однако должен заверить, что я в полном порядке.

— В этом я несколько не сомневаюсь, — заверил его Алекс, будто больше успокаивая себя, чем коллегу, — но...

— Ты хочешь знать, почему я вызвался первым добровольцем?

Алекс судорожно кивнул.

— На самом деле я решился в тот день, когда обратился к тебе с сомнениями по поводу операции. Я сомневался по многим поводам, и одним из самых главных была перспектива гуманитарных наук и социологии в принципе. Во многом я не мог не отметить рациональности нашего дела, но постоянно задавался вопросом: будет ли в таком будущем для меня место?

— Но если ты понимаешь, что мир станет рациональным, разве не означает это, что в нем оно обязательно будет?

— Это сложно объяснить. Особенно если учесть, что я прекрасно все понимаю. Я был редактором одной из тех десятков алармистских лент. Это так, к слову. Тем не менее я внял доводам разума и именно поэтому пошел первым — чтобы не страдать от ожидания. И должен сказать, что я наконец-то спокоен. Пока сложно дать прогноз, что нас ожидает, но в любом случае шаг уже сделан.

— Рад это слышать, — Алекс позволил себе выдохнуть. Действительно, он был рад за Эйэя. После Маргарет и Вити было отрадно снова узнать, что тебя могут понять — по крайней мере, за пределами рабочего места. — Вообще, я хотел бы у тебя узнать больше, скажем так, о субъективном переживании операции. Как ты всегда говорил, «интересный экзистенциальный опыт».

— Да, действительно... — Эйэй нахмурился, прикрыл глаза. Алекс отметил движение его глаз под веками, как будто он перечитывал текст на их обратной стороне. Потом Эйэй открыл глаза и будничным тоном ответил: — Конечно, мне было страшно. Первое время. Когда препарат оказался у меня в крови, проник через гематоэнцефалический барьер, я буквально почувствовал, как умирает мое «я». Но потом наконец-то наступило умиротворение.

— В... в чем это выражалось? Смерть, я имею в виду, — подозрительно спросил Алекс.

Последняя фраза Эйэя была неожиданной. И в тот же миг тревога отступила, потому что именно эта информация оказалась тем, о чем внутреннее чутье предупреждало Алекса. Вместо тревоги возникла только оглушающая паника.

— Очень странно такое описывать, но я попробую. Будто мое субъективное «я» просто исчезло в тот момент. Говорю про того меня, который до операции думал, действовал и чувствовал. Его никто не подменял. Я сейчас прекрасно осознаю себя как Эйэя, у меня нет никаких проблем с памятью или сознанием, но я знаю, что той — прежней — личности больше нет. Это произошло так стремительно, что тот я, который теперь нынешний, это даже не успел почувствовать. Я знаю, что я остаюсь Эйэем, но и Эйэя, которым я был до операции, уже нет. Боюсь, что запутал тебя. Тебе все понятно?

— Даже слишком... — Алекс сглотнул слюну — такого исхода он предполагать не мог. Или мог, но так боялся его, что и в мыслях не допускал? Или же просто думал до этого самого момента, что будет готов к такой правде?

— Тогда прекрасно. Теперь я могу сказать тебе лишь, что рад, что наш проект завершился успехом. Надеюсь, что ты скоро тоже подвергнешь себя операции, потом все остальные — и мир изменится навсегда. Впрочем, мир всегда меняется.

— Мне нужно все обдумать, — сдержанно ответил Алекс и попятился к выходу.

У него в голове лихорадочно копошились мысли, но теперь он не мог с ними совладать. Он едва пересилил себя, чтобы не закричать от отчаяния. Наследие рептильного мозга — бей или беги, но только сейчас Алекс мог лишь стоять.

Алекс услышал раскрывающиеся створки пневмодвери. Его обступили по бокам и крепко схватили под руки. Он даже не успел испугаться по-настоящему, а его уже уложили на каталку и пристегнули руки-ноги. Покатили. Он видел, как к двум санитарам, катившим его по коридору, подплыла фигура женщины-доктора.

— Объясните, что сейчас происходит! — Алекс собрал последние крупницы уверенности, чтобы голос не дрожал, но вышло не очень убедительно.

Доктор даже не удостоила его взглядом.

— Мониторинг вашего... психоэмоционального состояния... в течение довольно длительного времени... — у нее тоже не особо получалось говорить, как задумано, потому что ей не хватало дыхания: поспевая за санитарями, она постоянно сбивалась. Алексу стало нестерпимо больно от того, что он обращал на такую мелочь внимание, как будто она была чем-то важным, — ...показывал высокую вероятность внутреннего саботажа. В текущий момент допущение подобного исключительно... исключено.

— Да что вы несете?.. — Алекс поворочался на каталке, но все тщетно. Он перешел на крик: — Развяжите меня! Какая вероятность внутреннего саботажа?! Я читал эти отчеты — нет в них ничего подобного!

— Это была одна из методик... проверки. Вам передали сфабрикованные... отчеты. Послушайте, давайте не будем повышать друг на друга голос. Вас подвергнут операции, вы сами... прекрасно знаете, что она безопасна и уже... отлажена.

— Она оказалась совсем не тем...

Но Алекса уже покинули силы. Он сам удивился, как быстро сдался, и последние слова были уже не криком, а только сдавленным стоном.

— Не беспокойтесь. — Санитары замедлились, и доктор без труда смогла идти с ними вровень. — Вот, уже все готово.

Его развернули. Каталку сложили — теперь Алекс сидел. Происходящее казалось абсурдом, ночным кошмаром, после которого лежишь с широко раскрытыми глазами и радуешься, что все это было лишь сном. Но пробуждение никак не наступало. Алекс с силой зажмурился. Он почувствовал холодок на левой руке, потом — такой же ледяной укол.

Он слышал байку, что при смерти у человека перед глазами проносится вся жизнь. Но в голове Алекса вспыхнуло лишь одно-единственное воспоминание.

...Шесть лет назад он только-только устроился в Центр — первое и единственное место работы. Неопытный, нелюдимый и пугливый парень. Его вытянули каким-то чудом на вечер в ресторан коллеги. Эйэя, кажется, там не было, а может быть, это он его и вытянул. Приглушенный свет, черная мебель с резкими, четкими линиями, красная обивка. Он отсел от коллег, устав от них, да и выпитое ими уже сказывалось. На его исчезновение не обратили внимания. За другим столиком он сначала не заметил женщину, а когда сел, было неловко пересаживаться снова. Она его тоже не заметила. Потом подняла глаза, улыбнулась и протянула руку: «Маргарет». Сложно объяснить, как она выудила из него слова и как разговор перешел в такое русло, но скоро он наперебой рассказывал все про работу мозга — настолько доступно, что даже сам понял. Маргарет внимательно слушала и под конец произнесла: «Ну тебя точно ждет великое будущее», — и легонечко похлопала его по щеке. Наверное, он тогда залился краской, но при местном освещении этого не было видно.

Воспоминание лучилось забытой теплотой, а потом исчезло, заполненное ослепительным белым светом, как засвеченная пленка.

За другим столиком он сначала не заметил женщину, а когда сел, было неловко пересаживаться снова. Она его тоже не заметила. Потом подняла глаза, улыбнулась и протянула руку: «Маргарет».

Конкурс

«Инокентьевские звездочки»

Литературный конкурс «Инокентьевские звездочки» проводится Инокентьевской библиотекой № 5 МБУК г. Иркутска «Централизованная библиотечная система» с периодичностью раз в два года и уже продемонстрировал преемственность поколений. В 2022 году конкурс прошел в 11-й раз. По традиции в нем приняли участие ученики школ Ленинского округа города Иркутска.

Авторские произведения в трех возрастных категориях (младшие, средние и старшие классы) в номинациях «Проза» и «Поэзия» оценивает профессиональное жюри под председательством члена Союза писателей России, поэта, журналиста Сергея Корбута. В 2022 году конкурс был посвящен Году культурного наследия народов России. Тема звучала так: «Золотая россыпь народного творчества».

Публикуем некоторые произведения победителей.

Даниил Гергушкин

9 лет, г. Иркутск

Прогульщик

Раз, два, три, четыре, пять —
Решил я школу прогулять.
Захожу я в магазин —
Там стоит Артем Зимин.

Вместе мы пошли в кино,
Там увидели его —
В черной куртке, без носков...
Это Дима был Пашков.

Прогуливать не по приколу,
И отправились мы в школу.
Что с одним, что с другим
На уроке мы сидим.

Кирилл Иванов

12 лет, г. Иркутск

Ссора огня и воды

Жили-были Вода и Огонь. Вода помогала поливать землю, чтобы получился хороший урожай овощей, фруктов и ягод. Она поила и давала жизнь всему. Особенно ее хвалили люди, когда долго работали под яркими лучами солнышка красного и очень сильно уставали. Во всем она слыла незаменимой помощницей. А Огонь дарил людям и животным тепло, вкусную, ароматную пищу и горячий чай. Его называли Хранителем дома.

Жили Вода и Огонь в мире и согласии, помогая людям с разных сторон, и думали, что никогда не поссорятся.

Но однажды человек принес Огонь в лес. Огонь удивлялся всему новому. Он увидел огромное ночное небо, а на нем множество блестящих точек. Захотел Огонь спросить у этих точек, кто они такие, почему так высоко светят и при этом не греют землю и людей. Приобнял тогда Огонь дерево, и оно загорелось, а от него загорелось другое, а потом — еще одно. Огонь понял, что поступил неправильно, но самого себя остановить не мог и только увеличивался в размерах.

Вода увидела это и рванула в лес со всех капелек. Добежав, накинулась она на Огонь, обняла его крепко-крепко и превратила в дым.

Стала Вода горевать, что так поступила с братом домашнего Огня. Но все деревья в лесу сказали ей спасибо, что спасла им жизнь. Вода подумала-подумала, улыбнулась, что все-таки сделанное ею дело добрым оказалось, и вернулась домой.

Огонь, узнав о случившемся, сделал вид, что простил Воду, и предложил поесть бревен, но Вода любезно отказалась и побежала поить цветики-семицветики с травой-муравой.

Тогда Огонь решил, что вместе за одним столом ему с Водой уже никогда не сидеть, потому что они абсолютно разные и помириться у них не получится.

Вот так они и живут до сих пор: каждый занимается своим делом. Но Вода постоянно следит за Огнем, чтобы тот не попадал в лес и не увеличивался в размерах. Не доверяет, значит, и ждет подвоха. А разве возможна дружба в таких условиях?

Софья Ольшевская

16 лет, г. Иркутск

То, что мы вряд ли когда-то забудем

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что такое воспоминания? Где они сейчас, чем заняты? Они — как книжки, забытые на старом чердаке, с потрепанными корешками и слоем серой пыли. Лежат себе где-то далеко, пока однажды вы не вспомните об их существовании.

Ни за что не предугадаешь, когда к тебе явится воспоминание. Да, именно явится. У них, знаете ли, есть необычайное свойство — приходиться к людям в самый неожиданный момент. Они будто живут собственной жизнью, прячутся в самых укромных уголках твоего подсознания и ждут того момента, когда смогут навестить тебя, чтобы рассказать свои истории...

Но часто мы забываем и совершенно не подозреваем, что люди — тоже хранители тайн и загадок. Мы из поколения в поколение передаем сказки, легенды, песни и традиции. В наших повестях и волшебных историях живут удивительные существа, придуманные много лет назад. Я как сейчас помню дни, когда на страницах моих детских книжек оживали любимые герои. Я видела происходящее как наяву. Старые легенды и предания очаровывали меня, увлекали за собой в мир прошлого, давая волю моей фантазии.

Однажды на одной из моих полок появилась большая книга славянских мифов. В темно-зеленой обложке, с яркими иллюстрациями, она гордо смотрела с высоты книжного шкафа на мой маленький читательский уголок. Почти каждый вечер ее доставали с почетного места и читали мне вслух перед сном. И когда день постепенно обращался ночью, нельзя было отличить, была сказка во сне или наяву...

«...Он на то согласился и сделался королем, а жена его королевою», — этими словами бабушка закончила читать сказку и уже хотела закрыть книгу и выключить свет, как вдруг осознала, что ее любимая внучка совсем не желает спать (чего нельзя было сказать о самой бабушке).

На нее с любопытством смотрели удивленно раскрытые и полные детской наивности глаза, которые явно жаждали еще одной увлекательной истории.

Но на все восклицательные взгляды она отвечала только:

— Уже поздно. Будем спать, милая.

— Бабушка, а Баба-яга правда существует?

— Конечно, нет, — отвечала она.

— А ты проверь под кроватью — может, она сейчас оттуда выползет.

Чтобы удостовериться в своем здравом рассудке и успокоить детское воображение, слышащее в каждом шорохе шаги домового или иного существа, бабушка не спеша заглянула под кровать. Но не обнаружив там ничего, выключила свет и легла спать.

В комнате стало совсем тихо, слышался только мерный стук часов. Редко проезжали машины, нарушая общий покой.

Но один вопрос никак не отпускал меня:

— Ну а водяной у нас есть или хотя бы Жар-птица? А Царевна-лягушка? Лягушки-то у нас точно водятся! — не унималась я.

— Ты неправильно их представляешь, — ответила сонная бабушка.

— Это почему?

Зевнув и уже окончательно проснувшись, она начала рассказывать:

— Потому что они мифические существа, живущие лишь в сказках и легендах. Ты никогда их не увидишь, пока не прочтешь их историю. Только в своем маленьком придуманном мире они хозяева. Книга — как дом для всего фантастического, где может случиться все что угодно. Вот поэтому мы ждем вечера, чтобы позволить сказкам попасть в наш мир и узнать, кто они и откуда.

— Тогда как мне их увидеть?

— А ты засыпай, и они сами к тебе придут.

Долго ворочаясь под одеялом и размышляя о сказанном, я пыталась заснуть, все надеясь, что сказка так или иначе посетит меня: рассыплется маленькими звездами на моей подушке или очарует своей прекрасной мелодией. Я снова и снова листала яркие картинки в надежде, что одна вот-вот шевельнется, что птицы взмахнут своими крыльями и слетят с белоснежной бумаги, а деревья зашелестят и начнут качаться в разные стороны.

Но с каждой секундой, проваливаясь в глубокий сон, я начинала видеть не менее прекрасные и чарующие сны, где одна картинка сменялась другой. Всякий раз засыпая, я все больше и больше понимала значение слов, сказанных мне когда-то бабушкой.

Звездочёт

Конкурс

«Проба пера»

Вот уже почти 40 лет ежегодно в дни весенних каникул в МКУ Киренского района «Межпоселенческая библиотека» проходит районный литературный конкурс юных поэтов «Проба пера», который символично называется «Поэтическая капель».

В 80-е годы прошлого столетия Валентина Стефановна Загребина организовала конкурс для школьников города, целью которого поставила выявление и поддержку творческого начала одаренных ребят.

Каждый раз, взяв в руки книгу, мы погружаемся в удивительный мир книжных героев, путешествуем в новые страны, совершаем открытия.

Многим молодым киренчанам тоже хочется рассказать свои истории, поделиться интересными наблюдениями. Литературный конкурс дает им уникальную возможность выразить эмоции поэтическим языком. Более того, в последние годы в программу конкурса организаторы добавили две новые номинации: «Проза» и «Фольклор».

Мы верим, что в дальнейшем литературное созвездие молодых киренчан станет еще ярче. Юные поэты и прозаики будут радовать нас своими произведениями, достигая серьезных творческих высот.

*О.Н. Инешина,
библиотекарь по краеведческой работе и обслуживанию читателей
МКУ Киренского района «Межпоселенческая библиотека»*

Татьяна Кузакова

15 лет, г. Киренск

Мой Киренск

Мой Киренск маленький, но все же это город.
Он сердцу моему так бесконечно дорог.
Я сибирячка в пятом поколении,
Моя родня вся с Киренги и Лены.

Мой город — остров средь великих рек,
Стоит в Сибири вот уж третий век.
Он самый старый на земле Иркутской.
Он необычный, он святой, он — русский.

Он несравним с большими городами,
С вокзалами, театрами, домами.
Его богатство — в красоте природы,
В гостеприимном, искреннем народе.

Старинный город — родина моя!
Мой Киренск, я до слез люблю тебя!

Вероника Мурашова

11 лет, г. Киренск

Белые мотивы

1

Еще вчера листва шумела,
Хваля наряды — каждый свой!
Сегодня поле побелело,
Укрывшись снежной бахромой...

Неделя, две — и покрывало,
Что выдаст снега круговерть,
Прикроет поле и устало
Искриться будет и белеть.

2

Зимней сказкою чудесной
Скрытый шалью снеговой
Лес встречает всем известной
Шумной песней вековой...

Сосны ветками качают,
Сеют, сыплют серебро.
Ветер тихо распевает,
Что кругом белым-бело!

Кедры хмурятся сурово.
Сколько зим на их веку?
Пыль серебряную снова
Сыплют зайцам на тропу...

В зимнем царстве-государстве
Ели ввысь устремлены.
Гордо песню распевают,
Одурев от белизны!

Роман Сафонов

16 лет, г. Киренск

Вдохновение

Побудь наедине с собой
И ощути в душе покой.
Пусть ветер шепчет: «Успокойся,
Присядь, удобнее устройся —
Дела по-прежнему все тут.
Закрой глаза, мечтай. Не бойся,
Что вдохновение и муза
К тебе сегодня не придут...»

Анна Ярыгина

10 лет, г. Киренск

Сказка про кошку

Есть у меня кошка, ее зовут Лушка. С ней каждый день происходят разные приключения. Вот об одном я сейчас и расскажу.

Был отличный солнечный денек. Лушка, как всегда, лежала на диване и ничего не делала. Вдруг у двери послышался шорох. Кошка соскочила с дивана и побежала к порогу. У порога была мышка. Лушка схватила ее зубами и хотела унести в подполье, как вдруг мышка говорит ей: «Не ешь меня, отпусти — и я исполню три любых твоих желания».

Кошка подумала и говорит ей: «Хорошо, я отпущу тебя, но не сразу. Хочу иметь очень много бантиков и клубков, чтобы я с ними играла». И в ту же минуту Лушка оказалась в большой коробке с клубками и бантиками. Она сначала обрадовалась, начала играть ими, но вскоре запуталась в нитках, из-за чего ей стало трудно дышать.

И тогда взмолилась она: «Не хочу больше играть с бантиками и клубками, хочу море молока!» В тот же миг она оказалась в море молока и... начала тонуть. Потому что кошки не умеют плавать.

Она кричит мышке: «Спасиииите, помогаиитее!!! Не хочу море молока! Хочу, чтобы я всегда была сытая». Тотчас Лушка превратилась в огромный шар и стала кататься по всему дому. Она хотела встать на ноги, но не могла.

Тут подошла к ней мышка и говорит: «Выбирай: или ты будешь шариком, или обычной кошкой. Но ты не станешь ловить мышей». Кошка согласилась. Ударила мышка об пол хвостиком, и в то же мгновение Лушка оказалась на диване.

Вдруг она снова услышала шорох около двери. Лушка хотела спрыгнуть с дивана, но вспомнила, что она больше не ловит мышей. А может, это был просто сон? «Мяу!»

Денис Ревун

11 лет, г. Киренск

Сказка про чеснок

Давным-давно в большом огороде на пахнущей навозом грядке жил чеснок. Это был вредный старикашка. Грядка была забита скучающими овощами. Соседи раздражали его. Он все время был чем-то недоволен, часто ворчал и ругался с ними. Овощи тоже недолго любили чеснок, потому что от него неприятно пахло.

Но однажды на грядке из-под земли появилась голова крота — он решил полакомиться овощами. Овощи замерли в ожидании скорой расправы. Свекла даже в обморок упала. Лишь только чеснок не испугался и начал источать резкий запах, от которого крот убежал восвояси. После этого все овощи зауважали чеснок!

София Гребенщикова

14 лет, г. Киренск

Квакушкины сказки

Вы любите сказки? Я тоже люблю.
Сейчас одну сказку я вам расскажу.
Однажды услышала, как на опушке
Друг с другом болтали лягушки-подружки.
Болтали о том, что в болоте беда
И страшно им возвращаться туда.
— Квашмар! — сказала одна из лягушек,
Надув свои щеки, будто подушки.
— Кваужас! — вторая ей подтвердила
И глазки свои еще больше раскрыла.
— Говорят, что вдоль болота
На ходулях ходит кто-то!
— А еще сказали мне,
Что щипцами по воде
Щелкнет, словно пистолет.
Раз, и все — квакушки нет!

Я послушала лягушек.
Что за странные болтушки?
Что у них там за беда?
На болото я пошла.
И, раздвинув камыши,
Я увидела вдали:
На одной ноге стоит
Цапля, грозная на вид.
Вдруг увидела меня
И, взмахнув крылами,
В небо цапля поднялась,
Скрывшись за горами.

Узнали об этом лягушки-подружки
И радостно заквакали на зеленой опушке:
— Кващастье! Кварадость! Вот это успех! —
Попрыгали квакуньи. — Обрадуем всех!

София Карманова

15 лет, г. Киренск

Маленькое привидение

Вова и его семья жили в небольшом старинном городке. Их уютный дом находился почти на его окраине. У этого дома была своя загадочная, неповторимая история. Отец мальчика, Федор Николаевич, работал поваром в известном ресторане «Франция». Будучи высоким, крепким мужчиной с небольшими черными усами, он был похож на настоящего француза. А мама, стройная красавица Инна Александровна, работала учительницей ИЗО и технологии в местной школе. Сам же Вова был русым маленьким мальчиком. Ему исполнилось 8 лет. Он хорошо учился в школе; обожал рисовать, мечтать и читать.

Вова не любил оставаться один дома — ему становилось страшно. Мальчику казалось, что все вещи оживают, что кто-то ходит по дому и стучит в окна. Он боялся привидений.

В один из вечеров сам шеф-повар ресторана «Франция», который также приходился лучшим другом Вовину отцу, пригласил его родителей на званый ужин. Это означало только то, что Вова остается дома один на один со своим страхом. Поначалу все было хорошо: Вова смотрел телевизор, ел вкусные мамины пироги. Вдруг он услышал постукивание в окно. Мальчик сильно испугался: это точно привидение! Он спрятался под кроватью, зажмурил глаза. Через пять минут дверь в его комнату со скрипом отворилась, и устрашающий вой раздался в комнате. От ужаса Вова не мог вымолвить ни слова и только, захлебываясь и заикаясь, звал маму. Мальчик вспомнил, что мама ушла вместе с отцом и в доме, кроме него, больше никого нет. Неожиданно кто-то коснулся Вовиной руки. Медленно открыв глаза, он посмотрел в сторону. Рядом сидел полупрозрачный, белый, как снег, мальчик.

Вова только хотел завопить от ужаса, но мальчик произнес:

— Тише-тише, я не такой страшный. Я только хочу поиграть с тобой. Давай знакомиться. Меня зовут Марк. Я много-много лет назад жил в этом замечательном доме.

И мальчик рассказал Вова свою печальную историю.

Когда Марку было всего 6 лет, он заболел неизвестной в те времена болезнью, лекарства от которой еще не существовало. Ему нельзя было играть с другими детьми, бегать и прыгать, много гулять, а он ведь так любил солнечные дни! Как ни пытались спасти его лекари, в один из ясных летних дней он покинул родителей и свой дом, улетев на небо. Родители продали дом и уехали в другой город, так как здесь все им напоминало о любимом сыне. Последующие жильцы долго в доме не жили: все боялись маленького привидения. От этого Марку становилось очень грустно и тоскливо. Дом пустовал несколько лет, пока в город не приехали Вовины родители.

— Вот такая печальная история, — закончил свой рассказ Марк. — Но несмотря на то что я маленькое привидение, мне больше 100 лет.

Вова с интересом слушал рассказ маленького привидения. Ему было очень жаль мальчика Марка, жаль его родителей. Он представил себя на его месте...

И, позабыв о своем страхе, Вова сказал:

— А давай поиграем!

Вот так маленькое привидение и мальчик Вова подружились. Они весело проводили вместе время, играя в прятки и салки. Иногда своему другу Вова читал книжки, а иногда они просто сидели рядышком на диване и смотрели интересные телепередачи.

Вова больше не боялся оставаться дома один, а маленькое привидение теперь не скучало.

Яна Черемисина

18 лет, с. Кривая Лука, Киренский р-н

Легенда о любви двух небесных светил

Давным-давно жила белая дева по имени Луна Прекрасная. И не было на ее теле ни единого изъяна, лицом бела и чиста, словно первый снег. А глаза — такие ярко-голубые, что даже небо тускло рядом с ними. Возлюбленного же ее звали Солнце. Пылающий юноша с красными волосами, что развевались на ветру, карими глазами, словно тлеющие угольки в угасающем костре, и румяным лицом не мог наглядеться на свою Прекрасную Луну.

И шествовали они по небу вместе, держа друг друга за руки, освещая мир ярким светом любви. А уходя, оставляли за собой мрак и тьму. Все это не нравилось звездам, Ветру, Океану. Все завидовали их любви, желая разлучить.

Однажды звезды пришли к Океану, держа в руках кристальный графин.

— Приветствуем тебя, Господин всех вод. Мы просим тебя о помощи. Дай той воды, что тушит пламя любви и гасит каждую искру.

— Для чего она вам? — спросил Океан.

— Устали мы мучиться от любви светил. Помоги их разлучить, ведь ты и сам об этом мечтаешь, — усмехнулись звезды в ответ.

И действительно, Океан тайно любил Луну Прекрасную и ее свет, что играл на волнах. И он согласился — дал звездам черную воду. Тогда дождались звезды момента, когда Солнце и Луна вышли к ним на небосвод, и облили их дождем.

Вскоре Солнце слегло без сил и не поднималось на рассвете, как прежде. Юноша перестал ярко гореть и все время спал. И решила Луна попросить помощи у звезд.

— Благородные звезды, покровители ночи, помогите Солнцу! Без него природа умирает, а жизнь спит беспробудным сном.

— Хорошо, но ты должна отдать нам свою красоту. Мы хотим сиять, как ты! — молвили звезды надменно.

Прекрасная Луна отдала им свою красоту. В тот же миг покрылась дева пятнами и уродливыми шрамами. Но не помогло это Солнцу: с каждым днем юноша все больше угасал и терял свой яркий свет.

Обратилась тогда Луна к Лесу:

— Великий Лес, покровитель жизни, помоги Солнцу! Ведь и ты гибнешь без света...

— Помогу, но ты должна отдать мне свои глаза. Они видят в темноте, а мне нужно знать, кто не спит по ночам.

Отдала дева свои глаза Лесу и поспешила к возлюбленному. Но и на этот раз не встало Солнце, все слабее и слабее становился юноша.

Последняя надежда осталась у Луны — просить помощи у Океана.

— Владыка всех вод, умоляю, помоги Солнцу!

Не мог Океан видеть страданий Луны, но и отказаться от желания завоевать ее тоже не мог. И сказал Океан:

— Я помогу, но цена будет высокой: навсегда забудет он тебя!

Согласилась Луна и получила от Океана воду серебряную. Напоила дева Солнце, и вмиг ожил юноша. Очнулся ото сна и вернулся на небосклон.

С тех пор не видел он Луны, да и не помнил уж ее. А прекрасная дева, стесняясь своего уродства и слепоты, ушла в темноту, взяв на себя заботу о Ночи.

Так и по сей день не могут встретиться Солнце и Луна.

Конкурс

«Молодость.
Творчество.
Современность»

Иркутская областная конференция молодых авторов «Молодость. Творчество. Современность» — один из старейших творческих конкурсов Приангарья. В 2022 году она состоялась уже в 20-й раз и объединила 20 молодых писателей региона, которые собрались в Доме творчества «Байкал», чтобы получить оценку и разбор своего творчества от старших коллег. Конференция была организована Иркутским домом литераторов при поддержке Министерства культуры Иркутской области и Иркутской областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина. Наставниками молодых литераторов стали представители Иркутского регионального отделения Союза писателей России и Иркутского регионального представительства Союза российских писателей.

По итогам обсуждений были определены победители в трех номинациях: «Поэзия», «Проза (драматургия)» и «Критика и публицистика». Результатом этой работы стал сборник молодой литературы Приангарья «На станции Загадочность...».

Публикуем некоторые работы участников.

Антон Зоркальцев

19 лет, г. Иркутск

Всё

Всё, что мне было доверено, —
Это не путь, а напутствие,
Это не дверь, а преддверие,
Это не чувство — предчувствие.

Всё, что мне выпадет далее, —
Это уроки бездомности,
Чтоб ощущать мироздание
В вечной его невесомости.

Всё, что с меня причитается, —
Трепетный отзвук молчания,
Грусти осмысленной таинство,
Обожествленье случайного.

На станции

Бойкоты городской среде
С ее шумами поздними.
Негромкий стук колес-сердец
На станции Спокойствие.

Металл дороги закален,
Но дрогнет лихорадочно
Негромкий стук сердец-колес
На станции Загадочность.

Начистоту и в пустоту
Горящую, осеннюю
Сердец-колес негромкий стук
На станции Спасение.

Вероника Сурманова
17 лет, г. Иркутск

Лес и голос

В мрачном, холодном, безудержном пламени
И-ду, и-ду.
Тропы красивого, яркого знамени
Най-ду, най-ду.

Солнце осело, и свет опускается
В ти-ши, в ти-ши.
Голос в уме беспокойно меняется:
«И-щи, и-щи».

И голова от мыслительных точностей
Ка-мен-на-я.
И речь твоя о земных непорочностях
Пла-мен-на-я.

Произносил тихо, звонко и шепотом:
«И-ди сю-да».
И я на голос как будто бы роботом
Спо-кой-но шла.

В бездну морскую твой голос из вечности
У-пал, у-пал.
Но в голове моей до бесконечности
Он не про-пал.

Месяц кругами по лесу и по полю
Хо-жу, хо-жу.
Только твой голос под тяжестью тополя
Не на-хо-жу!

Олег Поплавский

21 год, г. Киренск

О нас Рассказ

Ветер беззаботно гуляет по опустевшим дорогам, поднимая облачка серой пыли. Его невидимые руки поглаживают шершавые стены давным-давно разгромленных магазинов, пальцы скользят по проржавевшим машинам, когда-то в спешке оставленным хозяевами.

Призрачное тело ветра появляется на растоптанных детских площадках, в вывернутых наизнанку домах, возле заброшенных школ и выцветших детских садов. Оно безвольно путешествует в гробовой тишине старого мира, у которого когда-то было имя...

Так могло продолжаться целую вечность, но очередной прохладный порыв запнулся о чье-то теплое дыхание.

— Виталик, я есть хочу.

Детские ножки устало плелись по бетонному тротуару, порой запинаясь о глубокие трещины.

— Вита-а-ал-и-ик! — жалобно протянул мальчик, пытаясь догнать старшего брата.

— Мы ели вчера днем. Еды осталось совсем немного. — Парень остановился у большой ямы, на дне которой виднелось несколько сваленных в мятую кучу автомобилей. — У отца похожая была, помнишь? — и худой палец указал на довольно хорошо сохранившуюся «Ниву» темно-малинового цвета.

— Не-а, не помню.

Мальчик шмыгнул носом, почесал грязную голову и сел на корточки недалеко от края ямы.

— А я помню... Помню, как мы с папой приехали забирать тебя и маму из роддома. Ты был таким маленьким. — Улыбка сама собой появилась на измученном, голодом лице. — Даже меньше, чем сейчас.

— Я скучаю по папе. — Резиновые сапоги поскрипывали от каждого движения мальчика. Казалось, больше не существует других звуков. — Я устал, и есть очень хочется.

— Потерпи еще чуть-чуть, хорошо? — Виталий поправил тяжелый рюкзак и осмотрелся.

— Хорошо.

Примерно в 60 метрах от них яма сужалась до вполне преодолимых размеров.

— Пошли?

— Пошли.

Скрип резиновых сапожек начал постепенно отдаляться от «Нивы», медленно гниющей глубоко внизу.

Пасмурное небо больше никогда не будет бороться с выхлопными газами. Теперь оно навсегда свободно от удушья заводов и политических распрей. Спокойствие намертво застыло над головами, возможно, двух последних людей, идущих в абсолютную неизвестность.

— Не отставай, — не оборачиваясь сказал старший.

— Ты слишком быстро ходишь.

Вытирая твердым рукавом отцовского свитера нос, младший изо всех сил старался держаться как можно ближе.

— Взрослые ходят быстро, привыкай. Ты же не маленький, так ведь?

— Нет, — уверенно ответил Даня.

— Я и не сомневался. — Не сбавляя темпа, парень опустил костлявую руку и широко раскрыл ладонь. — А знаешь, что еще делают взрослые?

— Что?

Мальчик бегом догнал старшего брата. Совсем еще детская пятерня крепко сжала тощие пальцы.

— Они никогда не забывают друг о друге.

— Как мама с папой?

— Да, как они.

...В тот день, когда мир только начал умирать, человеческие крики не утихали еще очень долго. Казалось, будто началось рождение новой эпохи. Эпохи без стран, без науки, без искусства, без войны. Столь гордые цивилизации, что строились веками, развалились на тысячи мелких кусочков, оставив лишь постепенно тлеющие воспоминания о себе. Последнее массовое самоубийство, унесшее за собой целый вид. Рекорд мирового масштаба, увековеченный в несуществующей истории.

Бледное солнце лениво закатывалось за безмолвные панельные дома, у которых теперь было больше общего с древними развалинами. Сложно представить, что на этих улицах когда-то вершились чьи-то маленькие судьбы.

— Вот дойдем, и станет легче. И еда у нас будет, и крыша над головой.

— Не обманываешь? — подтянув свободной рукой потертые штаны, Даня шмыгнул носом.

— Так сказал отец. Он никогда не врал нам.

Без всяких проблем братья перепрыгнули разлом, который тянулся так далеко, что, возможно, разбил пустынный горизонт надвое.

В воздухе витал запах тоскливой сырости, что пропитал выцветшие вывески, ободранные рекламные плакаты и серые афиши. Неважно, сколько времени придется провести в дороге. Повсюду одинаковые многоэтажные могилы, встречающие путников пустыми глазницами окон.

Две блуждающие тени нырнули в первый попавшийся подъезд, чтобы провести там ночь. Ночлегом, как всегда, станет одна из открытых или ненадежно запертых квартир, а если повезет, там найдется что-то полезное.

— Думаю, остановимся тут. — На с виду массивной металлической двери красовались две цифры. — Ну, давай-ка тебя проверим. Какой номер?

— Двадцать... Двадцать четыре, — неуверенный голосок младшего старательно выговорил цифры.

— Правильно! Квартира номер 24! — Виталий потрепал мальчика по голове. — Что идет после двадцати четырех?

— Двадцать пять! — На детском лице показалась улыбка.

— Снова верно! Сегодня расскажу тебе сказку.

Даня радостно кивнул.

— Но все же не забывай повторять счет. — Дернули за ручку — дверь не поддавалась. — Будем ломать.

С помощью лома и молотка братья пробились внутрь.

Прошлое повсюду отзывалось эхом. Сильнее всего там, где строился семейный быт. В некоторых местах, особенно в кухнях и детских комнатах, удавалось почувствовать тепло и ауру переживаний близких друг другу людей.

Так и виделась картина: чья-то мама и жена собирает разбросанные игрушки в корзину, заправляет кровати, готовит обед. Ее дети играют во дворе, а муж вернется с работы только к вечеру.

Обычная, но такая прекрасная жизнь. Увы, ее красота, объятая вечерним уютом, растворилась в беспощадном потоке времени...

Спичка чиркнула по коробку, вспыхнув ярким пламенем. Две свечи загорелись крошечными огоньками, отгоняя загребущие лапы тьмы.

Из рюкзака показались две консервные банки, следом за ними — плотный пакет с потемневшим от огня таганком и таблетками для розжига. Все необходимое всегда лежало в этой сумке: аптечка, длинная веревка, запасная одежда и другие вещи.

Аккуратно орудуя ножом, Виталья открыл тушенку и поставил на уже подготовленное братцем пламя.

— Как думаешь, кто тут жил? — спросил Даня, осматривая самую большую комнату в квартире.

— Наверное, хорошие люди, — сидя на своем спальном мешке, предположил старший.

— Почему?

— Мне хочется так думать. — Мясо понемногу разогревалось, монолитная жировая масса начала таять на глазах. — Стал бы ты жить в доме плохих людей?

— Нет, — мальчик помотал головой, подчеркнув свои слова.

— Я тоже. Значит, пусть они лучше будут хорошими и добрыми, чем плохими и злыми. Да?

Вторая банка готовилась занять место первой.

— Да. — Большие глаза ребенка посмотрели на свечу, потом на старшего брата, потом в запывшееся окно. — А мы с тобой какие — плохие или хорошие?

— Хорошие... Хочется так думать.

Тусклый свет свечей нежно разливался по узорчатому ковру, что висел на стене прямо за диваном. Мягкие блики отражались в старом хрустальном сервизе и в вазах, а выпуклый кинескоп телевизора транслировал случайных гостей, пришедших сюда из ниоткуда, и, наверное, будь у него чувства, он бы им очень обрадовался — точно так же, как бабушки радуются приезду внуков.

— Давай-ка есть.

Ложки застучали по теплой жести. Даня прожевывал каждый кусочек мяса тщательно, с большим удовольствием. Так учил есть его отец, и так же учит брат. Они всегда говорили мальчику: «Нет ничего ценнее завтрака, обеда или ужина вместе с любимыми людьми». Маленькая ручка продолжала старательно выковыривать консервированное мясо.

— «...В чужое небо из чужого окна...» — полупшепотом произнес Виталий, уставившись туда же, куда и его братишка.

— М-м?.. — рот был слишком занят едой, чтобы говорить.

— Это из одной песни. Часто играла в нашей машине. Не помнишь?

Мальчик отрицательно помотал головой.

— Красивая музыка, как и слова. Мы часто слушали ее все вместе: ты, я и папа.

— А мама?

На время лязг алюминиевой ложки прекратился.

— Мама слушала что-то про белые розы — ее любимая песня.

— И моя тоже.

— Да ну! Ты еще ходить-то не умел тогда.

— Я уверен, мне нравилось, даже если и не помню сейчас.

— Значит, пусть будет так. — Парень почесал затылок. — О розах, да?

— Да. Теперь станет моей самой любимой песней, — и ложка взмыла вверх, словно дирижерская палочка.

— Ни слова же не знаешь, — заметив, как братец воодушевился, невольно улыбнулся Виталий.

— И мотива — тоже.

— Значит, сочиню ее сам... Когда-нибудь сочиню.

— А я обязательно послушаю.

Тем временем за окном совсем стемнело. Один только крошечный огонек мерцал живым сиянием в призрачном, безымянном городе. Все мотыльки планеты готовы были пролететь сквозь мороз и зной, для того чтобы прикоснуться к последнему источнику света, но, увы, они сгнули в небытие так же, как и человечество.

...Сложно описать тот кошмар, что уничтожил почти всю жизнь на Земле. Колокола апокалипсиса зазвенели оглушительным хором совершенно внезапно. Никто не мог предугадать нечто подобное, а если находились такие, их сочли бы за безумцев, но вопреки чувству нерушимой безопасности на паутину улиц обрушилась хохочущая смерть.

Длань костлявой не щадила никого, будь то бездомный бедняк или сильный мира сего — все стали частью ее жатвы. Земля сотрясалась воплями и живых и мертвых, небеса взрывались всепоглощающим гулом, обезумевшие звери задыхались и горели в дымящихся лесах, реки крови раскинули свои берега так далеко, что даже великий Нил стал невзрачным ручейком по сравнению с ними.

Потом наступила мертвая тишина, и по сей день она стоит во главе нового порядка...

— Пора спать. Завтра предстоит долгая дорога.

Указательный и большой палец затушили одну из свечей.

— Но ты обещал рассказать сказку сегодня.

Мальчик забрался в свой спальный мешок.

— Удобно устроился?

— Да.

Большие круглые глубоко-черные глаза застыли в ожидании чего-то интересного.

— Слушай внимательно... — Виталий ненадолго задумался. — В одной маленькой деревне жила неземной красоты девушка с пышными пшеничными косами. Ее мудрый взгляд мог охватить широты золотистых полей, проникнуть в самые глубины ледяных озер, пронзить насквозь великое лесное царство. Щедрость той девушки не знала границ, ибо гости, что провожали в ее доме закаты, уже к рассвету становились для нее родными братьями или сестрами. Но, несмотря на столь великое добро, почти все забывали о ней сразу же, как ступали за порог, и не думали о возвращении. А она ждала их... Искренних и простых. Не сосчитать было искателей, что жаждали забрать девушку себе. Первые искали ее в беснующихся шумах постоянно растущих городов, вторые — в безумных речах безликих правителей, третьи — в беспросветном горе, четвертые — в опьяняющем счастье. Но никто из них так и не смог найти ее. Знаешь почему?

— Почему?

Сонный зевок.

— Потому что путь к ней лежит внутри, а не снаружи.

— Как ее зовут?

— Имя ей Родина. Так ее звали давным-давно.

— А сейчас?

— Думаю, никак. Никого, кто мог ее вновь так назвать, не осталось.

— Но есть мы... — Даня протер закрывающиеся глаза.

— И то правда. А знаешь что... — в голосе Виталика блеснула капелька жизни, — давай придумаем ей новое имя. Краше старого.

— Как маму... Хочу, чтобы ее звали, как маму.

Старший брат искренне улыбнулся:

— Значит, пусть будет так.

С этими словами он затушил вторую свечу.

Спокойная ночь обрела могучую силу, и ее острые клыки безжалостно вонзились в диск луны, оставив от нее лишь тоскующий серебряный серп.

Звезды, что обернулись верными псами поздней тьмы, мчались по мертвым улицам с раскрытой пастью, роняя на дорогу бело-голубой свет. Их шершавые языки облизывали пальцы молчаливой хозяйки, дабы ощутить вкус всепоглощающей пустоты. Пробегая мимо спящих братьев, стоя почуяла почти забытое человеческое тепло. Как же давно ими не любовались! Представ во всей красе перед Виталием, стоявшим на балконе, созвездия составили ему компанию.

«Где-то еще остались люди. Мы не можем быть одни. Отец не мог нам солгать». — На подоконнике стояла стеклянная пепельница с недокуренной сигаретой, видимо, оставленной кем-то на потом. — «Мы точно найдем людей». — Но «потом» не наступило. — «Когда-нибудь мы остановимся». — Никто так и не вернулся на захламленный балкон. — «Однажды... точно... мы будем счастливы, как раньше». — Может тем, кто оставил сигарету, был Бог? — «Я так устал...» — А может, ничем не примечательный человек? Впрочем, разницы никакой.

Наступило раннее утро. Братья, не говоря друг другу ни слова, собрали вещи и продолжили нелегкий путь.

Из густого тумана, незаметно опустившегося на останки города, выглядывали памятники неизвестным людям. Возможно, эти люди боролись за справедливость и благополучие для каждой живой души, а будущее казалось им райским, безупречным. Никто из них наверняка и подумать не мог о том, что каким бы ни оказался исход их праведной борьбы, ничего настоящего не изменится. Разве что каменный слепок поставят. Единственный вопрос: кому его посвятят и какие птицы будут на него гадить?

Среди замшелых бюстов показалась невысокая детская горка. Недалеко от нее легонько поскрипывали ржавая карусель и две качели на тонких цепях.

Когда-то тут вместо высохших скелетов росли деревья, сквозь ветви которых продирались лучи еще не ослепшего солнечного ока, а на скамьях, ныне гниющих, отдыхали влюбленные.

— Хочу прокатиться! — Даня дернул за рукав брата, потом показал пальцем на горку.

— Нет, нам нужно идти. Нельзя останавливаться.

— Ну пожалуйста, один разок.

— Нет!! — Эхо разнесло голос по самым далеким закоулкам города. — Ты же знаешь, если будем медлить, то никогда не найдем людей и дом!

— Может, их нет, — опустив голову, сказал младший, — и никого, кроме нас, не осталось. — Пальцы безнадежно отпустили рукав. — Может, на самом деле мы потерялись?

— Нет, что ты! — Виталий встал на одно колено и заключил брата в объятия. Руки прижали мальчика еще крепче к себе, слова же застряли комом в горле, так и оставшись там. — Прости. Обещаю: больше не буду кричать на тебя.

— Ты и раньше так говорил, но я все равно прощаю.

Кажущаяся бесконечной дорога вновь закрутилась в извилистых городских тропках. Через несколько сотен метров ноги ступали не по потрескавшемуся тротуару, а по обломкам ушедших под землю зданий, что заключили в себе боль тысяч душ.

В те ужасающие дни неумолимого хаоса мать братьев скончалась под кровавым дождем, желая лишь одного — спасти своих сыновей. Ее тело осталось где-то в недрах разорванной земли.

Силы отца хватило на то, чтобы оставить жену во имя блага детей, на то, чтобы пережить конец всего сущего, на то, чтобы в заново родившемся мире воспитать потомков, но перед лицом болезни ее оказалась недостаточно. Пересекая грань жизни и смерти, отец внушил Виталию веру в существование человека и дома.

Устроив привал в сгоревшем кинотеатре, Даня заметил сохранившуюся афишу. На ней был изображен молодой мужчина в свободном свитере и черном плаще, вооруженный обрезом.

— Б-Р-А-Т, — по буквам читал мальчик. — Брат, — повторил он, радуясь верно прочтенному слову.

— Правильно.

Старший подошел к плакату с надписью, гласившей о повторном прокате.

— А чей?

— Он стал братом для тех, кто в нем нуждался.

— Как?

— Легко. Всего-то нужно было поверить в его правду.

— А в чем она?

— В нас. — Виталий поправил рюкзак на плечах. — Отдохнул?

— Отдохнул.

Резиновые сапоги заскрипели в сторону выхода.

«...И тропинка, и лесок, в поле — каждый колосок...» — подумал парень и отправился вслед за Даниилом.

Вскоре кинотеатр остался позади, как и туманный день.

Очередная тихая ночь, наполненная мыслями, сомнениями, воспоминаниями и страхом. На протяжении пути менялись дома, районы, но дух людей оставался прежним: неповторимым, единым.

Сколько еще предстоит наблюдать бесконечно далекие звездные плеяды? Возможно ли однажды до них дотянуться? Стоит ли к ним стремиться? Если нет, то зачем они существуют? Если да, то что потом?

Вопросы, вопросы, вопросы...

На сей раз братья забрались в полуразрушенный дом, где и решили дожидаться утра.

— Виталик, расскажи сказку.

Даня устроился, как и всегда, в своем спальном мешке.

— Не сегодня.

Парень убрал таганок обратно в рюкзак, где осталось еды еще на пару дней, и то, если самому почти не есть. Недавно опустошенная консервная банка из-под овощей вылетела за пределы дома и приземлилась где-то снаружи.

— Я подустал что-то сегодня. — Хоть пустой желудок и сводило от голода, старший старался убедить себя в том, что он привык обходиться без пищи. — Засыпай.

— Завтра расскажешь две, — утвердительно заявил мальчишка.

— Ладно, ладно. Ты только спи крепко, понял?

— Понял.

— Вот и хорошо.

Пальцы затушили свечу, в одно мгновение погрузив пространство в почти непроглядную черноту. Как и всегда, Виталий принялся выжидать луну. В ее компании спать гораздо легче. Как вдруг где-то вдали раздался шум. Хотя нет, скорее громкий щелчок. От неожиданности парень вскочил на ноги, чем разбудил брата.

— Ты слышал? — его голос никогда еще не звучал так взбудораженно.

Тот звук был сравним с камнем, брошенным в озерную гладь. Его всплеск достиг невообразимых высот, отозвавшись в ушах желанным зовом.

— Да... — растерянно ответил Даня, озираясь по сторонам.

Спустя секунду грянул еще один точно такой же удар, а за ним вспыхнул ярко-желтый свет, исходящий из оmyаемых ветрами внутренностей деревянно-бетонной колыбели. Лепестки янтарного цветка взмывали то вверх, то вниз, словно те, кто их раскидывал, кружились в беззаботном танце. Казалось, братьям повезло узреть последнюю обитель счастья на Земле.

— Неужели? — Еще одна вспышка, отразившаяся во внезапно намокших глазах. — Не может быть. — Слезинка незаметно скатилась по впалой щеке. — «Нет, не время, не сейчас», — мысленно обратился к себе Виталий. — Надо проверить.

— Я боюсь. Может, не нужно?

Яркий пучок света ослепил старшего, как мотылька.

— Тогда побудь тут, а я проверю. Хорошо?

Юноша ринулся к ним — к ангелам.

— Хорошо...

Запинаясь об обломки и постоянно падая в кромешной тьме, Виталий не чувствовал ничего, кроме желания осуществить мечту. Перед ним открылись двери в жизнь до уничтожения мира, до потери матери и гибели отца. Сияющие ворота в давно утерянный рай звали его.

«Еще чуть-чуть, и мы будем вместе. Пожалуйста, дождитесь меня».

Уставший, измученный, голодный, но счастливый, он примчался к гниющим развалинам небольшого дома, откуда пробивались желтые линии.

— Эй! — крикнул он как можно громче. — Есть кто?! — Ладонь легла на дверную ручку и со скрипом повернула ее. — Люди!! — От первого шага прогнулся пол. — Я тут!! — От второго шага треснула доска. — Прошу, ответьте! — С третьим шагом гнилое дерево не выдержало веса старшего брата.

Как оказалось, свет шел от налобного фонаря, на который упала достаточно увесистая дверца комода.

Лежа на самом дне только что образовавшейся ямы, парень плакал так, как никогда в жизни, но не от боли.

— Он врал мне! Он врал мне! Он врал мне! — лежа с окровавленными руками и лицом в грязи, Виталий повторял эти три слова, надрывая голос. — Как он мог?! За что?! Почему?!

Тишина давила на парня всем весом, буквально впиваясь в тело. Она беспощадно рвала плоть, ломала кости, а ее пустые глазницы вытягивали последние остатки надежды.

Будь у одиночества обличье, оно было бы гиеной, съедающей тебя заживо.

— Виталик! — голосок Даниила стремительно приближался. — Ты где?! — Через несколько минут Даня увидел брата внизу, среди досок. — Я принес рюкзак!

Маленькие ручки достали веревку и неуклюже привязали один конец к дверному проему, еще сохранившему прочность.

— Уходи!! — в приступе отчаянного ужаса рявкнул Виталий.

— Хватайся! Я тебя вытащу! — Даня вытирал щеки рукавом, чтобы не расплакаться.

— Какой смысл?! Лучше умереть! Сдохнуть на дне ямы в луже из грязи и крови!

Слабый узел то и дело развязывался, но детские пальцы каждый раз заново делали новый.

— Я не уйду... Ни за что и никогда!

Из последних сил старший все же выбрался наверх. Упал на разодранные колени перед последним родным человеком, из опухших глаз продолжали капать слезы.

— Мы одни, Даня. Отец лгал нам...

Но не успел парень договорить, как почувствовал, что его шею обхватили теплые руки.

— Ты говорил, что взрослые никогда не забывают друг о друге.

— Правда... говорил... — Пальцы, еще способные шевелиться, коснулись волос младшего. — Прости, больше никогда не забуду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Верю.

Вернувшись обратно к своему лагерю, братья мирно встретили сон...

— Прощай, сынок. Я вас люблю.

Виталий проснулся от первых утренних лучей.

— И я люблю тебя, папа... — встречая рассвет, прошептал Виталий. — Прощай.

С восходом солнца люди покинули тот дом, оставив прошлое позади, как и полагается. Найдут ли они будущее, неизвестно. Главное, что настоящее наконец наступило.

Покинут

Конкурс

«А судьи кто?»

Конкурс критики «А судьи кто?» был проведен межрегиональным творческим объединением «Неоклассический синдром» при поддержке администрации г. Иркутска и Иркутской областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина в 2022 году.

Проект ставил перед собой цель решить давно назревшую проблему Иркутска — отсутствие критики как полноценного института литературной и театральной среды. В городе и регионе практически нет профессионалов, которые могут обратить внимание на стоящие произведения, и даровитых мастеров, способных высказать взвешенное и соответствующее современным реалиям мнение. Разумно, что таким профессионалам надо помочь появиться. Проще всего взрастить кадры из молодежной среды.

Конкурс проводился в трех номинациях: «Проза», «Поэзия» и «Театр». Также в рамках конкурса состоялись мастер-классы от литературного критика Ивана Родионова и руководителя литературно-драматургической части Иркутского драматического театра Татьяны Довгополой.

Предлагаем прочесть некоторые произведения победителей.

Милена Кяро
23 года, г. Иркутск

О романе Юрия Харлашкина «Кирилл и Мефодий»

Материалом для написания данной статьи послужил роман молодого иркутского писателя Юрия Харлашкина «Кирилл и Мефодий». Произведение еще не закончено (выпущено всего четыре главы), но все же поговорим о нем подробнее.

За основу романа взята история возникновения славянской письменности. На мой взгляд, основное его достоинство — новизна темы (создание кириллицы), которую до этого в художественных произведениях никто не поднимал, поэтому автора можно назвать своеобразным новатором в данной сфере. В произведении описаны реальные факты: и славянское происхождение матери Кирилла и Мефодия, и их билингвизм (их отец был греком), и место действия — Салоники. В данном случае прослеживается сходство с романом «Айвенго» Вальтера Скотта: как и английский классик, Юрий Харлашкин, чтобы описать историю создания кириллицы, ввел в произведение художественную линию — определенный сюжет, чтобы текст не был похож на нудный учебник истории, сухую хронологию. Это было сделано очень удачно, что можно расценивать как большой плюс книги, но, на мой взгляд, на авторе в данном случае лежит большая ответственность: нужно максимально глубоко и досконально изучить тему с целью не допустить фактических ошибок при описании реальных исторических событий в романе и при этом не переборщить с художественным вымыслом, чтобы, например, огранка основной темы не слилась с реальными историческими событиями и не произошло наложения и смешения. К счастью, в романе фактических ошибок не было обнаружено. При этом происходит погружение в атмосферу древности, в прошлое, в историю, как будто ты и сам оказываешься в IX веке и наблюдаешь за всем со стороны. Частые описания быта и жизни того времени, пейзажные и портретные зарисовки помогают погрузиться в описываемую эпоху.

На мой взгляд, автору удалось создать достаточно интересный образ Константина (впоследствии Кирилла). В романе прослеживается его жизнь от самого детства и, видимо, дождет до совершения им великого дела. Читателю показан образ человека, страстно влюбленного в язык, книги; образ исключительного человека. Только такой человек — влюбленный в, так скажем, филологию — мог создать письменность для славянского народа:

«Ему показывали образчики письма. Он их разглядывал, заучивая облик, влюблялся в них до сердцебиения, бредил ночами, а потом... и только потом Философ пристрастился к чтению».

«Философ просиживал в библиотеке долгие часы, удивляя родных и близких».

«...он обрел одухотворенность и возвышенность — свойства редкие для людей, но тем не менее иногда встречающиеся».

Несмотря на всю исключительность Константина, его одаренность и страсть к науке, автор показал его и как простого человека: повествование в романе начинается с его детства — соответственно, он описан и как обычный ребенок, пусть и очень умный и мудрый, жаждущий учиться по-взрослому, но все-таки ребенок, который, сам того не осознавая, взрослеет:

«Константин так же проказничал, бегал и смеялся, предавшись детским забавам и позабыв об учености. Его уже не волновали латынь и хитросплетения богословских премудростей, мысли о божественном храме и его красоте. Он окунулся в эту самую красоту с головой, ни о чем не задумываясь».

«Он знал многое, но не понимал, что превращается в юношу, и не представлял, какие бури приносит сей возраст».

На мой взгляд, это очень удачная идея, потому что не нужно забывать: все великие люди — тоже люди, и автор ненавязчиво и тонко напоминает читателю об этом.

Мне показалось, что мало уделено внимания брату Константина — Михаилу (впоследствии Мефодию), а ведь он тоже стал значимой фигурой в данной истории и сыграл немалую роль в создании и развитии славянской письменности (например, он перевел книги с греческого языка на старославянский после создания кириллицы). Возможно, в дальнейшем его образ автор раскроет больше, и это будет очень хорошо.

О сюжете в глобальном смысле сейчас говорить сложно, ввиду того что роман еще не закончен, но и о нем уже можно сказать несколько вещей: он не перегружен лишними деталями и повествовательными линиями, написан простым языком, поэтому читается легко. Развитие событий и не сильно затянато, и не происходит слишком быстро; оно гармонично переплетено с описаниями в тексте, которые не занимают много места и не утомляют читателя, но при этом детально передают образ какого-то человека, предмета или местности. При этом автору удалось довольно удачно и грамотно включить даже небольшие интриги, что удерживает внимание и неподдельный интерес читателя к развитию событий. В тексте очень хорошая стилизация праславянской речи, но она достаточно упрощена и близка к современному русскому языку, чтобы читатель мог понять смысл высказываний и при этом получил представление, как примерно выглядела древняя славянская речь в IX веке:

«— Мати Мокоши, помози в трудах моих домовиты!»

«— Вы есте родомь из коих земель? <...>

— Мы из северных земель есм, — сказал старший. — Зовем ся русь. Зело далече отсюда мы живем. У студеного моря в дрягве и в лесах. Играем гусли до поем. Велес в помочь».

В романе использованы очень хорошие средства выразительности: новые, нешаблонные, оригинальные (хотя, как мне показалось, несколько штампов там все-таки встречается. От них лучше избавиться совсем, тогда текст станет еще качественнее), что можно считать большим плюсом этого произведения:

«Они собрались ручьями по дворикам, лились подобно рекам, затопляя узкие переулочки и выплескиваясь на соборную площадь, создавая иллюзию океана, где волны людей накатывали одна на другую...»

Мне абсолютно не понравились вкрапления славянизмов и современной грубой лексики в авторской речи романа (не в речи героев — это примечательно). Мне кажется, что нужно либо абсолютно весь текст стилизовать под праславянский язык, либо все писать исключительно современным языком, либо занимать нейтральную позицию, но только не смешивать все в одну кучу, потому что это является грубейшей ошибкой, нарушением уместности речи и, соответственно, портит впечатление о языке романа. Учитывая то, что Харлашкин пишет про историю возникновения славянской письменности,

можно было бы авторскую речь стилизовать, например, под старославянский язык, но он сложен для восприятия современного русскоговорящего человека, поэтому автор придерживается нейтральной позиции и стилизует речь под старославянскую только в репликах героев (основная цель этого романа — показать историю возникновения кириллицы, а не продемонстрировать, как раньше выглядел наш язык). В конце концов, можно найти в открытом доступе и посмотреть летописи и берестяные грамоты, если хочется узнать, как раньше писали на древнерусском, старославянском и церковнославянском языках. Выбор правильный, но от использования славянизмов, пусть и редкого, типа «Льва выпороли аки молокосо́са», «Сия должность не была смешна» и неожиданных, неуместных и экспрессивных слов и выражений, таких, например, как «требовали только тупой зубрежки», точно стоит отказаться и убрать их из текста, тогда он станет лучше.

Роман выходит очень хорошим, несмотря на незначительные недостатки, которые легко устранить, чтобы произведение стало более качественным, поэтому он точно заслуживает всеобщего внимания и похвалы. Хочется пожелать автору успехов и завершения этой работы.

Юрий Литвяк
29 лет, г. Иркутск

Цлья Махов: Живописать или Живописать

В уже далеком 2014 году на конкурсе «Сибирская лира» одна из участниц прочла «Раскраску» — стихотворение иркутского поэта Ильи Махова. Зрителей впечатлили и исполнение, и сам текст. В дальнейшем это произведение неоднократно звучало на различных конкурсах и концертах в исполнении самых разных чтецов.

Для меня «Раскраска» — своеобразный обобщенный образ творчества Махова. Считаю это произведение одним из лучших его творений. Оно демонстрирует и богатство литературного языка любителя русской словесности, и тонкую стилистическую игру многоопытного пиита, и мучительные рассуждения погруженного в созерцание автора. Мне посчастливилось быть знакомым и с другими произведениями Махова. В них, даже в самых ранних, чувствуется то, что многие отыскивают годами и десятилетиями, — самобытность. Его первые стихи не лишены некоторых огрехов: местами мысли выражены слишком прямолинейно, рифмы неточны, строка лишена непринужденного изящества, присущего литературно взрослому Махову. Но этот особый маховский язык есть уже там. Автор смотрит на мир не так, как обычные люди. В самых повседневных вещах он видит нечто удивительное. И с каждым новым произведением это ощущается все явственнее. Сравните «Маски снимают вечером» — интересное стихотворение, ставшее заглавием первого сборника поэта, и «Я иду по дороге в май» — визитную карточку зрелого Махова. Первое из них яркое, необычное, но небезгрешное с точки зрения стихотворной техники. Второе гораздо богаче в отношении использования литературных приемов: автор использует эпифору, на каждом шагу одаривает читателя букетом метафор, ювелирно шлифует рифмы. А ведь эти два произведения хронологически разделяет всего год. Но сколько всего интересного написал Махов за это время!

Однако вернемся к «Раскраске». Все произведение — это одна громадная аллегория, которую автор обозначает уже в первых строках:

*Переступая за параллели
И представляясь себе взрослое,
Кто скомкан горем, кто сном обласкан,
Но все мы дети, а мир — раскраска.*

Поэт рассуждает о процессе взросления личности. Он уподобляет его постижению навыков рисования — начиная с малого:

*Мы начинаем. Сначала — мелом,
Неаккуратно и неумело.*

Образ живописца не нов в литературе, да и поэтов часто называют художниками. Стихи про кудесников пера имеются среди творений Пушкина, Фета, Бунина, Ахматовой, Мандельштама... Список можно продолжать. Известный советский поэт Валентин Берестов — автор стихотворения «Был и я художником когда-то», в котором тоже проводится параллель между работой творца и жизнью в целом.

Однако в «Раскраске» Махова тема подается с неожиданной стороны: каждый этап жизни — это освоение тех или иных навыков живописи.

Лирический герой Махова постигает самые разные техники рисования. Зачастую, как и в реальности, он терпит неудачи:

*Кто пишет сказки, кто верит в мифы,
Кто сильно давит — ломает грифель.*

Особым достоинством произведения хочется назвать его лаконичность: автор взвешивает каждое слово и не позволяет себе лишних разглагольствований. Лапидарность — качество редкое в современной поэзии. Очень часто стихотворцы растекаются мыслью по древу именно из-за неумения излагать свои мысли сжато. Просто и сжато. В этом произведении мы видим противоположную ситуацию. Каждому образу, каждому этапу жизни поэт отводит лишь несколько строчек. Он создает яркую картинку и оставляет читателя с ней наедине: пусть сам додумывает, что лично для него служит мелом, что — карандашами и перешел ли он на кисти. А Махов уже спешит на следующий уровень судьбы своего лирического героя, ненавязчиво, но уверенно ведя нас за собой.

Освоив множество техник живописи, герой сталкивается с тем, что знакомо каждому из нас, — с разочарованием, вызванным собственным несовершенством:

*...Осознавая, что все напрасно:
Шедевры пишут, известно, маслом.*

Но он идет дальше: анализирует собственный опыт, занимается самокопанием или, как сейчас модно говорить, рефлексировать:

*И оглянувшись на отголоски,
Увидит кто-то одни наброски,
Другие — стоя и не робея,
Назад посмотрят, как в галерею.*

В финальных строчках поэт возвращается к тому, с чего начал. Его герой убеждается:

*Нам станет ясно в цветастых плясках,
Что все мы дети, а мир — раскраска.*

Какой же вывод читатель должен сделать из этого, кроме того что автор блестяще владеет навыками создания кольцевой композиции? На мой взгляд, поэт приходит к вечной истине — о том, что в жизни важен не результат, а сам процесс, а человек — это дитя и не стоит ожидать шедевров от каждого из нас. Это прописная истина, и строгие критики могут обвинить автора в банальности и недостаточной глубине философских мыслей. Однако разве можем мы поспорить, что мысль эта подана под таким оригинальным соусом, что читается произведение очень вкусно и нам так и хочется попросить литературной добавки? Увы, поэтическая кухня Махова уже давно не балует гурманов новыми блюдами. Поэт не занимается сочинительством примерно с 2016 года. Фартук снят, перо отложено...

Обратимся к технической стороне произведения. Автор использует параллельные рифмы, которые придают строкам гармонию и напевность. «Раскраска» читается как сказка в стихах или как колыбельная. Махов — известный мастер редких, оригинальных, но технически очень точных и благозвучных рифм. Поэт не изменяет себе и в этот раз: «параллели — взрослое», «мелом — неумело», «мифы — грифель», «дышали — карандашами».

Автор не боится экспериментировать, и его риск оправдан. Стихи Махова обладают удивительным свойством: к ним хочется возвращаться; перечитывая их спустя годы, неизменно находишь какие-то новые чувства, идеи, настроения. Его стихи часто рождают печальные мысли, но эта грусть заставляет задуматься. Убежден, что поэзия делает человека лучше, и «Раскраска» Ильи Махова — яркий тому пример. Она позволяет заглянуть в себя и обнаружить там ребенка, который учится жить и рисовать. Даже если ваше хронологическое детство давно осталось позади.

Ведь, как говорил другой выдающийся автор: «Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит».

Гость номера

Наталья Добаркина

ПОЭТ

Анкета «Первоцвета»

С чего начался ваш творческий путь?

— С любви к чтению.

Кто ваши любимые авторы?

— Клайв Льюис, Харпер Ли, Антон Чехов, Елена Лапшина.

Ваше творческое кредо или любимая цитата.

— «Платон мне друг, но истина дороже».

Ваши увлечения помимо литературы.

— Медицина.

ДОСЬЕ

ВОЗРАСТ: 34 ГОДА

ЗНАК ЗОДИАКА: СКОРПИОН

РОДНОЙ ГОРОД: ИРКУТСК

ПРОФЕССИЯ: ФАРМАЦЕВТ

ПРИЗВАНИЕ: ПОМОГАТЬ ЛЮДЯМ.

О какой теме вы можете говорить бесконечно?

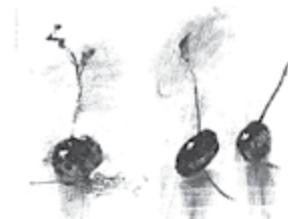
— Всегда рада поговорить на медицинские темы, но бесконечно, пожалуй, нет.

Где мечтаете побывать?

— В Грузии.

Литературное творчество для вас — это...

— ...возможность говорить с миром на своем языке.

Наталья Добаркина родилась в Якутии в 1988 году. Окончила Нижнеудинское медицинское училище (лечебное дело) и Иркутский медицинский колледж (фармация). Участница III Всероссийского совещания молодых писателей в Химках, совещания авторов Сибири и Дальнего Востока, XX и XXI международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Лауреат фестиваля «Тарская крепость», лауреат и дипломант фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», стипендиат Министерства культуры РФ в области литературы, лауреат редакционно-издательского дома «Российский писатель» за 2022 год в номинации «Новое имя «РП». Победитель областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (в номинации «Поэзия»). Публиковалась в журналах, альманахах и сборниках: «Азь-Арт», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Кольчугинская осень», «Веретено», «Сибирь молодая» и др., а также в антологии современного иркутского верлибра «Свободные стихи». Живет в Иркутске.

* * *

Запомню этот день таким:
Жара и дым, жара и дым
И птичья переключка.
Июлем — мальчиком босым,
Блестящим, мокрым от росы,
Смеющееся личико.

* * *

Тягучий сладкий аромат —
Чадит черемуховый сад,
Питая насекомых.
Иду куда-то наугад,
Скользит по разнотравью взгляд.
И надо всем — истома.

Гнутя деревья под тяжестью тишины,
Вечер все подливает кофейной гущи.
Где, дорогой, та сторона луны,
В свете которой станет немного лучше?

Цветет, кустится бузина,
А я легка и влюблена.
В любви своей, как в лодке.
Душа — звенящая струна,
Вытягивает звук она.
Весь мир из звука соткан.

Станет немного легче, немного злей.
Сердцу не вечно рваться на части.
Где, дорогой, прячется страшный зверь,
Наше с тобой своровавший счастье?

* * *

Смешно курить в открытое окно,
Вдыхая с дымом яблоневый запах.
Весны моей любовное зерно
В надежных лапах.

Взойдет ли — неизвестно до поры,
Но лапы мягкие у чернозема.
Принять любые вести как дары.
Без юношеского надлома.

* * *

Что принесешь ты для меня в подоле —
Бессонницу и оголенный март?
И чувство обреченное — оно ли
Низводит праведника в ад?

Медовый свет и олово ночное,
Дыхание распаханной земли,
Что принесешь ты на корабль Ноя,
Когда безумья воды всё смели?

Молчание — гадание на гуще
И против воли вырвавшийся смех,
Когда прощен и, кажется, отпущен,
Но лучше всех.

* * *

Вода не попадает в ноты,
Когда стучит по козырьку.
День замерзает до икоты.
А на соседнем берегу
Подожжены макушки кленов —
Контраст с синеющей волной.
Убранство праздничной иконы
Напоминает город мой.
И колокольное звучание
Вот-вот сорвется, полетит.
И хоровое величание
Преобразит нехитрый быт.

* * *

Сентябрь, привет! Не первый, не второй,
Мой тридцать третий раз на этом свете.
Протягиваешь перстень голубой
И время пожелтевшее в конверте.

Откатит суета свою волну,
И жар спадет до ровного свечения.
И я как избавление приму
Прохладу утра и твое прощение.

* * *

Неба квадрат усеян антеннами,
Перечеркнут жилами проводов.
Решаю уравнение с переменными
С перерывом на поиск слов.

Рисую правильную конструкцию
В уме. В своем ли еще уме?
Нахожу аргумент и функцию,
Доказывая себе:

Между двумя равными величинами
Стоит соответствующий знак.
Но между женщиной и мужчиной
Не так.

* * *

Дни за окном меняются,
Рвутся календари.
Только не возвращаются
Люди, как снегири.

В ветках пустуют домики,
Полные зимних яств.
Только сугробы-холмики
Да ненадежный наст.

Стала как будто полая,
Выгорев изнутри.
И тишина свинцовая.
Слушай ее, смотри...

* * *

вот она — моя сторона
мощи ее и немощи
режущая пальцы струна
пение всенощной
долгие провода провода
вдоль магистрали жилами
мертвая в колодцах вода
сделает враз живыми
станций плывущие острова
рек междометия
густо разросшаяся трава
и — лихолетие*

* * *

Оставайся на дымном ветру.
Докричись до глухого колодца.
Опаленные ветки в саду
Шелестят: «Никогда не вернется».

Оставайся в развалинах дней,
Где печная труба покосилась,
Где ползет по стене муравей,
А подсолнечник так и не вырос.

* * *

Чувствую, становлюсь большая.
Ноги тяжелеют, живот наливается,
следы от колец на пальцах.
Чувствую, из себя вырастаю,
из туфель и платьев.
И сумочка теперь не по размеру,
дамская.

*Пунктуация авторская.

АФРИКА

— Не ходи, — говорит, — в Африку погулять.
Там за пазухой нужен не камень, а автомат,
Там слова твои поглотит большой песок.
Не ходи, — говорит. — Наполнишь свой туесок
Чужеземным наречием, крокодиловой злой слезой.
Утро пленкой засвеченной, вычурной бирюзой
Ослепит, заслонив обратный знакомый путь.
Под алжирскими звездами проще всего тонуть,
Вняв гортанному древнему сочному языку.
Не ходи, — говорит, — иначе не сберегу.

Оборвется последний сломанный телефон,
В шоколадных калошах сандаловый старый слон
В пыль затопчет куцую трын-траву.
Не ходи туда, откуда не позову.
Где Шелиффа воды, белые от жары,
Примут с радостью северные дары,
Обласкают руки и щиколотки твои.
Замолчишь, покуда сердце не закровит,
Не забьется нельмой о килиманджарский лед.
Не влезай, — Господь говорит, — убьет.

* * *

Суета, суета, суета
с понедельника по субботу.
А после — заберешься на свой десятый,
расколдуешь балконную дверь.
С высоты видно, как деревья
подставляют макушки солнцу.
И ты ладони протягиваешь
для поцелуя.

Литературная мастерская

Анна Трушкина

критик, поэт, литературовед, кандидат филологических наук

Индивидуальная нота

Несколько советов начинающим

Эта статья — попытка написать своеобразный инструктаж для начинающего стихотворца, проговорить вещи, лежащие на поверхности и ясные поэтам опытным, но представляющиеся неочевидными молодым людям, создающим свои первые стихи. Прежде всего хочется сказать вещь очень простую и важную: научить писать стихи невозможно. Можно только дать общие рекомендации, познакомить с правилами (которые автор, конечно, волен и нарушать), предостеречь от популярных ошибок. Это и будет целью статьи. А учится писать стихи каждый поэт всю свою творческую жизнь — с первой и до последней строчки, не прерываясь, исправляя, дополняя, опровергая или подтверждая написанное им и его предшественниками.

Условие, о котором хочется упомянуть в первую очередь: человек, сочиняющий сам, должен читать много, очень много хороших стихов. Биологический закон, гласящий, что онтогенез (индивидуальное развитие живого существа) повторяет филогенез (формы, пройденные его предками), работает и в отношении литературы. Начинающий поэт проходит те же стадии развития лирики, которые когда-то прошла европейская поэзия. Берущийся слагать стихи автор, как правило, отдает дань и сентиментализму с его воспоминаниями о нежной юности и потерянной любви, и романтизму с его гордым и одиноким страдающим героем. Чаще всего на этом многие и останавливаются, увы. То есть, по меркам истории, приблизительно в середине XIX века. Пример — тонны продукции на сайте «Стихи.ру». Круг чтения таких сочинителей ограничен школьной программой: Лермонтовым и максимум Есениным. Да, рассуждая о поэзии, нельзя говорить об эволюции, но человек, незнакомый с огромным пластом поэзии XX (и еще двадцати лет XXI) века и желающий написать что-то значительное и интересное, вынужден сам, в одиночку проходить все то, что до него уже открыли и привнесли в литературу предшественники. Задача невыполнимая и бессмысленная. Поэтому чтение современной поэзии, которая не заканчивается Бродским, — занятие для пишущего человека необходимое и важное. Блок, Пастернак, Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Заболоцкий, Георгий Иванов, Бродский, Рейн, Кушнер, Гандлевский, Кенжеев, Алексей Цветков, Борис Рыжий... Это лишь некоторые ключевые имена, на самом деле их гораздо больше. Кроме того, я называю

авторов, эстетически близких лично мне, а есть еще Елена Шварц, Геннадий Айги, Виктор Соснора, Григорий Дашевский... Современная поэзия очень многообразна. Здесь цветут все цветы, выбирай на вкус. Только не надо бояться подражаний — их все равно не избежать. Все через это проходят. Однако лучше переболеть, допустим, Бродским в ранней юности, а потом уже, отдавая себе в этом отчет, пойти своим, оригинальным путем.

Начитанность — очень ценное качество еще и потому, что оно исподволь формирует вкус. Нет четких критериев и жестких правил, позволяющих отличить хорошее стихотворение от посредственного. Но если автор много читает, то скоро сможет это сделать — и по отношению к другим, и к себе самому. Важно научиться слышать поэзию. Ведь слух для лирики, где часто музыка важнее всего, ценен необычайно.

Хорошо, если кругозор простирается дальше поэзии и захватывает прозу, современную музыку, актуальное искусство. Чем богаче культурный багаж, тем фактурнее, ярче станут стихи.

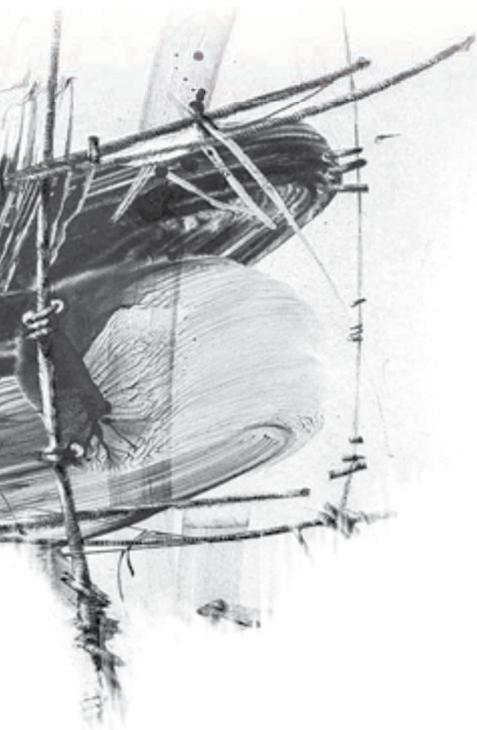
Теперь о том, что касается содержания произведения. Тут трудно придумать что-то новое. Потому что вечных тем всего несколько, и все они давно известны: любовь, смерть, смысл жизни, Бог, красота, творчество... Многообразие мировой поэзии — всего лишь вариации этих сверхтем. Можно и вообще все свести к одной. Анатолий Иванович Кобенков, сам большой поэт, говорил, например, что все стихи в мире пишутся из-за любви (не *про* любовь, а *из-за* — это тоже очень важно). Просто она бывает разной: к девушке, к городу, к природе, к самим стихам.

Тем немного, однако они неисчерпаемы. Почему? Потому что каждый человек пишет прежде всего о себе, и каждый — неповторим. Этот личный голос, индивидуальная нота — самое ценное, что есть у настоящего поэта. Найти ее и суметь сыграть так, чтобы ее узнавали, — великая удача и счастье. Не стоит бояться своих эмоций. Наоборот, надо быть смелым, даже отчаянным; раскрываться в стихах, слушать себя и свои чувства; писать о том, что действительно будоражит. Это наиболее интересно — и самому автору, и его читателям.

Распространенная ошибка начинающих поэтов — иллюзия о существовании особых «поэтических» слов, возвышенных и вдохновенных. Да, такие были, но остались во времена классицизма с его разделением на высокий (ода) и низкий (сатира, басня) стили. При чтении современной поэзии легко убедиться, что она пишется и языком современным, смешивающим в себе любые понятия, любые образы. Такая эклектика может стать даже манерой, фирменным стилем, как, например, у Александра Кабанова. Так что если поэт пишет стихи тем языком, который ему привычен, на котором он разговаривает, это всегда будет ставиться ему в заслугу. Чтобы сочинить «стишок», не надо становиться «на котурны». Да, тут есть тонкости. Иногда сочетание несочетаемого режет слух. Не нужно делать этого нарочито, если это не осознанный прием. Но в целом стоит помнить, что времена Ломоносова прошли, и писать проще и понятнее для современников. Лучше избегать слов, оканчивающихся на -ость, -ение, старославянизмов, очей с ланитами и прочих примет высокого стиля. Мата и языковых грубостей, кстати, тоже стоит избегать. Это другая крайность. Подобное чаще всего говорит о поэтической беспомощности и неспособности найти другие, более подходящие слова.

Еще одна немаловажная составляющая стиха — его форма, например рифма. К счастью, русский язык предоставляет массу возможностей для ее использования, и они далеко не исчерпаны. С этим можно разобраться по мере поэтического взросления. Поэтому тут основной совет — стараться избегать штампов. Все помнят, что «розы — морозы» — избитая рифма еще со времен Александра Сергеевича. В ту же заброшенную копилку лучше отправить и «любовь — кровь», «туман — обман», «встречи — свечи» и так далее. Вообще, любая слишком предсказуемая рифма (когда читатель может угадать, каким словом закончится строка) — неудачная рифма, и лучше поискать другую, менее очевидную. Не приветствуются также рифмы глагольные (когда рифмуются глаголы в одинаковой форме), рифмовка прилагательных (типа «снежный — нежный»), суффиксальная рифма («ноготок — локоток»). Хорошо, если рифмующиеся слова являются разными частями речи.

Но есть важный секрет (для продвинутых авторов): бывают стихи такого высокого накала, что используемая в них банальная рифма не замечается. Например, Александр Блок:

*Превратила все в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.*

*И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв.
Вдруг припомнила все — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.*

*Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...*

*Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое.
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?*

Блок не стесняется рифмовать «укорять — вытирать», «позабыв — уронив», «обернулась — повернулась». И даже «свое — твое»! Но это Блок, он — гений. Мы не вычленим его рифмы, мы слушаем музыку. Это высший пилотаж. Можно еще привести в пример Юрия Левитанского, у которого много глагольных рифм, употреблять которые вроде бы было дурным тоном, однако они стали важной составляющей его поэтической системы.

Кстати говоря, это же можно сказать и о банальных образах. Поэт Георгий Иванов в 1931 году выпустил сборник под названием «Розы», хотя розы в стихах в то время уже давно были поэтическим штампом, недопустимым для мастера. Однако эта книга стала вершиной творчества Иванова, и затертые от частого поэтического употребления слова в ней опять свежи и живы. Так что, бывает, правила можно и нарушать.

Следующий пункт — стихотворный размер. Конечно, берясь за стихи, надо знать, что такое хорей, ямб и амфибрахий и как их отличить друг от друга. Полезно иногда посчитать слоги в своем стихотворении, проставить ударения и устранить сбой ритма. Прежде чем экспериментировать с авангардными формами, можно и даже нужно научиться складывать стихи строгого размера (тут напрашивается аналогия с Пикассо, который, прежде чем стать художником-модернистом, прошел классическую школу живописи). Однако есть хорошая новость: современная поэзия не требует неукоснительного соблюдения размера, скорее наоборот. Дольник и другие формы свободного стиха сейчас очень распространены.

С этим ритмическим многообразием можно разобраться позднее, а на первых порах нужно просто понимать, что у каждого автора есть выбор — писать в столбик и рифму или использовать верлибр (стих без четкого ритма и рифмы). В школьной программе последнему не уделяется должного внимания, однако это тоже поэзия, пусть и без ее формальных признаков. Более того, верлибр сейчас очень популярен и актуален (авторов масса: можно почитать, например, Алексея Алёхина и Лилию Газизову).

А классический пример — Марина Цветаева:

*Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице —
Тонкий звон
Старинных часов — как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И может быть, Вы бы даже меня не любили...*

*Посреди комнаты — огромная изразцовая печка.
На каждом изразце — картинка:
Роза — сердце — корабль.
А в единственном окне —
Снег, снег, снег.
Вы бы лежали — каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.
Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком — пепел.
Вам даже лень его стряхивать —
И вся папироса летит в огонь.*

Стоит выбирать верлибр, если кажется, что тема стихотворения к этому тяготеет. Однако это лишь с виду писать без рифмы проще. Наоборот, здесь трудно спрятаться за ритмом. Это оголенная поэзия, и к ней требования будут выше. Нужно четко понимать, что именно хочется сказать и зачем. Потому что, конечно, не каждый текст, написанный в столбик, верлибр. Без внутренней логики, музыкальности, метафоризма и других поэтических составляющих тут не обойтись.

И последний совет: не надо торопиться и выкладывать «горячее», только что написанное стихотворение в Сеть, делиться с друзьями, посылать на публикацию. Лучше попытаться отстраниться, отложить стишок на пару дней, а потом прочитать вслух как чужое произведение. Не нужно оставлять «торчащие швы». Читатель не должен видеть труда, который сюда вложен. Лишними будут бессмысленные слова-затычки, вставленные лишь для сохранения ритма и рифмы. Стоит устранить повторы, которые в пылу вдохновения не были замечены, обратить внимание на стыки слов — там часто возникают неблагозвучные сочетания букв и слогов, поменять шаблонные эпитеты на более неожиданные. Первая и последняя строки — самые сильные и запоминающиеся, и при этом стихотворение должно звучать как нечто цельное и законченное.

Удачи в творчестве!

Рецензия

Максим Булдаков

29 лет, г. Иркутск

Молитва для атеиста

О стихах Надежды Ярыгиной

Надежда Кирилловна Ярыгина — имя, которое известно многим из тех, кто следит за современным литературным процессом. Ее самобытные стихотворения читают и любят как ценители поэзии, так и представители профессионального литературного сообщества. Признания поэтесса добилась именно благодаря уникальности своей поэтики, наличие которой — признак настоящего мастера, так как найти и услышать свой собственный голос в оглушающем хоре современного литературного процесса — нелегкая задача.

Алексей Алёхин, главный редактор «Ариона», одного из самых авторитетных поэтических журналов, в котором Надежда Ярыгина регулярно публиковалась, так охарактеризовал ее поэтику: «Это самоироничные, невероятно жизнелюбивые и не просто свободные, а совершенно раскрепощенные стихи. Так и об этом — об этих смешных и трогательных предметах бытия, из которых и слеплено бытие, — в русской поэзии, пожалуй, никто не пишет... и, увы, не писал. Линия, которую добавила ей Надежда Ярыгина, — это линия воплощенного женского, радостного, простодушно-мудрого принятия мира. Над которым не грех и усмехнуться, раз его любишь».

Литературная форма, выбранная Надеждой Ярыгиной и позволившая ей сказать свое поэтическое слово, суть которого так емко и точно сформулировал Алёхин, — небольшие по объему верлибры. Редко ее стихотворение занимает больше половины страницы. В связи с этим одним из предшественников Ярыгиной можно назвать представителя школы минимализма Ивана Ахметьева.

Сравним:

* * *

упала перчатка
пальцем грозит

* * *

приятно
руку
положить на стол

* * *

написались стихи
но в редакцию их не отправлю
пусть полежат подумают

* * *

выкручиванье рук
переплетенье тел
скрещенье щек
слиянье лиц
перемноженье ног
согласованье глаз

Думается, что человеку, ранее не читавшему эти стихи, будет достаточно сложно установить, какие из них написала Ярыгина, а какие Ахметьев — настолько они похожи. Надо, однако, отметить разницу их поэтик. Если Ахметьев скорее выражает в стихах случайные мысли, которые роятся в голове каждого из нас, то Ярыгина использует стихотворную форму для описания окружающей ее действительности под неожиданным углом.

Если продолжать говорить о предшественниках Ярыгиной, то невозможно не отметить Александра Кушнера. Он тоже любит присматриваться к самым незаметным вещам, которые нас окружают: зонтик, галстук, маленький жучок... Кроме того, оба поэта часто обращаются к теме античности, включают ее в современную культуру и жизнь.

Выбор Ярыгиной короткого верлибра как формы для описания действительности неслучаен. Он обусловлен, во-первых, ее бунтарским духом, а также стремлением к простоте или даже опрощению поэтической речи. Ее стихи подчеркнута безыскусны, но по-своему изящны и лаконичны. Форма в данном случае полностью соответствует творческой установке автора и содержанию ее стихотворений. Этим содержанием является жизнь в ее бытовых проявлениях, рассмотренная и описанная сквозь призму поэтического сознания. Цветаева говорила о Пастернаке, что для него «характерно не просто пребывание в природе, а категорическая невозможность какого бы то ни было, пусть даже малейшего, отсутствия его в ней».

То же можно сказать и о лирической героине Ярыгиной, заменившей природу на быт: ей присуща какая-то невозможность отсутствия в быте, в посюстороннем, в житейском. Лирическая героиня поэтессы — образованная женщина, которая прекрасно осведомлена о существовании высшего — поэтического — смысла, но которая решает остаться здесь, на земле, и использовать свой поэтический бинокль для одухотворения «малых сих»: вещей, предметов быта, часто остающихся для нас незаметными:

* * *

Прихожу, снимаю перчатки,
аккуратно и педантично кладу их одну на другую.
Мне известно: если перчатки швырнуть как попало,
одна из них точно состроит
нескромную комбинацию из нескольких пальцев.

* * *

Взорвалась лампочка. Развинтили патрон,
из патрона вывалилась обугленная божья коровка.
Была бы жива бабуся, она непременно бы
сделала заключение:
«Надо же, и здесь проявляется Божия кара».

Для такого взгляда на мир Ярыгина нашла идеальную форму, отсюда – кажущаяся простота ее стихов. Однако ее образы всегда неожиданны и точны. Дихотомия «приземленное — возвышенное» является ключевой во многих ее стихах. Ярыгина как бы уравнивает эти два полюса: с одной стороны, снижает возвышенное самой интонацией и юмором, с другой — возвышает низкое включением его в стихотворения и сравнением с высоким. В результате высокое и низкое, оставаясь противоположностями, сближаются, что создает динамику и напряжение в стихах и делает их уникальными и живыми.

Если взять еще одну пару антонимов — «трагическое — комическое», то кажется, что стихи Ярыгиной лишены первого. Однако это не так. Трагическое часто присутствует в ее стихах, просто оно скрыто настолько, что подчас остается незаметным. Поэтесса старательно его маскирует. Трагическое не подается с надрывом, оно как бы спрятано, стоит за углом. Тем не менее его присутствие, безусловно, чувствуется, и тем ценнее стихи Ярыгиной, творческую установку которой в связи с этим можно назвать стоической.

То простодушно-мудрое принятие мира, о котором говорит Алексей Алёхин, — результат осознанного усилия образованного, честного и смелого человека. Человека, который сознает всю сложность мира и страдание, разлитое в нем, и тем не менее находит в себе мужество принимать его, надеяться, верить и даже посмеиваться над ним и самим собой. Именно таким человеком была Надежда Ярыгина, и именно поэтому она достойна называться стоиком. Доказательством того, что юмор, ирония и кажущееся простодушие — это поза, а не мировоззрение, служат стихи, в которых нарушается эта интонация и которые поэтесса пишет уже серьезным тоном:

* * *

...Сочини молитву для атеиста.
У него болит голова и сердце, его покинули дети —
улетели на вертолете даже черт не знает куда —
сплавляться по шумным таежным рекам...

Очень важно, что в этом стихотворении Надежда Ярыгина не использует обычную для себя ироничную интонацию именно потому, что в нем говорится о страданиях другого человека. При этом о себе и своем страдании поэтесса пишет всегда с иронией. В этом и заключается ее стоическая храбрость.

Показывая, что к собственному страданию можно относиться с иронией, Ярыгина дает ключ к его преодолению. Корпус ее стихов можно назвать той самой «молитвой для атеиста», сочиненной поэтессой за тех, кто сам создать ее не смог; молитвой, которая помогает не падать духом ни при каких обстоятельствах.

* * *

Старушка в реанимации говорит медбрата «папа»,
а медсестре «мама». Ей после наркоза кажется,
что она девочка и к ней обращаются не «бабуся», а «Дуся»,
а если воркуют, врачуют, бинтуют и пеленают,
стало быть, именно эти — друг в друга влюбленные, молодые
и такие красивые люди зачали ее и породили...

Тимур Осипов

23 года, г. Иркутск — г. Москва

О «Зимней дороге» Леонида Юзефовича

Жанровая принадлежность «Зимней дороги» Леонида Юзефовича к документальному роману проглядывается уже в самом названии. Что, если не дорогу, можно считать главной исторической метафорой? По ходу прочтения мы можем понять, что и зимняя она не просто в силу смены времен года или погодных условий. Зима — это настроение, судьба и состояние души.

Книга повествует о позднем периоде Гражданской войны в России, Якутском походе Сибирской добровольческой дружины во главе с белым генералом Анатолием Пепеляевым, который вынырнул из мирной жизни, чтобы поддержать народные восстания против большевизма. В роли главного соперника — красный анархист, полный георгиевский кавалер Иван Строд.

Историческая достоверность подкрепляется в основном выписками из личных дневников и мемуаров, что идеально соответствует выбранному жанру. Герои словно сами пишут книгу о себе и своих делах, где-то приукрашивая то, что было на самом деле, где-то убеждая самих себя в праведности побуждений. В своих дневниках воины и офицеры предстают перед нами поэтами и романтиками. Автор же пытается собрать эти обрывки жизней в единую картину и лишь изредка напоминает о себе, делая собственные предположения о ходе событий и переживаниях персонажей.

Антагонизм в произведении на первом уровне прочерчивается через историческую оппозицию белых и красных. Но на деле ни генерал Пепеляев не вписывается в образ классического белого, ни анархист Строд не вполне свой в стане красных. В якутских степях между ними начинается негласное противостояние — как борьба между белыми и красными, но чем глубже герои зарываются в снега и таежные чащи, тем темнее и непонятнее для них самих становится смысл этой борьбы.

Каждый из героев по мере продолжения похода видит все меньше значения в своей первоначальной цели. Пепеляевские упования на народ не оправдываются, Строд вместо жестоких бандитов встречает противника, которого в итоге уважает больше, чем своих красных соратников. Борьба становится иррациональной; уходят на второй план политические программы, лозунги и даже более глубокие личные предпочтения. Они просто не могут объяснить поступков героев в кульминационных осадных сюжетах. Защитные сооружения из трупов и замерзшего навоза, перемешанные между собой тела красных и белых, оторванные руки и лошадиные головы, черный от крови снег. Сотни раненых и «здоровые», которые похожи скорее на живых мертвецов, еле стоящих на ногах от усталости и натиска атакующих. Зрелище настолько до отвратного низменное и материалистичное, что стойкость людей можно объяснить только метафизикой.

Автор рассказывает не столько об истории революции, политических событиях, развитии взглядов и идей, сколько о трагичной судьбе достойных людей, которым «посчастливилось» сойтись в поединке в ледяной пустыне. «Ни злобы, ни вражды», — напишет Пепеляев в дневнике о своем отношении к противнику. Позже, на суде, он выразит уважение своему сопернику Строду, тот ответит взаимностью. Через некоторое время оба будут расстреляны.

Жизнь стирает границу между правотой и неправотой, красным и белым. Для нас в истории остались лишь свидетельства о торжестве воли и тех, кто не забыл, что значит быть Человеком.

Что читать, чтобы хорошо писать

Елена Сыроватская

выпускающий редактор альманаха «Первоцвет»

Время искать свой путь!

Обзор литературы по сценарному и писательскому мастерству

Если вы хотите стать сценаристом, то вполне вероятно, что на вашем пути встретятся люди, которые решат отговорить вас от этой затеи и приведут немало аргументов против. Книги, представленные ниже, будут полезны вам, если вы, несмотря ни на что, продолжили заниматься своим любимым делом. В них настоящие гуру кинематографа подробно и увлекательно рассказывают о каждом шаге работы сценариста — от идеи до готового сценария. Возможно, человеку, даже не помышлявшему прежде о карьере в кино, после прочтения захочется взяться за написание сценария.

Голливудский стандарт Как написать сценарий для кино и ТВ, который купят

Майкл Хейг

Майкл Хейг

Это издание уже более 20 лет остается наиболее исчерпывающим руководством для сценаристов кино и телевидения. **Майкл Хейг** в книге «**Голливудский стандарт: Как написать сценарий для кино и ТВ, который купят**» не только рассказывает о том, как добиться совершенства в тексте, но и не упускает из виду всех слагаемых коммерческого успеха. Зная о кино все, автор дает психологически точные советы, как подступиться к нужным людям и добиться их интереса, а также снабжает читателя исчерпывающими рекомендациями об организационных структурах и источниках информации. Майкл Хейг говорит, что сценарист мыслит визуальными образами, поэтому ему нравится писать для кино. Его главная задача — придумать интересную историю, а уж как ее снимать, будет ломать голову режиссер.

Автор утверждает, что самый простой способ писать по голливудским стандартам — это смотреть успешные фильмы и телешоу, а также прислушиваться к тому, что говорят о своих потребностях и желаниях люди, которые занимаются покупкой сценариев.

В общем, если вы хотите узнать, подходит ли вам карьера сценариста, то эта книга поможет сделать правильные выводы.

Подробнее об одном из важных этапов написания сценария рассказывает писательница **Кэти Мари Уэйланд** в книге «**Создание арки персонажа. Секреты сценарного мастерства: единство структуры, сюжета и героя**». Лауреат престижных премий, она прекрасно чувствует динамику текста и знает, как заставить читателя сопереживать героям и следить за развитием сюжета. Если ваш герой на протяжении всей истории никак не меняется, не развивается и ничему не учится, а топчется на одном месте, он никому не интересен. И напротив, если вы владеете ключевым навыком хорошего автора — умением выстроить арку персонажа литературного произведения, то успех вам обеспечен.

Положительная арка отличается от отрицательной, но работать порознь они не могут. Отрицательная арка предполагает больше всего вариантов. Она представляет персонажа, который в конце истории оказывается хуже, чем в ее начале. Положительная же арка, как ни странно, самая сложная. Для ее создания нужно ответить на множество вопросов. Например, вводить и усиливать ли ложное убеждение персонажа? Как обозначить скрытый потенциал героя, который поможет ему справиться с этим ложным убеждением? К чему придет герой в финале? И так далее.

Одна из задач сценариста — показать, что на самом деле нужно его герою, ведь без этого персонаж просто не будет развиваться и расти.

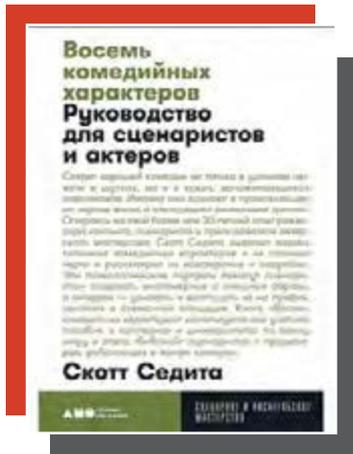
Бесспорно, образ главного героя, который для достижения своей цели готов поставить на карту все, — основа сюжета. Но не стоит забывать, что не менее важны слова, которые он произносит. Об этом пишет известный американский сценарист, один из наиболее авторитетных в мире преподавателей сценарного искусства **Роберт Макки** в своей книге «**Диалог: Искусство слова для писателей, сценаристов и драматургов**».

Автор открывает секреты создания драматического диалога, отталкиваясь от его функции, содержания, формы, а также от техники речи действующих лиц. Умение говорить лучше любого другого свойства демонстрирует, что люди — это люди. Отношения между ними — в сущности, долгие разговоры обо всех хитросплетениях, которые затрудняют или, наоборот, облегчают им жизнь. Писатель концентрирует смыслы, искореняя из текста все

банальности и пустую болтовню. Затем он сталкивает героев, ситуации и идеи, в результате чего под давлением конфликта слова наполняются оттенками и нюансами значений. То, что герой произносит в запале спора, больше чем просто слова. Выразительный диалог доносит до читателей и слушателей мысли и чувства героев и, насколько это удастся, полностью зависит от умений и таланта сценариста.

Из книги вы узнаете, как, вложив слова в уста героев, сделать персонажей живыми и показать их внутренний мир. Это учебник-исследование, в котором рассмотрены как наиболее действенные техники диалогового письма, так и ошибки, подстерегающие автора в процессе работы, в том числе клише, многословие и неправдоподобие. Если вы только начинаете свои литературные опыты, то эта книга укажет вам путь к мастерству; профессиональному же писателю она поможет сделать еще один шаг к совершенству.

Хороший текст привлекает читателей и слушателей, а яркие, запоминающиеся персонажи вдыхают в происходящее на экране жизнь и завладевают вниманием зрителя. Очень часто такими персонажами являются комедийные герои. Но не все знают, что сниматься в комедийных сериалах и писать к ним сценарии — это серьезное и очень сложное дело. Опираясь на свой более чем 30-летний опыт режиссера кастинга, сценариста и преподавателя актерского мастерства, **Скотт Седита** выделил восемь типичных комедийных характеров. Он всесторонне и подробно рассказал об этом в своей книге **«Восемь комедийных характеров: Руководство для сценаристов и актеров»**. Описанные им психологические портреты помогут сценаристам создавать многомерные и смешные образы, а актерам — воплощать их на пробах, занятиях и съемочной площадке. Если вы так или

иначе пробуете себя в комедии, то это издание поможет сделать ваше творение достойным образцом жанра.

Также в книге вы найдете небольшие тренинги по актерскому мастерству и упражнения для самопроверки.

Для воплощения сценария в жизнь важно не только актерское мастерство, но и качественная работа оператора. Современные технологии позволяют каждому человеку независимо от возраста, опыта и экипировки быстро создавать видео и получать обратную связь от аудитории.

Если вы мечтаете научиться снимать видео или кино так, чтобы его действительно захотели смотреть, то вам понадобится хороший наставник. На его роль прекрасно подойдет профессиональный кинематографист **Дебора Патц**, которая сняла свой первый фильм в 9 лет. В книге **«Сцена первая, дубль первый: Как написать, снять и смонтировать фильм»** она представляет безопасное пространство для экспериментов. Благодаря чуткому руководству Деборы и ее последовательным упражнениям вы сможете создать законченное видео и раскрыть свой визуальный язык.

Необязательно читать все главы. Например, если вы с друзьями организовали съемочную группу и распределили роли, то каждый может руководствоваться нужным именно ему разделом книги. А число персонажей можно подогнать под количество друзей и родственников, согласившихся принять участие в вашей постановке.

Непременным атрибутом успеха картины являются также крутые повороты или интриги в сюжете. Остальное — дело техники.

Неважно, сколько новых технологий внедряется в кинематограф, кто из кинозвезд и режиссеров сейчас на пике популярности. В основе любого успешного фильма всегда будет интересная и хорошо написанная история. А у главного персонажа должно быть не только настоящее, но и будущее и прошлое. Когда придумываешь героя, надо обязательно понять, какой он сейчас, каким был раньше и каким станет в конце истории. Трехмерность образа — это основной посыл книги **Карен Визнер «Живой текст: Как создать глубокую и правдоподобную прозу»**.

Длина и ширина присущи любому повествованию, с этим обычно справляются даже писатели-новички. С глубиной все намного сложнее. Эффект объема и глубины позволяет читателю словно бы пройти сквозь страницы книги и очутиться в придуманном автором мире, где живут его герои и происходят захватывающие события. Сначала мы видим лишь небольшие

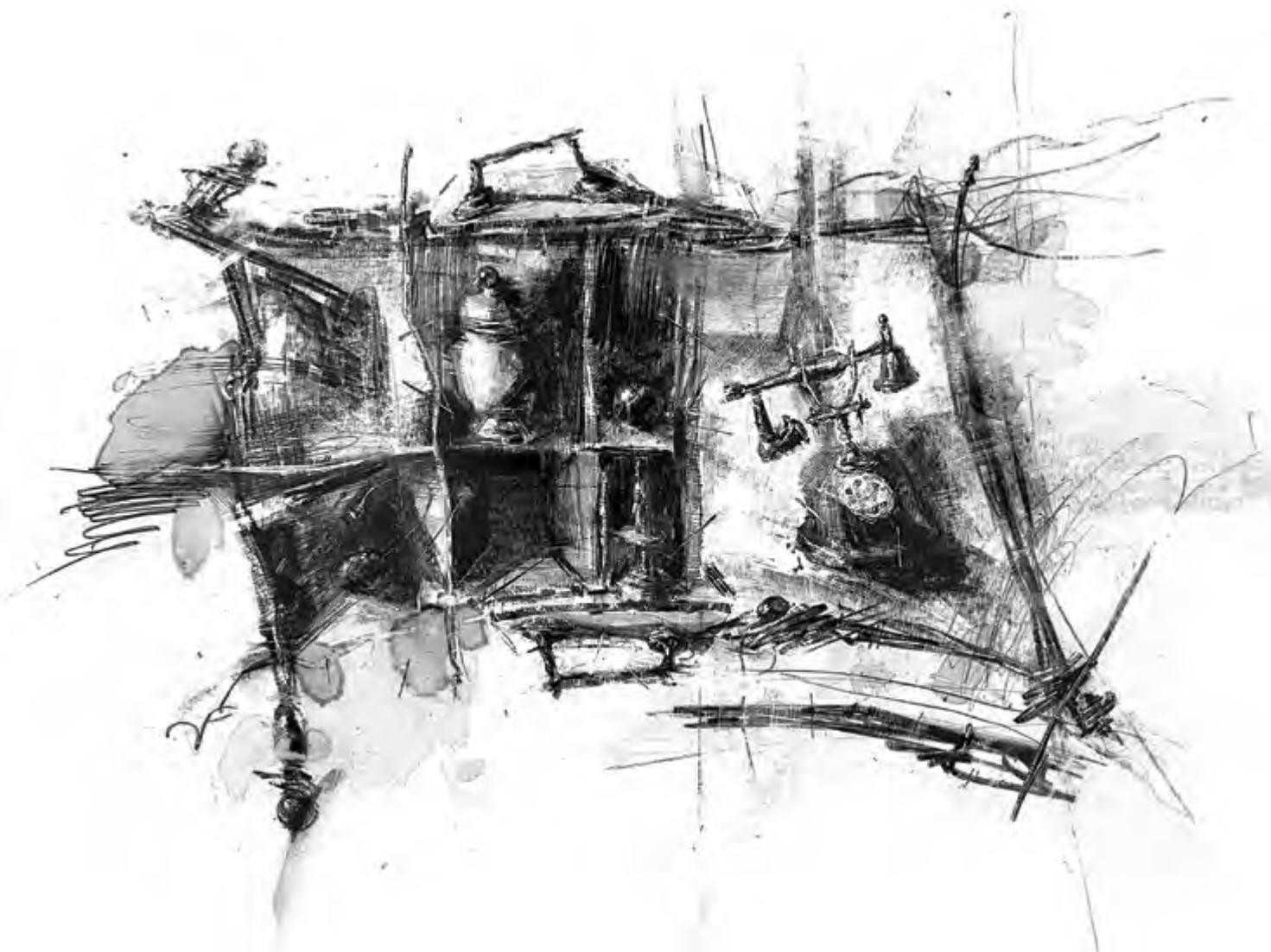
фрагменты этого мира, но затем он обступает нас со всех сторон, обретая устойчивость и реальность. Трехмерность предполагает динамику, колорит, яркую фактуру, разнообразие художественных средств и обилие интересных деталей.

Книга поможет вам создать план будущего произведения, который позволит не упустить самых важных моментов. Многие примеры взяты из фильмов и сериалов, очень хорошо иллюстрирующих трехмерность.

В конце книги автор предлагает таблицы и упражнения для работы над произведением, в том числе по трехмерному прописыванию персонажей, сюжета и художественного пространства текста.

Надеемся, что рекомендованные нами издания подскажут вам план действий и познакомят с теми инструментами, с помощью которых вы сможете воплотить свой творческий замысел в жизнь. Возможно, следующая история, которая вдохновит кинематографистов, будет именно ваша. Удачи в писательских начинаниях!

За секунду до звонка

ПЕРВОЦВЕТ

№1 [46] 2023

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ОСНОВАН В 1998 ГОДУ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Государственное бюджетное учреждение культуры «Иркутская областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Артем Морс

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ирина Тябутова
Александр Лаптев
Светлана Зубакова
Мария Аверьянова

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Елена Сыроватская

КОРРЕКТОР

Елена Зандер

ДИЗАЙН

Арина Перфильева

ВЕРСТКА

Александра Мартынова

ИЛЛЮСТРАЦИИ

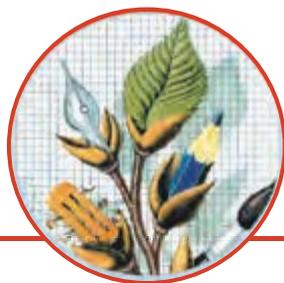
Сергей Жгилёв

ИЛЛЮСТРАЦИЯ НА ОБЛОЖКЕ

Сергей Жгилёв

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10;
тел.: (3952) 536-523, 536-255, 710-469;
e-mail: irklib@mail.ru

Волнение

Полутчик